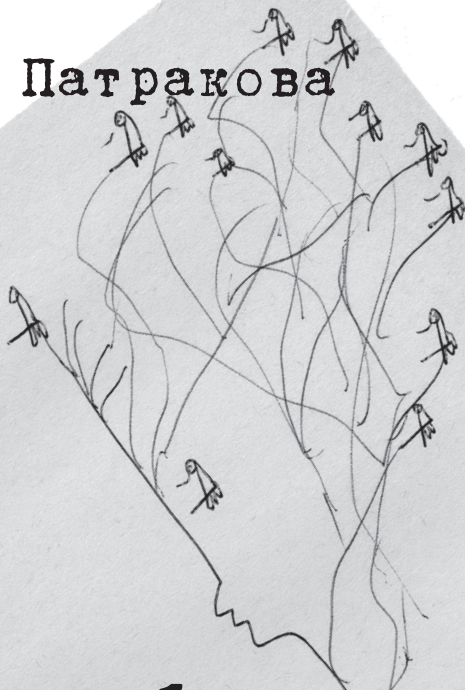

Лариса Патракова

**Немного больно.
Ощущенье счастья**

Москва, 2013

Лариса Патракова

Немного больно. Ощущенье счастья... — М.: , 2013. — 336 с.

ISBN 5-85806-084-6 (978-5-85806-084-0)

Эта книга для тех, кто способен удивляться неожиданной жизни, чужой битве, кого не раздражают парадоксы, кто не соблазняется видимым... Для тех, кому до осознания. до радости узнавания себя самого, — один вдох, одно слово, один взгляд. «В меня из старой книги дверь открыта».. — пишет Лариса Патракова. И дверь действительно открыта. А за дверью ты сам.

ISBN 5-85806-084-6
(978-5-85806-084-0)

© Л. Патракова, 2013
© Типография «Onebook.ru»

ПОСВЯЩЕНИЕ

*К 92-х летию моей мамы,
АЛЕКСАНДРЫ
ФАЛАНОВОЙ,
С ВОСХИЩЕНИЕМ
ее мудростью и молодостью.*

«Я знала это за истину»

Нет на Земле ничего более интересного и менее познанного и загадочного, чем человек.

Новая книга Ларисы Патраковой эпизодически включает привычные и хорошо освоенные поэтические жанры. Книга наполнена лирическими зарисовками прозаическими по форме и глубоко поэтичными по смыслу и тону. Проза поэта — особенное явление: она обволакивает, увлекает, ведет за собой. Фрагментарные дневниковые записи приоткрывают мир глубинных переживаний, знакомя с бытом и повседневностью, вскрывают смыслы существования, соединяют повседневное с вечным, вписывая узнаваемую событийность в историю рода, страны, человечества, Мироздания и Вселенной.

Именно во Вселенский масштаб вписано творчество Ларисы Патраковой, которая существует в русской литературе всю жизнь, даже, кажется, не одну. Такое ощущение порождает осмысленность и освоение ею литературного процесса и качеств, которыми должен обладать поэт, которые являются эволюционными для человечества и человека. У нее есть свой круг слушателей и читателей, умеющих ценить вкус, мастерство и неложную эмоциональную насыщенность, которая обретает особую проникновенность во время авторского исполнения на поэтических вечерах, встречах с читателями, в передачах радио «Россия». Ее не видит и не знает официальная критика. Но это скорее характеризует критику. Ее невключенность в социальные ранжиры определена самостоянием и обеспечивает возможность говорить без оглядки, от сердца, что лишь помогает осознанию уровня ее включенности в поэтическую ткань мироздания.

Поэзия всегда устремлена в неведомое.

Наши современники разными путями стремятся к самопознанию и исследованию возможностей человека, используя медитативные практики, гипноз, возвращающий в прошлое в стремлении прорваться в бездонные глубины сознания. На такие открытия откликается научное знание. Возникают новые критерии научности, новые обобщения и обоснования, новая научная парадигма, подготовленная отказом русской философской традиции от противопоставления сознания и бытия, что всегда было свойственно поэтическому мышлению. Развивается наука о сновидениях, разрабатываются методики, позволяющие провести их классификацию.

Модные постмодернистские авторы, ведя свое исследование состояний измененного сознания, воспроизводят смещение яви, коматозных видений и наркотического бреда. Это их образ жизни, их действительность.

Среди всех этих поисков самым успешным и, по-видимому, самым надежным остается интуитивный способ познания, предполагающий умение всматриваться в себя, свои отношения с окружающим. Поэтическое исследование мира и человека ведет к прохождению в подсознание и сверхсознание, в миры иных измерений через высоты духа, интенсивность работы души и творческие взлеты безо всяких подпорок растительных или химических стимуляторов, необходимых тем, кто к такому упорному труду не готов. Этот способ вдвойне плодотворен, если ведущий самонаблюдение находит адекватный способ выразить свои наблюдения в слове, обладает способностью сказать просто, выразительно, убедительно и, главное, честно, не приукрашивая сделанных открытий и не утаивая ничего, если открытие оказалось горьким.

Перед нами редкий образец именно такого поэтического исследования мира и человека: откровения Поэта, вскрывающего лабораторию собственного поэтического сознания. Книгу наполняют видения-прозрения, озарения, признание в болезненности вхождения в мир людей после отшельничества, уединения, необходимого для творчества. По форме эти глубокие поэтические высказывания напоминают стихотворения в прозе, прозаические по внешней организации материала, но глубоко поэтические по степени

прохождения в глубины жизни души и духа, по средствам выражения сделанных наблюдений, по организации пространства и времени. Наполненные поэтичными парадоксами, один из которых вынесен в название сборника: «Немного больно. Ощущение счастья...» — высказывания призывают к чувству и размышлению.

Каждый из поэтических парадоксов достоин углубленного рассмотрения, емко и выразительно определяя проблемы современности. Только внешне звучит парадоксально и несколько вызывающе: «Повествование мое непоследовательно — последовательной бывает только глупость». В этом высказывании отразилась современная ситуация недоверия к радио-материалистическому восприятию действительности, которое выплескивает за пределы значимого для освоения и проживания и способность улавливать музыку Вселенной, и знаки жизни космоса, и красоту подвига Христова.

Смещение яви и сна рождает особый строй бытия, вовсе не уводящий от реальности, но позволяющий увидеть ее в особом очищенном свете. Болью и состраданием пронизывает сердце взгляд на старух, из года в год закапывающих урожай картошки, поскольку нет сил и средств увезти его в город. Скорбным торжеством преодоления звучат строки о подвиге лишенного мужской силы воина, нашедшего умеющую любить подругу и берущего на воспитание «меченого» малыша. Высвобождением, ощущением вольного дыхания и ощущением тонкой связи с родными по духу людьми, живущими и ушедшими, наполнены австралийские этюды. События повседневности озаряются посюсторонностью фантазмагии жизни ближнего космоса, воссозданного Даниилом Андреевым. Ушедшее в Вечность связуется с настоящим лежащими на ладони Поэта часами Даниила.

«Я знала это за истину», — пишет автор. И истинность внутреннего глубинного знания проходит испытания Словом.

*Е. Черноземова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры всемирной литературы
Московского педагогического
государственного университета*

О творчестве Ларисы Патраковой

Стихи Ларисы Патраковой узнаются с первых строчек, как по тембру и тончайшим переливам интонации можно узнать голос человека.

Но дело не только в принадлежности голоса данному человеку — принадлежности врожденной (хотя и не каждый способен сохранить и выявить его в условиях письменной речи), но и в том, какой опыт личности за ним слышится — опыт, пришедший и на собственном жизненном пути, и впитанный с культурой своей страны и всего человечества.

В этих стихах оживает множество культурных пластов: древнее, языческое ощущение связи человека с Землей, ее водами, зверями и птицами; христианские жития и апокрифы; причудливо отраженные современным сознанием отголоски Ренессанса и галантного века; всё многозвучие классической русской литературы; Серебряный век с его изломами и курьезами, но и с пристальным вглядыванием в «заресничную страну», с верой в то, что самые тайные, неуловимые движения души находятся в родстве с самыми универсальными, возвращающими мироздание силами.

Всё это, оказывается, продолжает быть внутри нас, разлито в воздухе, которым мы дышим, но с трудом различается за монотонными, механическими шумами жизни. И тут нужно слово, подобное слову Ларисы Патраковой, искреннее, горячее, иногда совсем простое, но и в этой простоте задающее очертания огромного духовного простора, чтобы мы ощутили, что простор этот внутри нас еще сохранился, и с ним мы способны противостоять всякому разрушению, не ловить — ни на какие профанации и снижения жизненных смыслов.

Но не хочется и сводить всё к определенной пользе, пусть и такой существенной. В стихах Ларисы Патраковой есть и просто тепло и красота, изящество и точность слова, чувство пути по неизвестному маршруту с неожиданными приключениями. Разве для настоящей поэзии этого недостаточно?

*Евгений Морошкин,
композитор.*

*По самой краине бытия
Палз жёлтый шмаль с глазами муз,
Беременный негдешиши грузом.
А роды принимала я...*

Часть 1 Вино из полыни

Эпитафия осе

Всем существом упав в моё запястье,
В порыве страсти умерла оса...
Эной. Панихидный запах чабреца.
Немного больно. Ощущенье счастья.

*P.S. При тщательном исследовании всех
обстоятельств гибели осы она оказалась
пчелой. Но это не меняет сути.*

Прочла Эпитафию на своем выступлении в Обсерватории. Через два дня позвонил человек и рассказал: лежал в степи под машиной, чинил. На голову упал кардан. Схватился за голову и вдруг, неожиданно для себя, вместо крепкого мата, произнес: «Немного больно. Ощущенье счастья». Так теперь и выражается в подходящих случаях.

Во время жёсткой бессонницы, уже под утро, я посмотрела на двух ангелов, живущих у меня на полу под китайским оранжевым зонтиком, и за десять минут сняла фильм-притчу «Ангелы под дождем». Фильм потребовал текста.

*Марине Рутынской —
техническому ангелу моей рукописи*

Прохладно. Сыро. Льёт как из ведра
И целый день, и целую неделю.
И Ангелы печально не при деле:
Намокли крылья, кашляют с утра.
Мы брошены на произвол, увы,

Своих желаний и убогих мыслей...
 Идут дожди, нас некому возвысить:
 Кто знал, что Ангел болен от воды.
 Дожди лупцуют. Суета, как месть,
 Затягивает наши дни и души.
 Встревожен Ангел, наспех крылья сушит
 И кулачком стучит: «Я здесь! Я есть!»
 Прогноз плохой: печальных мыслей тлен -
 Причина слишком долгого ненастья...
 Верните Ангела улыбкой счастья!
 Он жив. Здоров. Он радостен и смел!

Ночь на 15 февраля 2012 г.

* * *

За час до наступления XXI века я спросила: «Что ты мне скажешь, Господи?» И получила ответ: «Пески на путях твоих просят у тебя песен и движения твоего, пляшущая вода. Понесёшь ли ты бремя неподвижности их?» (Р. Тагор). Не знаю, Господи. Не знаю...

А XXI век наступил для меня 19 января 1994 года... Я смотрела в окно: шёл крестный ход — хоругви, кресты, свечи. С пением Крещенского тропаря заходят ко мне в дом, и комнаты расширяются за пределы Вселенной. Священник все кропит святой водой, горят лампы — радость большая. И, уходя, мне дарят икону, которая называется «XXI век». После этого всё исчезает. Я и сейчас не знаю, что это было...

* * *

21 ноября 1996 г.

В заснеженных холмах летал удивительный мальчик: в телогрейке, а на спине крест-накрест привязаны крылышки. Он учился летать: взлетал, летел и падал в снег... Решила поместить его в сердце. (Не архангел ли Михаил?) Я и сама летаю, сколько себя помню. Но с тех пор, как увидела свой полёт во сне, я засомневалась: где я летаю — где явь, где сон.

Когда два пространства или одно, но с разными входами и выходами, то и всегда так... Например, открываешь Интернет, а там настоящие цветы полевые растут... С этим Интернетом еще мороки не оберёшься. Разучились люди жить (или еще не научились), вот и придумали запасное поле жизни — игровое... И отдают туда свою

энергию. Надо ведь её куда-то девать. Так и случится: войдёшь в Интернет, а там уже полевые цветы растут, живые...

От XVII века остались в этой местности два бродячих ветра: рыжий да лиловый... Повествование моё непоследовательно — последовательной бывает только глупость. В моей жизни воспоминаний достойно только то, что ещё собирается случиться. Например, послезавтра или через год...Ничего с этим не поделаешь.

Я пробовала по-другому. И ни одной автобиографии за всю жизнь написать мне не удалось. Поэтому же не люблю присутственные места: там надо писать и объяснять так, как я не умею. Я всегда старалась в ЖЭКе, в пенсионном фонде, в паспортном столе читать стихи. Это требует особой отваги. Ведь надо, чтобы тебя выслушали, решили твой вопрос и при этом, после твоего выступления, не захотели в отношении тебя принять меры...

О, это большое искусство — решать свои проблемы с помощью стихов. Я бы рада без этого обойтись, но по-другому меня не слышали и не видели, по-другому меня для чиновников не было, не существовало. Удивительно, но на стихи они отзывались и из столоначальников превращались в людей...

Оглядываюсь: где я только не побывала... И стихи — лучшее транспортное средство, так сказать, всегда готовая к услугам вечерняя лошадь...

Открываю свою книгу: и времена, и география, и Вселенная — дух захватывает.

*По самому краю четырнадцатого столетья
Шли друг за другом, а воды и солнце
Дышали тишайшей молитвой на свете...
В траве различала я след Ферапонта...*

И я помню это.

* * *

Как случилось, что люди высосали время из Вечности, не сумели Вечностью воспользоваться... Ведь при рождении человек получает

в подарок Вечность. В детстве каждый там и живёт, а потом, потеряв ощущение тайны и радости, он попадает в плен времени — тайной уловки лжи, им же самим и изобретённой. А дальше остается только безжалостно расправиться с собственной жизнью, что у большинства хорошо получается.

* * *

Я точно знаю: рассказывая о том, что было позавчера, я строю очень далекие перспективы своей жизни...

* * *

Когда появятся в повествовании два бродячих красавца — рыжий и лиловый ветры из XVII века? Не надо за них волноваться: они уже делают свою работу. О них можно больше и не упоминать. Но если вы собираетесь дожить до того момента, когда, заходя в Интернет, будете попадать в реальное царство цветущих полевых цветов, то вы должны знать, что это — работа однажды упомянутых на этих страницах старых бродяг. Семена они занесли самые отборные: с экологией в XVII веке всё было в порядке.

* * *

Пушкин воплотил образ Татьяны с такой силой, что он ушёл туда, в духовный мир, где, если так можно сказать, духовно материализовался. И сейчас, как и любая живая душа, возвращается на землю уже во плоти и проходит свои инкарнации. Иногда мне кажется, что это я.

* * *

13 марта 1999 г.

Моё неотправленное письмо Елене Говор в Австралию.

Мечтая об Австралии, русский человек мечтает о себе самом. Так как нет ничего важнее встречи с собой. Но немногие способны для осуществления этой встречи идти вглубь своего собственного материка — туда, где действительно можно себя обрести. Когда эта мечта о встрече с собой становится страстной, мучительной, неотступной, а подлинный путь к себе или не известен, или его стараются не видеть, тогда для немногих русских (кому однажды явилась, приснилась, пригрезилась эта Тайна — Австралия) из глубин собственного сознания-Океана всплывает заволаживающий, почти

нереальный материк. И стремление добраться до него оборачивается наваждением.

Каждый верит, что только там, на этой земле всё случится: свобода, покой, творчество, любовь, ты сам... Многие, ценой невероятных усилий, добиваются... И трагедия невстречи преследует их всю оставшуюся жизнь, но теперь под созвездием Южного Креста. На самом деле свобода, покой, творчество, любовь, ты сам — все это внутри тебя самого. И только тот, кто обретает это в себе, обречён и на встречу с Австралией, если хватит на билет... Только человек, который нашёл сам себя (в Москве, Петербурге, Сибири), будет равен Австралии (и символу, и реальной земле — самому древнему пласту памяти планеты).

Именно поэтому год назад, когда мне отказали в австралийской визе, я не расстроилась. Я знала, что путь, которым я так давно и так трудно иду, всё равно ведёт в Австралию. Пробираюсь вглубь себя, а обретаю то, что сделает моё свидание с реальной Австралией — Встречей!

* * *

Конечно, жизнь для многих — серьёзная проблема, особенно когда тебе 180 и дни похожи друг на друга, как близнецы. Да, 180, и даже больше. Существует особый коэффициент расчёта реального возраста. Например, если ты в свои 60 трижды подумал о том, что это — старость, то тебе в тайной канцелярии в графе «количество лет» проставляют 180.

Каких только «долгожителей» не доводилось встречать! Сама я, признаюсь, часто с трудом, балансирую на своей любимой отметке — 4,5 года. Удаётся через раз. Хотя бывают и у меня падения, буквально провалы в какую-то немислимую «древность» (было мне и до тысячи, не скрою). Но я старалась вовремя одуматься, раскаться и возвращалась в состояние удивления и радости. И не успевали в тайной канцелярии припечатать меня какой-то серьёзной цифрой. Поэтому и **убилеи** меня обходят стороной: мне они неинтересны, и они меня не замечают.

* * *

В детстве часто просыпалась по ночам с плачем: снился страшный сон. Мама успокаивала, расспрашивала: что меня напугало, что мне приснилось. А как я могла объяснить? Это потом поняла, что пугала меня родина. До слёз, до судорог. И это на всю жизнь.

Я, действительно, жила с этим затаённым страхом перед родиной, перед страной, перед государством. Чем взрослее становилась, тем страшнее выглядела российская история. Даже понимая уже метаисторическую закономерность нашей истории, я не могла совладать с этим генетическим страхом...

И это во многом исковеркало мою жизнь. Наверное, выход один: взять на себя ответственность за нашу общую историю. Пробовала. Не получается. Вернее, получается частично. Но это уже не ответственность. Масштаба, я думаю, у меня не хватает. Интересно, у кого хватает?

Я так и не научилась жить в России со всей полнотой и безоглядностью души. Оглядываешься невольно и ждёшь подвоха: не веришь! Это трагедия. Думаю, что не только моя.

— Что тебе приснилось? Почему ты плачешь?

— Родина мне приснилась, мама. Родина. И как ты, мама, девочкой, вручаешь букет цветов Вышинскому — от всей школы. Тебе доверили. Вот и приснилось, мама. Очень страшный сон.

* * *

Тишина и прозрачность. И непостижимость жизни. А я чужая себе! Кто я? Что я силюсь вспомнить? Между мной и мной — стена. Между мной и миром — стена.

* * *

Димке 9 лет. Рассказываю о Новом Завете. Евангелие от Марка, Матфея, Луки и Иоанна. «А от Ларисы нет?» — «Как?» — «От мученицы Ларисы?» — «Нет». — «А жаль. Надо, чтобы от Вас было. Благая весть от Вас».

* * *

26-27 октября перечитала, пересмотрела, пережила сотни, если не тысячи, своих стихотворений за 20 лет последних. И что же? Почти заболела, войдя в то состояние. Через это бормотание, кружение слов, добывание смыслов, через заговор, молитву, прищёптывание, песню шёл один-единственный процесс — рождение себя... Из чего-то вырывалась, выпутывалась, от чего-то отпочковывалась. Нужно было из хаоса, тяжести, плоти, чувственности родить себя, свою душу. Все эти стихи ничего другого и не стоят: это послед,

оболочка. А лейтмотив — ожидание себя самой. Пожалуй, таких опытов можно по пальцам перечесть.

* * *

Слова до Пушкина жили как бы в полсилы, сонно. Он их хозяйской рукой встряхнул, проветрил, проверил... Создатель языка. Просто язык с ним проснулся, как богатырь на печи...

* * *

Оказалось, что одна из моих звёзд — Мицар (Чёрный конь, как называли арабы) в ручке Ковша Большой Медведицы.

P.S. Не знала, что через годы встречу с ней очень близко: буду смотреть на неё через телескоп и здороваться. И не один раз.

* * *

Австралия — детство земли. Хочу послушать, как дышит. У этой земли нет памяти сменяющихся культур, цивилизаций — есть прапамять.

* * *

22 февраля 2003г.

Дома за столом. Звонок в дверь, голос соседки: «Лариса, Сингапур!» Я, как сумасшедшая, вскакиваю, бегу к ней, к телефону, срываю трубку! И она, в недоумении, мне: «Сингапур с Павлом Любимовым», — и показывает на телевизор... И я, как из затмения, возвращаюсь в реальность: какой Сингапур? Кто мне должен звонить из Сингапура? Чего я жду? Что за наваждение?! Конечно, я думала про Австралию в эту минуту.

Вернулась домой и горько, горько заплакала. Во всей полноте опять явилась невозможность увидеть и Австралию, и Сингапур, и все остальное. А главное — Океан. Долго и горько плакала.

Телефона не было много лет. Телевизора нет с 1983 года до сих пор, но его выкинула сознательно.

* * *

1995г.

У меня выходит первая книга «И завтра Спас...». Порой меня мучает вопрос: почему здесь, в моей стране, не нашлось за долгие годы ни одного человека (кроме Бориса Мансурова), который бы обрадовался русскому языку, русскому духу, своеобразию моих

стихов и захотел издать их. И почему такой человек — русский — нашелся в далекой Америке? Один Господь знает. А мне ясно другое: рассеяние языков по миру, помимо внешних причин, имело и другие причины, скрытые, которые, вполне возможно, никогда не проявятся. Но носители нашего языка, оказавшись в разных точках мира, выполняют громадную работу.

Энергетические ручейки русского языка, пронизывая земное пространство, оживотворяют землю. И русские, где бы они ни жили, связаны более, чем кровным родством — языком, который — всё. И я радуюсь этому родству, этой причастности к общему Богоугодному делу: говорить, читать, думать, молиться, петь и плакать на русском языке. У нас с Владимиром Ермиловым, родившимся и прожившим жизнь за границей, общая родина — русский язык.

Спасибо, Володя, что ты его сберёг.

* * *

Неопределённость, сиротство, неприкаянность моя здесь и полная незащитность, открытость нутра.

* * *

«Господи! Дай мне чистоту сердца и непорочность помыслов! Но умоляю: не спеши!»

Блаженный Августин

* * *

Александр Македонский и я, Клеопатра, с ним на качелях.

* * *

Сон Тани Смирновой.

70 апостолов искупали мою страсть. Была она столь велика, что пришлось разделить её на 70 частей, и каждый из апостолов смог понести только малую её часть.

* * *

Пушкин, князь Сергей Волконский и я — выходим из бокового подъезда Зимнего Дворца. Вечер. Снег. Нева. Чарующая душу гармония: одежды, разговор, музыка, снег, наши отношения. На вечер к Ушаковым. Незабываемо и через годы.

* * *

Когда комар попадал в луч закатного света, он становился удивительным светящимся самолетиком. Проступала его сущность?

* * *

Как просто растёт сосна! Сколько ни смотрю, а она все растёт.

* * *

Бегу по усадьбе в Михайловском. Небо синее, сгущается — такой свет я уже видела перед светопреставлением. Лошадь вспахивает поле вдалеке. И я летаю, как обычно я это умею.

* * *

Океан. Плыву, подныривая под волну. Вдалеке столпы света — там люди. Цивилизация. А здесь неоглядность и неизвестность. И тени кашалотов.

* * *

Луна. Из неё стреляющее пламя — голубое и зелёное.

* * *

5 ноября 1985 г.

Иду одна по просёлочной дороге. Издали вижу, что на дороге валяется тряпка. Подхожу, поднимаю. Это кожа, сброшенная человеком, который прошёл здесь до меня.

* * *

Володя с головой Лебеда.

* * *

Звёзды в небе опять носились как стаи птиц.

* * *

Сколько неба! В небе знаки — из звёзд, из огней, из молний.

* * *

Поднимаюсь по лестнице, а навстречу спускаются пять каменных Пушкиных под защитой пяти каменных львов. Окаменеешь от таких юбилеев!

* * *

Смотрю на лица младенцев — иконы.

* * *

«Готовность любить, то есть считать друг друга равными, — суть всего чудотворства».

Пол Феррени

* * *

6 апреля 1995г.

Меня причёсывал грач, а потом вдруг свалился мёртвым мне в колени.

* * *

29 апреля 1995г.

Травы с пением выходили из земли.

* * *

10 июля 1995г.

Громадный стол, за которым только мужчины — все мои деды и прадеды. Множество.

* * *

22 апреля 1996г.

Иван Грозный. Близко.

* * *

20 августа 1996г.

Шла по дороге, и впереди шёл ребенок — дорогу показывал. Изредка превращался в кота.

* * *

Пахали землю на белом быке, похожем на вьетнамца.

* * *

6 июля 1997г.

В Австралии.

* * *

Ночь на 16 января 1998г.

Летала по комнате своим обычным способом, отталкиваясь ногами и поднимаясь все выше. Но добавилась новая способность: становилась невидимой. Люди не понимали: не видя меня, меня ощущали.

* * *

Я поцеловала сердце Океана.

* * *

25 января, в Татьянин день, причащалась за Татьяну Ларину. Последняя в очереди.

* * *

Вечером 28 января открываю дверь — за дверью сидит собака. Поздоровались.

* * *

Откуда в моих стихах этот нездешний опыт? Время от времени очень удивляюсь.

* * *

«Ибо подлинная поэзия — это действие. Она буравит сознание — ведь мы так сильно замурованы, забаррикадированы — и через отверстие в нас входит Реальное».

Шри Ауробиндо

* * *

«Бальмонт, Брюсов, Соллогуб и другие поэты духа — без истинного содержания духа».

Архимандрит Иоанн Шаховской

* * *

25 ноября 1983г.

Меня позвали в гости к Ахматовой. Город на холмах, неприглядный, застроенный сараями, голубятнями, лестницами. Анна Андреевна живёт на окраине. Очень долго одолевала все эти лестницы, темноту, переходы. Нашла дом. Волнуюсь. Достала подарки. Главный — очень хорошие блокноты. Она входит. Нас знакомят. Она большая, полная, в светлом шёлковом платье. «Пойдёмте», — уводит на улицу, садимся на бревно.

Читаю её строки, очень важные для меня, рассказываю историю о них. Она вполне равнодушна и не понимает, отчего я так волнуюсь. Я разочарована. Пытаюсь спорить. Через время я описала эту встречу в стихотворении «Я спорила с Ахматовой однажды».

А. Ахматовой

Я спорила с Ахматовой однажды.
Испуганно и в дерзком нетерпенье
Ждала, что небо, наконец, накажет
За несмиренье.

Четыре строчки — всё моё богатство,
Тысячелетней жатвы полный колос —
Не нравились ей так, что разрыдаться
Хотелось в голос.

Бессмертные ей доводы служили,
И чуть обугленные веки птичьи
Взгляд удивлённый, пристальный тушили:
Я спорила на грани неприличья.

Все доводы мои были неясны —
Я успевала разминуться с ними...
Вздыхнув, она спросила моё имя,
И я проснулась правой и несчастной.

* * *

Очень долго искала в Риге странный дом на углу, с огромными окнами. Нашла. Приняла меня старуха — художница. Спросила: «Страх привёл или человека ищешь?»

* * *

13 января 1985г.

Любовь Дмитриевна, Блок и я. Готовились переезжать, собирали вещи. В шкатулке ключи. Александр Александрович просит не забыть и отдать их мне. Я сворачиваю в трубку холсты и один из них очень хочу взять себе. На холсте Блок с прекрасным, светлым лицом, стоит очень вольно, свободно, положив раскинутые руки на плетень. За ним неоглядная заманчивая даль. И вдруг замечаю: ладони Блока прибиты к забору гвоздями. У него нет выхода. И у него уже другое лицо.

* * *

В моей корзине для черновиков очень любили сидеть бывающие у меня в гостях дети. Корзину плели в Пушкинских горах из

ивы так, как плетут заборы. Была она метр в высоту и больше метра в диаметре. Бумаг в ней всегда было много, и я подозреваю, что было в ней уютно, тепло и по-особому интересно. Бумаги шуршали, мелькали буквы, обрывки фраз — о, это была совершенно особая игра!

Сама я, признаюсь, не смогла разместиться в ней со всеми удобствами, хотя и попробовала однажды, но знаю, что некоторым из тех, кто провёл в ней достаточно времени, и сейчас снится эта корзина, как необычный корабль, как спасательная шлюпка, как убежище. Один такой мальчик, Илюша, давно живет в Израиле, но корзина моя и сейчас с ним.

* * *

30 июля в монастыре Святогорском на службе. На литии у могилы вдруг ясно поняла, что Пушкина теперь не надо поминать — надо ему молиться. Поняла, что его посмертная судьба состоялась. И ещё как состоялась!

* * *

2 августа — день памяти Семёна Степановича Гейченко.

* * *

Рядом медленно и чётко думало дерево. Я улыбнулась ему. Но в моей улыбке не было корней — я вдруг это так ясно почувствовала.

* * *

Выдавала замуж четырёх дочерей царя. Измучилась.

* * *

Летающие легкие букашечки залепили глаза. Оказалось, что это посланцы архангела Гавриила.

* * *

3 апреля 1997г.

В белых платьях множество невест выходят от детей — экзамены детям сдавали.

* * *

5 мая 1987г.

Первый век христианства. И попадаю не впервые.

* * *

Вино из полыни.

* * *

Всё мечты... Мечты о несбыточном...

* * *

Царица Александра Федоровна заводит меня в церковь Параскевы Пятницы, а вся церковь внутри из пчелиных сот, полных мёда.

* * *

Словарь Даля... Нечеловеческая работа — этим всё сказано. Вместил невместимое. Такая глубина проникновения в Слово не могла не открыть Духа.

* * *

4 января 1994г.

Звонок Кости Мануйлова. Сидит вечером в Петербурге и пишет математический комментарий к «Книге перемен». И эпиграфом — цитата из моего стихотворения — «Чем дольше память — тем душа бесстрашней». Этого он мне и пожелал.

* * *

Пушкина увидела со спины за столом — устало опущены плечи, до боли родная спина...

* * *

Рождество. Радость: Господь родился! Любовь к Нему. И одиночество в мире. Неполнота моя: думаю о человеческом, а на самом деле Господа не вмещаю.

Через церковный календарь вечность вторгается во время — поэтому есть чем дышать.

* * *

«Постыдная, но никогда не умирающая похоть».

Отец А. Шмеман

* * *

Переключка моя с В. Розановым.

* * *

1996г.

Михайловское перешло в другую реальность... Сороть, лес, усадьба, за околцей — всё, что было так живо, так входило в душу — будто перестало быть реальным, ушло, поднялось, достигло полноты и родилось туда, наверх, хотя всё и на месте. Значит, верны были мои ощущения.

Как же теперь жить здесь?

* * *

Маленький Олег, пять лет. Я: «Да съешь ты эту конфетку. Чего ты боишься? Не отравить же тебя я хочу». А он всё отказывается и вдруг говорит: «Такие красивые женщины и бывают отравительницами».

* * *

Нет мне покоя. И на кордоне то же пугающее равнодушие ко всему.

* * *

Живихин Михаил Фёдорович. Начало XX века. Высокий, красивый, широкий душой, добрый. Глаза тёмно-синие, как васильки, волосы чёрные, брови чёрные.

В мороз страшный мёрзли воробьи, а он шёл, собирал их в шапку, приходил домой заиндевелый и на шесток печи их раскладывал. И оживали...

Восемь приёмных детей усыновил, еврейских, после погромов.

Крышу соломенную разбирает, солому цыганским коням отдавал. Мужики говорили: «Значит, весна пришла: Мишка крышу разобрал». Где сейчас такие.

Одно слово — Живихин.

* * *

Тайну пространства, как зелёный лист, сжевали прожорливые тощие гусеницы мыслей...

* * *

Австралия обнимает меня великим отрешением Океана.

* * *

Австралия — первородность Земли, скрывающая общую для всех тайну.

* * *

Я ворочалась в глубине слова, не находя выхода, и огненные языки смыслов лизали и жгли изнутри...

Отпустить меня на волю могло лишь вдохновение или чудовище здравого смысла, заставляющее не поверить в собственную гениальность...

* * *

Пушкин обречён нашим почитанием.

По-читанием...

* * *

Мне ничего не остается, как упасть в ноги таинственной красавице по имени Жизнь.

* * *

Осинки, жёлтые, прозрачные, как тоненькие восковые свечи, выстроились вдоль дороги... Сквозь туман солнце первым лучом зажгло их верхушки. Засветились робко, трепетно. Загорелись. Идешь, словно по храму: в душе восторг и смятение. Алтарь где-то рядом, но разглядеть не можешь. А ведь Алтарь — это ты сам.

* * *

Во сне я молилась: «Чтобы быть умной, Господи, и не оледенять кровь Твою и Твоим камнем быть».

* * *

Ночь с 7 на 8 января 1987 г.

Впервые услышала, как растёт дерево. Все началось от того, что услышала, как растёт во мне роман — то нечто очень смутное и очень цельное одновременно: жизнь течёт через тебя, в тебе, как в стволе; устанавливаются, улавливаются самые дальние связи, слышны все голоса сразу, входишь сразу во все дома, говоришь одновременно со всеми людьми, и результат тебе неизвестен и не важен, — важны эти мгновения какой-то вселенской и одновременно очень конкретной наполненности всем сразу.

* * *

Спрашиваю у маленького мальчика Дани: «Что ты чувствуешь, когда тебя целует мама?» — «Как будто бы у меня на лобе конфеты растут».

* * *

«От ложного знания к истинному незнанию природы».

Н.В.Тимофеев-Рессовский

* * *

Всё больше убеждаюсь: человеку до собственной жизни нет ни дела, ни интереса. Скользят по поверхности.

* * *

Когда читаю или слушаю Набокова — больно.

* * *

2005 г.

Информация, которая потрясла: из 20 миллионов работоспособных мужчин в стране:

1 млн. — заключённые

4 млн. — военные

4 млн. — алкоголики

1 млн. — наркоманы.

* * *

Молитва Насти Смирновой, шесть лет.

«Ангел мой, выздоравливай меня, только сам не заболей».

* * *

Сочельник Рождественский — усталость от служб. Но как всё странно, как невероятно нереальна моя жизнь. Ощущение такое, что из всего, что я знала, понимала, могла — меня выталкивают, выбрасывают. И самая большая незнакомка для себя — это я сама.

* * *

В очередной раз примерила, перечла жизнь Пастернака — неудобно очень! Пытаюсь объяснить, увидеть через него свою — неудобно!

Может быть, он нарушил законы жанра в «Докторе Живаго»? Он пытался написать роман как жизнь, в жанре жизни что ли..., а романы все-таки пишутся по законам литературы. Через него лилась, бормоталась, шелестела жизнь, и это было так мощно, что это же и подавляло, не давало до конца сказать, оформить. Захлебывался. И сам он — явление природы. Как роца, горы, реки.

* * *

Заглянула опять в «Живаго». Все-таки ощущение чего-то нечеловеческого, начиная от Юрятинских-Варькинских снегов. Вижу их. Дыхание каких-то иных миров, дыхание стихий. Борис как бы посланец именно стихий. В той или иной степени.

* * *

Моё главное чувство — нет у меня прошлого и я ни в чём не вставлена в рамки.

* * *

Утешение, подарок: после 10 дней с Пастернаком и Ивинской, после панихиды о них, молитвы моей за них, сегодня утром по радио — «Август» Пастернака. Читал он сам. А мне завтра день рождения. Спасибо всем за всё. Я в эти дни вновь пережила их судьбы и свои отношения с Пастернаком, Цветаевой, Мандельштамом. И первое сообщение 16 января по радио: «Во льдах застрял теплоход «Марина Цветаева». Нужен ледокол».

* * *

Ванюша, пять лет, — при встрече: «Лала, я молился и это стали стихи. Я не понимаю, где стихи, а где молитва».

Святослав устал и вечером говорит: «Где моя зубная расческа?».

Ваня: «Если я умру — я всегда буду холоший?» Не мог смотреть в мультике, как тигры оленя убили. «Я так не иглаю», — и ушёл.

* * *

Один из главных поступков в моей жизни.

Бегу с рынка, маршрут годами один и тот же. На углу сидит нищий, без обеих ног, здоровый такой мужик, и не старьёй. Всегда старалась ему что-то положить в шапку. В этот раз протягиваю яблоко, а он вдруг говорит: «Позвольте ручку поцеловать». За несколько секунд — что я пережила! Но всё-таки руку протянула. Он поцеловал.

Никогда не забуду!

* * *

Вынесла магнитофон во двор. И удивительно — как за дирижёрским пультом огромного оркестра: травы, камни, деревья, кусты — всё. И всё пронизано закатным солнцем.

* * *

День под яблонями у Насти.

* * *

Яблоня с единственной веткой, полной яблок. Лампочка отражается в яблоке. Смотрю — не посмотрюсь.

* * *

Холмы — вздохи, ночные тяжкие вздохи людей из года в год, из тысячелетия в тысячелетие. Земля отзывается на эти вздохи — берёт на себя, чтобы помочь. Так вырастают холмы.

* * *

Под синей машиной сидела чёрная кошка и жёлтыми глазами, измученными ожиданием чуда, цедила даль.

* * *

Взяла книгу Шри Ауробиндо. Никогда ни одну книгу не читала на таком пределе внимания: в меня просто вливалось всё. Слышала зов, призыв — всем телом, всем существом слышала. До вибраций во всем существе.

* * *

Теперь знаю: я должна встретить человека, под взглядом которого у меня в бровях вырастут крошечные золотистые ромашки.

* * *

Странно: на месте Полоцка потрясающая воображение древнейшая цивилизация, о которой никто ничего не знает. Может быть, я как-то заблудилась оттуда?

* * *

Немыслимая тоска.

* * *

Подписание Государем отречения на станции Дно.

* * *

«Человек независимости от счастья и непленённости горем».

Архимандрит Иоанн Шаховской.

Но как?!

* * *

«Душа — дочь неба». Так и есть, знаю.

* * *

Вихри душ и светил в моих недрах хранятся...

* * *

Когда люди обращаются ко мне «Лариса», — они не видят, что я оказываюсь для них за барьером своего имени, в жутком одиночестве: ко мне не пробиться. Когда — «Лариса Реональдовна» — проще, легче — защищает отцовство. Кто хочет близко — надо найти моё имя.

* * *

*«Но сколько можно всё грустить
И плакаться в платочек?
Пора уже и песни петь,
Душа моя, цветочек!»*

Стихотворение девочки пяти лет.

* * *

Улица чуть замедлила перед этим домом и неостановимо побежала дальше.

* * *

Была у отца Фёдора. Попросил сжечь епитрахиль, в которой исповедовал много лет. Очень ответственно отнеслась. Сколько людей выговаривали, выплакивали под ней свои грехи, боли, страхи. Помолвившись, положила в печь на раскаленные угли! Как горела! Разными огнями. Пепел собрала ложкой и ему отдала.

* * *

«Что такое время? Когда меня не спрашивают об этом — я знаю. Когда спрашивают, я не знаю!»

Блаженный Августин

* * *

Перед тем, как утонуть, последняя молитва финикийских моряков (1 век н.э.): «Бог, суди меня не как Бог, а как человек, которого поглотило море».

* * *

«Неужели ты думаешь, что Всевышний мог создать что-нибудь помимо Рая?.. Понимаешь ли ты, что грехопадение — это неспособность осознать, что мы в Раю».

Борхес «Роза Парацельса»

* * *

«...Восприняв глазами точки, исходящие от красоты, он согревается, а от этого укрепляется природа пера. От притока питания стержень пера набухает и они начинают быстро расти от корня по всей душе — ведь она прежде вся была покрыта перьями. Пока это происходит, душа вся клокочет и бьёт через край. Она клокочет, испытывая раздражение и зуд, рождая крылья»...

(откуда-то переписала)

* * *

Как всплеск детского смеха, проплыла мимо стая мелких серебристых рыбешек.

* * *

Михаил Наими — подарок!

* * *

Святитель Николай дал выпить прозрачную жидкость из пузырька. Утром проснулась без боли.

* * *

Трогательный отец Виталий. Чуть не умерла от счастья, когда этот мальчишка в сане (18 лет) рассказывал, как он тренируется в бане в тазике: учится ходить по водам, как Христос.

* * *

Рассказ Наташи о том, как умирал Толя. «Живаго...», — еле произнес. Она наклонилась к нему: «Что?» — «Позови доктора Живаго... Есть телефон?» - «Есть, есть», — успокоила Наташа. И Толя ушел.

* * *

1993-й год.

Еду в поезде. В купе вдвоём с парнем. Двадцать семь лет, Валера. После первых его слов у меня и восторг, и недоумение: неужели такие

люди еще встречаются?! Детство — нищета, запойный отец. Очень хотел жить хорошо. Учился. Пошёл в милицию, в технический отдел. Не любит пьяниц, нарушителей, преступников. Хочет просто жить, счастливо, «а не сводить концы с концами».

Я говорю: «Вдруг бы наступила такая жизнь, что бы вы стали делать?» — «Пошёл бы деревья сажать. Сады. Я на своей даче (27 соток) люблю эксперименты: сажаю, скрещиваю, выхаживаю. Природу люблю. А что происходит в стране, не понимаю. Политически неграмотный. Болтают много. Где бы найти людей, которых власть не портит? Я бы сам не пошёл — несмелый. Иногда у продавца в магазине боюсь спросить».

Смотрю на него: такой он красивый, большой, светлый человек, надёжный какой-то. Но вот — «политически неграмотный»...

В конце разговора он меня просто сразил, сам заговорил об этом: «А вот вы верите, что существуют другие страны? Я мысленно верю, даже иностранцев видел, но пока сам не побываю там — не поверю. А по телевизору показать можно всё. Не знаю, как объяснить, но не могу я поверить, что есть другие страны, море. Может, просто на глобусе нарисовали, может, и американцев никаких нет...»

Вот такой основательный. И в существовании Бога сомневается — «я Его не видел». И ещё не верит, что человек произошёл от обезьяны, потому что обезьяну в зоопарке видел.

Запомнила его на всю жизнь.

* * *

Ужас здравого смысла, который пронизывает всю жизнь людей сверху донизу...

* * *

Моя проза — это жизнь, не истощённая формой?

* * *

В поезде.

Наколка на веке у мужика: «Спи спокойно». Не по себе — как что-то лишнее в человеке.

* * *

Денис, четыре года. Спрашиваю: «Как расколдовать принцессу?» — «Поплакать в глаза — и расколдуешь».

* * *

Сотни кузнечиков кричали под снегом. Их золотые, тонкие голоса обещали тепло. Вот и верба распустилась, и комар летел впереди меня и ног не обморозил, такой настоящий, такой летний комар. В полузамерзшем озере плескались утки — начинался декабрь.

* * *

«Ребенок равен бытию».

* * *

«Суть в том, чтобы понять: его истинное “Я”, совершенное, как ненаписанное число, живёт одновременно в любой точке пространства в любой момент времени».

Ричард Бах

Понимаю.

* * *

3 января 1989г.

Моё выступление в Москве, в Историко-архивном институте. Подходит мужчина: «Заряд женственности! В Ваших стихах литургическое время. Богословское. Человек озверел, и он умиляется, когда видит такое».

Не знаю, хорошо это или не очень. Одно знаю: на фоне моего полного внутреннего одиночества, когда десятилетиями (!) даже те, кто любил мои стихи, ни разу мне об этом внятно не сказали, когда нужно было нести этот груз изо дня в день и выжить, когда ты всегда — предельно — никому не нужен в этой стране со своим талантом, когда десятилетиями (!) ни одно слово не было напечатано — вот на фоне всего этого я до слёз ценила такие отклики.

Я особенно благодарна тем, кто поддержал не только материально или внутренним приятием, а тем, что говорил доброе слово о моем творчестве. И чаще всего это были незнакомые люди — после выступлений, после вечеров моих.

Не знать цену себе я не могла — всегда знала. Но, Боже мой, как этого мало! Вся энергия этого знания уходила на то, чтобы только выжить.

* * *

Всю историю своих отношений с Пушкиным описывать не возьмусь: требует отдельной книги. Да и зачем? Скромное у меня отношение к человеческой памяти. Она так причудлива: как бы всё время присутствует при чуде, но сама Чудом не становится.

* * *

Лёня-Девушка, да Коля-Дырка, да Витя Беспечальный — и таких мужиков по Руси сколько!

* * *

21 февраля 1990 года мне было явлено небо XVII века. И ведь ни один спутник не мотался там.

* * *

Пушкин выносил и родил русскую душу. Он — наша мать.

* * *

Чувствую часто силу свою — не свою. Не бояться! Только не бояться.

У России остались мальчики, которые дышат через соломинку слова, пытаясь выплыть из болотной трясины страхов, помноженных на желание всё взорвать — чтобы жизнь стала чище...

Если им повезёт, тоненькая соломинка слова спасёт их от собственного бреда, в котором они почему-то не отличают — где они, а где Россия...

Так их научила больная душа предыдущих поколений.

*Русская песня
Идёт по русской земле,
И всё очень русское.
И всех человеков перебило...
И очень грустно, и жаль,
И очень жалко этот случай -
Это петь не буду я:
Где люди все умерли ...
Это очень грустная песня
И очень русская...*

Остался один,
И даже все звери ушли...
И русская земля уходит в небо...
И никого. И грустно.

Спела мне её, сочиняя на ходу, Катя Клокова, дочь моей племянницы, которой не было еще и четырех лет. Я записала. А потом выяснила, что несколько недель назад Катя пробралась в комнату к старшим братьям, когда они смотрели фильм «Александр Невский».

* * *

«То, что говорят люди — ничего не значит. В других они видят обычно только себя самих, а это и есть — ничто».

Бетховен

* * *

Когда Бах писал эту вещь, я совершенно сознательно стремилась попасть на определённое место в его партитуре. Всё моё многомерное существо сжалось, сконцентрировалось до звучания одной, единственной ноты. И Бах услышал...

Пройдя через партитуру Баха, я отработала так много, что не будь этого — на эту отработку ушло бы несколько жизней. Дальше мне было уже проще. Омытая мощным гармоническим потоком этой музыки, я могла решать свои задачи. Концентрация до звучания одной-единственной ноты предполагает и везение: попасть в партитуру Баха, то есть туда, куда стремился. Помню, что тогда я поздравила и себя, и Баха. Он не удивился.

* * *

Когда во мне плачет даль, я пеленаю её в старое лоскутное одеяло несбывшихся надежд. Помогает плохо. И тогда я навсегда стараюсь забыть себя во сне, как в самолете, по пути в обещание счастья... Я живу там долго: сколько хватает воздуха не дышать под водой или не задохнуться от восторга. Но всегда приходится возвращаться рейсом обратного сна... А даль всё плачет слезами невстречи со мной...

* * *

Тучи пахли черёмухой. Скорей бы дождь! Интересно: какой будет.

* * *

Зоя Петровна, 88 лет.

Сидит на лавочке в палисаднике, в тени деревьев, спит. Я подошла, и она проснулась. Взгляд издалека...

«Куда-то я уходила сейчас, ... в детство. Папа, кажется, своей смертью умер, а остальных расстреливали и расстреливали... Лучшего человека в мире, брата Лёву, пришли и расстреляли... Ничем хорошим не вспомню Советскую власть... А с кем я ночевать буду? С кем ночевать? ... Как я далеко ушла... Я красивенькая была, удачливая, училась хорошо, а они всё расстреливали и расстреливали...».

* * *

«Процесс любого творчества по характеру энергообмена с окружающим пространством также является отдачей энергии любви. Поэтому человек, наделённый от природы талантом и сознательно избегающий творчества, добровольно обрекает себя на страдание. Дар дается не конкретной личности, но через него всем тем, кто в состоянии понять и оценить его».

Александр Абрамов

* * *

Фраза по радио: «Альберто Магальяно шёл по улице Лиссабона, глубоко задумавшись...» — и всё, и сразу я там, или я уже он, и мурашки по телу, и всё прожила с ним (в нём), и проплыла на Запад — и Океан, и новые земли... Что за странная способность так чувствовать!

* * *

14 июня на наблюдениях с Еленой Петровной. Юпитер с 3 спутниками, Вега, Мицар.

Смотрелась в зеркало телескопа. Интересно: далёкая, как близкая звезда.

* * *

Сердоликовый плащ Фиолента...

* * *

Вытащила папку со старыми записями. Разбирала с напряжением. Обрывки стихов, зарисовки, письма — какая-то романтическая

чушь. И всего много, всё в беспорядке, и мне неинтересно, но боюсь пропустить что-то важное. Разбираю раздражённо и лениво. И вдруг вслух говорю: «Бытийная муть» — самые верные слова. А на дне ещё листы. Беру и в конце читаю подпись: А. Бенкендорф. И вслух: «Интересно, что ты наскребла от имени Бенкендорфа?!» Что с этим всем делать? Сжечь, очевидно. Но, Господи! Какое ожидание счастья! В каждом слове ожидание счастья! Невероятное! И это всю жизнь!

* * *

Чудо Энергии Сотворения. Спасибо Сергею Сергеевичу Коновалову.

* * *

9 августа связь с Австралией (подумала, и позвонили). Господи, помоги мне попасть в Австралию!

* * *

13 июня 1993г.

Булгаков за 15 минут до смерти. Сидим по обе стороны его постели с Еленой Сергеевной. Мы с Михаилом Афанасьевичем посмотрели друг другу в глаза тем единственным взглядом. Елена Сергеевна перехватила. И уже после того, как Булгаков умер, сказала мне: «Это был Ваш человек».

* * *

20 июня 1993г.

Велели прожить жизнь Анны Карениной. «Не хочу!» Долго отказывалась. Наконец сказали: «Хорошо, проживи только одну сцену: встречу с Сережей». Пришлось согласиться. Я не поняла, что, соглашаясь на это, я соглашаюсь и на всю её жизнь. Когда же прожила эту сцену — передо мной разверзли бездну и дали мне в неё заглянуть. Этой бездной был Лев Толстой. И я узнала о нем всё. И стало страшно.

* * *

6 июля 1993г.

С Пастернаком — в гости к Ахматовой. С дарами. У меня роза розовая. Выходит в чудном белом платье складками. Я её поцеловала

в плечо. Когда прощались, она сказала: «Я помню, как Вы мне читали в прошлый раз, те четыре строки. У Вас свой путь». И благословила.

* * *

12 ноября 1993г.

В гостях у Мандельштама. Он очень стар. Читал стихи, говорили о моих.

* * *

Встретила двух медведей. Один очень неухоженный, а другой щёголь.

* * *

5 декабря 1993 г.

Некрасов Н.А. Глубоко знала его.

* * *

13 декабря 1993 г.

Ахматова. Пастернак показывал очень много книг. Близкий человек. Спросил у меня: «Как птица?»

* * *

Ночью в храме с Алёшей читали Псалтырь над гробом Тани. Какой замечательный Алёша! И все, что я почувствовала за это время, пока Таня умирала — чудо жизни. Таня была тайной, как и каждый из нас. И очень мучилась, что до её тайны никому не было дела... Она для меня много значила в жизни.

* * *

Лучший мне комплимент: «Приду из церкви, и так тяжело: ждут конца Света. А когда пообщаюсь с Ларисой, понимаю: конца Света не будет!» (Серёжа Осолихин).

* * *

«Износившаяся в истории душа народа».

В. Розанов

* * *

«Человека нельзя вытащить из Бога. Вне Бога места не существует».

Ошо

* * *

Цветы танцуют на ветру.

* * *

Ночь на 16 мая 2004. Обсерватория.

Лежу на левом боку. Засыпаю. Как всегда, рядом открытая тетрадь. И вдруг всю себя, всем своим телом, каждой клеткой ощущаю инструментом: улавливаю какие-то невероятно далёкие, пробивающиеся ко мне ритмы. А потом смотрю какое-то время на себя сверху, из звёзд.

И в эту ночь стихотворение:

*Моей души расширенная память
Не умолкала за пределом сна...
Моей души? Но я была ЗВЕЗДА!
И мне себя не помнить — не заставить.*

*Я возникала из того, где НЕТ,
Где страстно, хаотически крылато
Рождался ритм, нанизанный на свет,
И в нем была мелодия распята.*

*Всё, что я знала с незабвенных пор
В далеком, неизбежном заточенье,
Не вызывало ни протест, ни спор,
Как ложное, за ветхостью, ученье.*

*Но верить так, но мыслить, но дышать
Я больше не могла — я не умела,
Лишь незнакомка вещь — душа
Всё тем же колокольчиком звенела.*

*Я падала в далекий тёмный сон,
Который начался перед рождением:
Ещё не скоро будет пробужденье —
Когда коснётся смерть живым крылом.*

*Я разрывала видимость — вуаль,
Накинутую на кольцо разлуки.
И я была — ЗВЕЗДА! Мне этой муки
Ни для себя, ни для других не жаль.*

Я возникала из того, где НЕТ,
 Где страстно, хаотически крылато
 Рождался ритм, нанизанный на свет,
 И в нем была мелодия распята.

Но я была — ЗВЕЗДА! Мой след живой
 Отыщет тот, кто этого захочет...
 Под каменным покровом каждой ночи
 Звенит мой колокольчик золотой!

* * *

31 декабря 1993г.

Держала в руках свою книгу. И радость, и боль. Собираюсь звонить Мансурову.

* * *

Я в гостях, где очень музыкальная кошка пела для всех.

* * *

13 марта 1994 г.

Я на балконе с ружьем. А передо мной вся Россия. Мужчины со стаканами водки в руках. Командую: «Поднять стаканы!» Поднимают. И я стреляю: выбиваю у них эти стаканы. И так без конца. Всё жду, когда же кончится у них эта водка.

* * *

Икона «Богородица Лоза виноградная».

* * *

19 апреля 1994г.

Царь, царица, их маленький сын. Я в старинном наряде. Надо фотографироваться. Сажусь перед объективом. И стало подходить ко мне, и кругами рассаживаться всё человечество.

* * *

Небо. Скопление мириад звёзд. Вижу: от Луны отделяется венчик из звёзд и начинает танцевать в небе. А потом опять летит к Луне и соединяется с ней. Ощущение космического ужаса и восторга.

Женщина с лицом Джоконды на глазах становится огромной и возносится в небо. А в животе у неё всё человечество.

* * *

На острове Леля.

* * *

В Австралии. Чудный вид на Океан.

* * *

Пастернак. Очень большое его одиночество. Беру за руку, а с другой стороны подходит женщина — Цветаева — и берет за руку. Так и стоим.

Они мне очень помогли в эти страшные дни.

* * *

5 февраля 1995г.

Императрица Екатерина Вторая. Обедала с ней. Моя задача была — не встать на колени. Не встала.

* * *

10 февраля 1995г.

Икона деревянная, резная. А в середине живое яблоко. Я взяла и съела его. Присутствие Пушкина.

* * *

28 марта 1995г.

Громадное ледяное пространство. Свет. Голубое небо. Разбегаюсь и взлетаю. Ветер подхватывает. Как всегда боюсь улететь.

* * *

Болеет Татьяна Ларина.

* * *

Видела в небе сильную мужскую благословляющую руку. Кричала всем, показывала, но никто не увидел.

* * *

Почему я рассказываю о своих встречах с Никоном, с Пушкиным? Не сумасшедшая же я!?

Просто я этих людей так мощно, так глубоко переживала, что, естественно, открывался некий канал в пространстве, как бы сейчас сказали, в информационном поле, где встречи эти были возможны.

Меня это нисколько не удивляет. Как-то внутри себя я понимаю, как это происходит. Это как творчество. Разве я могу объяснить, откуда, из какого места приходит стихотворение. Но ведь оно приходит... Это не я его «работаю», это оно меня «работает».

Пространство — это единая книга, а то, что эти законы нам неизвестны, волнует только обречённых на жизнь по закону.

* * *

В 8-м классе — «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Еле пережила. Боялась, что умру. Достоевского навсегда хватило. На всю оставшуюся жизнь. Но соприкоснулась в каких-то пластах бытия очень сильно. Всё время потом как бы шёл по обочине моей жизни.

Было ещё погружение. Писала для театра что-то вроде сценария по роману «Идиот». Но здесь я уже помнила подсознательно тот свой первый опыт и старалась заранее выжить. Хотя в какой-то момент не удержалась. Есть стихотворение, которое и сейчас немного пугает.

* * *

Была как-то у своего духовника, отца Фёдора. Не коротко, как обычно, а задержалась на несколько дней. Ну, думаю, наконец-то спокойно помяну всю русскую литературу, помолюсь за них. И написала огромный поминальный список, естественно одни имена: «Помяни, Господи, души усопших раб твоих — Александра, Михаила... и так далее». Ночью написала, а утром в церкви подала. Идёт служба, молится отец Фёдор за усопших, слышу — читает мой список (он это делает вслух)... Прочёл и кричит из алтаря: «Лариска, Достоевского забыла!» И точно! Прости, Фёдор Михайлович.

А ещё через годы как-то ночью представляла себе всех своих предков: прадеды, деды... Молилась, благодарила каждого (и есть за что: чуяла душа моя, что много согрешая, не сделали убийство). И вот, когда список моих предков, всех, кого я знала и могла вспомнить, подошёл к концу, внутри меня голос сказал: «Достоевского забыла». Удивилась, но от родства не отказалась, на всякий случай.

* * *

Инна Пакета мне по телефону: «Вы должны жить, зная, как Вы талантливы и нужны».

Кому? Какая разница. Не об этом думать — а давать дорогу Божественному в себе, не стоять на пути у себя самой.

* * *

Пока Христос не стал основой, сутью твоего существа — почти все переживания Христа на поверхности. Для немногих Он сердцевина их собственной сущности. Я такого встретила одного...

У некоторых — у Даниила, у Алисы, например, была связь с Христом, личная любовь к Нему, заинтересованность в Нём.

Тот, которого я встретила, имеет Христа в себе, осознавая, что Христос — это не нечто во вне, а основополагающая сила всей нашей Вселенной, нашего бытия. Все мы без Христа не существуем: нас вне Его нет... Но это не церковный Христос.

* * *

29 августа 1999г.

Показали карту страны, на которой отмечено, где будут террористические взрывы. Страшно.

* * *

19 сентября 1999г.

Летела чудная чайка. Села на воду. Я с трудом дотянулась и погладила её ослепительно белые перья между крыльями.

* * *

19 ноября 1999г.

Я в Австралии.

* * *

Россия...

Одна печаль — как общая рубашка, но рвут и рвут цветные лоскутки.

* * *

Три имени в моей прошлой жизни.

А — нужна моя женская мощь. И он бессилен её обрести.

И — нужна моя жизненность, сила жизни. Но он не знает, как её взять.

О — он легко может обладать и женской, и жизненной моей мощью — нуждается в моей душе. А это не подаём.

* * *

Хорошую прозу читаешь, как стихи. Так я читаю Маркеса. По одной фразе угадываешь состояние, ток крови, особенности речи, характерные привычки, строй мысли, пороки и достоинства.

Словом, вечность.

Один его рассказ — сгусток, бутон розы, который на твоих глазах раскрывается. Дело не в сюжете — в слове. В его строительстве, в его жизни с другими словами.

* * *

Соседка старенькая, Александра Григорьевна, с которой дружу, звонит в дверь: «Ты радио не слушаешь? Там про Пушкина говорят и что-то «Реональдовна» упомянули». Кидаюсь к радио: говорят о последних минутах Пушкина. А для неё — где Пушкин, там и Реональдовна всегда пригрезится.

* * *

Самый страшный почтовый роман XIX столетия — 30 писем Александра Христофоровича Бенкендорфа к Пушкину. И 46 писем Александра Сергеевича Пушкина к Бенкендорфу. Нет ничего более страшного, нелепого, мучительного, написанного в России за весь XIX век, а может быть и больше.

* * *

«Серебро в рост взял — растёт то серебро и доселе».

* * *

Разговор с женщиной, которая училась в школе, когда умер Сталин.

«Я помню — все плакали, весь народ. Значит, было о чём. Как же я могу сегодня понять плохое в нём, если я в детстве со всем народом пережила этот совместный плач, это потрясение, эту скорбь. Выплеснули на нас сейчас весь ужас, всё плохое. Спрятаться хочется. Не знать, не слышать. Ведь жить не хочется».

* * *

И мужчина мне после экскурсии в монастыре: «Вот если бы в 1937 нам всем, всей толпе кто-нибудь так же талантливо и

зажигательно, как Вы, сказал: «Идите, разрушайте...» — мы бы пошли и разрушали...

* * *

«Странничество — легкое прохождение через телесность этого мира».

Архимандрит Иоанн Шаховской

И похоже, это становится главным опытом моей жизни.

* * *

«Под утро — волчьи часы: душа воет, всё воет — скорей бы все проснулись» (Людмила Васильевна).

* * *

«Мы под предлогом просвещения залезли в такую тьму неведения...»

Преподобный Серафим Саровский

* * *

«Мудрость жизни, в том числе и христианской — не быть требовательным к людям».

Отец Александр Ельчанинов

* * *

«И мысли станут панихидой дней твоих» .

Михаил Наими

* * *

Кто я? Найди меня, Господи, найди!

* * *

В очередной раз какая-то нереальность моей жизни. На общем фоне.

* * *

Первые дни было интересно, что люди говорили о моей книге.

Женщина прочла одно стихотворение: «Лёгкие стихи. Писал лёгкий человек. Уверена, мяса она не ест». Действительно, не ем.

Мужчина прочел три-четыре стихотворения: «Не могу. Тяжело. Ночью все уснули, ушёл на кухню и, стоя, начал читать вслух. Пошло».

Говорят о какой-то тяжести, невозможности много читать, некоторым трудно дышать и так далее, и так далее...

* * *

Как много излучения горя вокруг, всё тяжелее груз жизни, и как трудно наращивать крылья.

* * *

9 июня умерла Люся. 10 мая виделась с ней последний раз. Как же надо жить, Господи, если всё так быстро, так коротко?! Как светло, как радостно надо жить!

* * *

Внимательно прочитала нижние слои Шаданакара. На исповеди сказала: «У меня чувство, что и я, как Христос, спустилась в ад, с той разницей, что это я, и я там осталась». Когда всё, что произошло в эти дни, рассказала отцу Георгию на исповеди, он был очень серьёзен: «В вашей жизни произошло важное событие. У меня было что-то подобное, но не так ярко. Это Божье посещение. С Господом не бойтесь. Не плачьте. Только слёзы благодарности». Состояние какой-то тяжёлой болезни.

* * *

Вечером за всенощной, когда выносили крест... На мне белая громадная шаль, тонкая, пуховая. И в какое-то мгновение показалось, что я вся окутана, заткана лебедиными перьями... И вдруг начала молиться: «Господи, сделай меня лебедью! Сделай меня лебедью, Господи!» И плакала. И молилась. О чём?!

* * *

Моя потрясающая затаённость, тишина по временам. Что я слушаю?

* * *

Жизнь — тайна, которая не имеет ничего общего с тем, что мы о ней думаем и знаем.

* * *

Медленно ухожу на зов истины в себе.

* * *

Поэзия, которую я делаю — я её делаю вместе с собой — корчась в муках. Не беззаботное пение.

* * *

И моё существование в церкви какое-то тайное во многом. Будто я христианка первого века христианства и вынуждена это скрывать, чтобы не уничтожили.

* * *

Сейчас, когда я оглядываюсь назад, вижу все мои стихи, все обстоятельства, все перетекания моей жизни, словом всё, что я прожила в стихах — я вижу, что это — чистой воды Магия («Магия — причинность иного рода». В. Соловьев). Подлинная, большая, настоящая, законы которой только сейчас начинают мне чуть-чуть приоткрываться. И я начинаю понимать, что мой опыт (всё мое движение, моя жизнь, где внешнего мало, а внутреннее почти неназываемо) — великолепен, радостен и бесценен. И это не частные вещи: это звучит во Вселенной, и я иногда в большом согласии с Ней. Надо только замечать эти мгновения.

1994г.

* * *

Год назад, в августе 1994 года, Ленинградская студия документальных фильмов сняла обо мне фильм, который мне не понравился. Плёнку заложили на хранение на 100 лет, и фильм покажут только в 2094 году. Срок не такой большой, по моим меркам, но и мне интересно, как я проживу эти сто лет.

* * *

Много лет назад несколько моих стихотворений попали к Давиду Самойлову. Он мне написал — я ответила. А ещё через несколько лет, в августе, в Михайловском мне сказали, что завтра у нас в научной части будет выступать Давид Самойлов, что он уже приехал и спрашивал обо мне.

Дело в том, что в своих двух (кажется) письмах ко мне он говорил о том, что мои стихи слишком обнажают мою душу и тому подобное. Меня это удивило: по-другому я не умею писать. И вот завтра я могу подойти, мы можем поговорить.

Утром я выбрала в Михайловском саду чудесное яблоко и последней вошла в кабинет Семена Степановича. Все были в сборе. Давид Самойлов «вычислил» меня сразу — я это поняла. А про себя решила, что если у меня появится внутренняя потребность — после выступления я отдам ему яблоко. Мне и сейчас немного стыдно: он кончил выступить, и что-то для меня не сошлось. Все обступили его, что-то говорили, а я повернулась и вышла из комнаты с яблоком в руках. Когда шла по усадьбе, подкидывая это яблоко, он смотрел на меня в окно. Через некоторое время я написала ему письмо...

«Вы читали стихи, а я сидела напротив и все понимала. И Вашу фразу в письме о том, что в моих стихах “слишком высокая степень самораскрытия”, — будто бы она действительно может быть в стихах слишком высокой... Яблоко я Вам так и не отдала...

Живу пока здесь, в своем старом доме, в лесу, на кордоне. Лес глухой, в доме две собаки (дворяжки), кот, камин, крысы, печи. Все это хозяйство доставляет мне много хлопот и страхов. Побеждаю, как могу. Когда-то в этом доме я жила постоянно. Он был светлым, солнечным, красивым — люди ходили сюда за радостью.

Теперь в этом доме живёт другой человек, и дом потихоньку принимает его облик: мрачнеет, становится тяжелее. Мне это горько. Хозяин уехал в отпуск, а я поселилась на время. Хотелось поработать, но пока дрова, собаки, заботы, страхи отнимают все силы. У меня с собой моя маленькая флейта... И каждое утро при моём появлении в Михайловском удивление: жива ещё? Не сбежала?! Не сбежала.

В это лето я два месяца проработала в Феррапонтовом монастыре, где когда-то писал свои фрески Дионисий. И нелегко было возвращаться оттуда в XIX век. Там, перед порталной росписью Собора Рождества Богородицы, у меня был вечер. Читать было трудно: слово там не звучит. Я это очень чувствовала. Там главное — цвет, линия и молчание...

Сегодня 19 октября. Мы очень неумело и грустно отметили этот день в Михайловском, а теперь вечер, горит камин, и спят собаки у ног, и нет стихов (камин трудно растопить: очень сырые дрова, собак трудно прокормить, вечер очень тёмный, холодный, с множеством таинственных звуков за окном).

А письмо это — то яблоко, которое я так некрасиво не отдала Вам в Михайловском, поддавшись минутному, суетному. Примите его сейчас — более зрелым и солнечным.

Желаю Вам счастья.

Лариса Патракова

* * *

Метель обещали. И хотя рассвет успел рассказать сказку, радостную и неестественно-великолепную, — с обеда началось: заплясало, закружило, запричитало. Никакого порядка не было в этой снежной круговерти. Свет в окне не разглядеть, дороги исчезли, деревья стонали под тяжестью мокрого снега...

Хотелось войти в просторный светлый зал, подняться на сцену, взглядеться в тысячу лиц и, останавливая собственное, убегающее сердце, перекрывая его стук голосом, произнести:

Метель по крыше била, как крылом...

Но зала не было.

А за окном уже хохотало, вопило, свистело, бесновалось. Шаг ступить в этой белой пляске — пропасть без вести...

Через час мутное небо очистилось, упала, как с обрыва сорвалась, тишина. И невероятная тревожная красота внушала почти ужас: тёмно-синее небо опоясано было клубящимися лентами облаков, освещённых изнутри лунным светом; то здесь, то там вспыхивали красные пульсирующие звёзды. И как стеклянный глаз чародея, завораживала торжествующим холодным светом Луна — бездонное озеро желто-золотистого вина, в котором уже успело раствориться изумрудное зернышко яда. И этот ядовитый свет обегал, очерчивал, опоясывал, замыкал вокруг Луны все расширяющийся круг...

* * *

31 января 1985г.

Странное состояние после этого письма. Словно что-то выключилось внутри или сломалось. Какое-то душевное недомогание, показалось даже, что из лица что-то ушло. Трудно, неопределённо трудно, всё через силу... Кто бы увез куда-то, удивил, отогрел, вдохнул жизнь... И сильная, и веры полна, а сломался какой-то винтик — холодно и пусто... Розы, розы спасли бы! Много роз...

* * *

«У Лукоморья» — коллективное бессознательное народа нашего. Дуб зелёный с цепью — несвобода, скованность сознания, убаюканного собственными снами (песнями и сказками). А дальше — мощное шествие нечистой силы — подсознательные, глубинные пласты русского характера. И только один образ светлый, выделенный ритмически: Там о заре прихлынут волны и 30 витязей... Кто такие?

И царевна в темнице — душа русская (Навна), — но служит ей серый волк...

* * *

В монастыре должно быть какое-то действие. Приехали люди. В одной из церквей кого-то закрыли, а ключа нет. Я смотрю на замок тем особым своим взглядом, и он завязывается в узел, и распадается на куски.

* * *

Очень нужны какие-то важные книги, но старик-продавец не даёт купить: не верит мне, пока я не напишу свою правильную фамилию. И я пишу: Родовская.

* * *

Три Ларисы бежали друг за другом. Если всё человечество по кругу между нами пройдёт, то все будут счастливы.

* * *

17 декабря 1987г.

Из меня восходило солнце. Только две крохотные мои ступни остались. Остальное — солнце.

* * *

Глушь, темень, грязь — один порядок домов чуть ли не в поле. В крайнем — свет. Бреду туда. Но откроют ли? Подхожу, подаю голос. И на голос открывает дверь старуха.

* * *

15 февраля 1988г.

Владимиру Высоцкому негде жить. Соглашаюсь принять. Освобождаю половину своего письменного стола, ставлю второй

стул. Даю свою бумагу, только верхний, исписанный, лист беру себе.
Садимся. Работаем. Он очень нервный.

* * *

9 октября 1988г.
Приехала в Париж.

* * *

20 октября 1988г.
Австралия. Прогретые камни. Дикая собака Динго.

* * *

Солнце... Свет, от которого боялась ослепнуть. И оно растекалось, вытекало, размывалось...

* * *

21 июля 1989г.
Летала на восходе солнца.

* * *

Приём у французской графини. Молодой Наполеон.

* * *

6 июня 1993г.
Молилась в Благовещенском соборе Московского Кремля.

* * *

20 февраля 1986г.
Глаза, глаза, глаза.... Поток прекрасной прозы сознания.

* * *

Перебирала шумерские и древнеегипетские сокровища.

* * *

Ребёнок, которого нужно из дикости перевести в нормальное состояние.

* * *

Тьмы и тьмы слов.
Марина Цветаева без трёх пальцев на руке.

* * *

Опять Эпос...

* * *

6 июля. Одна на кордоне. Зной и ветер. Облетают семена берез. Мощные подорожники, травы. Запустение. Вдруг в это мгновение увидела: красная вишенка на старой, давно бесплодной вишне... Шум ветра в кронах — непостижимо прекрасно. Живые голоса в траве. Какая ласка ветра! Стрекозы в небе, кузнечики щекочут пятки, бабочки, жук на лету ударился в губы — поцеловал. Торопыжка! Милый!

* * *

Золотые стволы сосен заораживают.

* * *

Танец стрекоз каждый вечер. Что они думают? Какие у них мысли? Думаю, не слишком отличаются от наших славословий Богу.

* * *

Я столько раз слушала Моцарта вместе с деревьями, что мне кажется, будто бы эти звуки вытеснили кровь и вместо неё заполнили все капилляры, все сосуды и у меня, и у деревьев. Девятый и семнадцатый концерты.

* * *

История с бабочкой, которая танцевала на моей ноге, а потом летала выше деревьев.

* * *

«...в мироздании столько же звёзд, сколько стаканов воды в ваших Океанах».

Книга Урантии

* * *

Меня обручили с царём. И сразу таинства венчания и коронации. Людское множество. Все бояре, мои родственники Долгорукие. Один на плечах у другого, по шесть человек. А я наверху. И всё это взбирается по улицам Москвы куда-то вверх, на холмы. У меня в руках громадная свеча, которой я касаюсь верха колокольни Ивана Великого. Живые человеческие цепи по улицам Москвы. Все поют. Потом меня опускают на землю, и царь подносит бокал: «Ваши пять бокалов. Один я уже выпил».

Такой сон на Страстную пятницу 1995-го года.

* * *

24 января 1986г.

Дорога, озеро, перелески и необычайно много неба. Международный конкурс. Прямо в небе показывают мультфильмы. Вижу много фильмов и сама показываю. Но очень устаю от этого.

После всего мне делают операцию: лежу на столе, и на маленьких, гладких деревянных лопатках вкладывают мне в глаза по половинке солнца.

* * *

Холмы, усыпанные святающимися кленовыми листьями. Осень, грязь на дороге, разрушенные избушки (эзопки).

* * *

Очень высоко в небе надуваются воздушные шары, которые принимают форму лиц и исчезают в вышине. А за ними, как комета, вверх устремляется женщина: огромная, прямая, неподвижная — возносится и пропадает.

* * *

Рассказываю людям о пауке, которого я видела в центре Луны, а потом и Солнца: он бился, пульсировал, как крошечное сердце.

* * *

13 февраля 1986г.

Странные залы. Танцую в синем бархатном платье и с флейтой в руках. За колоннами сидят флейтистки с большими поперечными флейтами. Я всё время стремлюсь к одной — играет чудно. На её флейте всего два отверстия и это — живые глаза.

* * *

И опять операция: лежу на столе, и в мои глаза на веревочках опускают два маленьких живых, пульсирующих человеческих сердца.

* * *

Состарился звук.

* * *

Вопль отчаяния для голоса и флейты.

* * *

Я уже позволяю себе жить по законам своей судьбы, по законам своего дара. Мне это дали — надо уважать, а не оглядываться на окружающих.

* * *

«Состояние естественной открытости и уверенной в себе незащищённости» — это я в последние годы.

* * *

Очень многие не понимают, почему так трудно отплыть от этого берега, когда всего-то и работы — пересечь Океан. Они так сосредоточены на этой работе!

И только немногие отправляются в путешествие, совершенно пренебрегая всякими береговыми линиями, штормами, ненадёжностью судёнышка. Эти — всегда на том берегу, который назначен: в открытом космосе Океана.

* * *

2 декабря 1985г.

На солнце пекла блины. Очень быстро: встряхну солнце как сковородку, подкину блин, переверну и сброшу. Рядом в небе горки блинов.

* * *

15 декабря 1985г.

Порошок для сожалений.

* * *

4 января 1986г.

В газетах о каком-то незначительном случае: мелкий грабёж на вокзале. Но появляется Андрей Тарковский с сыном и начинает снимать фильм об этом. Много общались. Когда смотрела готовый фильм, поражалась, как он из ничего создал художественное произведение.

* * *

5 января 1986г.

Среди ночи, во время сна, вдруг и увидела, и почувствовала себя под одеялом вытянутым лёгким птичьим пером или листиком, а мо-

жет быть даже клинком стальным — как прибор или инструмент, который улавливает и воспринимает. И кожа моя — тончайший инструмент восприятия. А утром соседка-старушка не нашла меня в комнате, а под одеялом оказалось только птичье перо...

* * *

Танцевала с дирижёром странного оркестра вальс «Страсть». Рассказывал о сотнях глаз, которые он нарисовал.

* * *

21 января 1986г.

Ушла по дороге в чьи-то глаза.

* * *

Когда вспоминается какой-то период жизни, я почему-то чаще помню деревья, а не людей.

* * *

Окно было открыто. Медленно в сознательном, осмысленном полете проплывали за окном тополиные пушинки. Иногда влетали в комнату и, узнав всё, что им надо, уплывали опять за окно. Мир дышал гармонией и тишиной. Каждое дыхание славил Господа, и душа болела, осознавая своё совершенство.

* * *

25 августа 1994г.

Благословенна ласка Земли, когда ступаешь по ней босыми ногами в тёплый августовский день. Сегодня в последний раз пропели «Преобразился на горе Христе Боже». И всё печальней облака над Соротью, и пора уезжать... Но любовь впереди неизбежна.

* * *

Мотя, четыре года. Слушает песню «Вьётся в тесной печурке огонь».

— Кто это поёт?

— Мужчина поёт своей любимой.

— Нет, мужчины так не поют, у них голос толстый.

— Он душой поёт.

— Душа только у женщин и у детей.

— Ну как же, у мужчин, что ли души нет?

— Она у них деревянная и в спине.

* * *

Сегодня сказали мне во сне, что Земля, как пеплом посыпана, что Земля из-за плохих удобрений — вне супружеских отношений. И через тридцать лет это отзовется очень страшно для всех.

* * *

Заря утренняя — очи Господни.

* * *

В белую ночь в бане, из окна которой видно озеро. Чудо, как хорошо!

* * *

Белый вечер на озере: солнце белое, и в небе белый свет, и туман белый, и отражение леса в воде, и очень далёкий, и очень чёткий контур лодки — как будто перенесено всё с китайских древних картин.

* * *

Мороз, — 30. Совершенная, гулкая, живая красота неба — страшно. И Моцарт ... Вещи одного порядка.

* * *

7-го ноября видела клин журавлей.

* * *

Такое ощущение, что я что-то такое знаю, что не даёт мне просто вписаться в этот земной круг. Кто я? Кто?

* * *

Женщина в поезде рассказала: в Архангельске, кажется, сообщили, что их пятиэтажный дом заминирован. А у неё тесто подошло. Она взяла с собой тесто, собаку и документы. И вышла.

* * *

Лицо Пушкина надвигалось, как планета.

* * *

Неловко чувствую себя с собственным лицом — всё время делаю движения, как бы пытаюсь сбросить маску. Не нравится. Смотрю и вижу: это не я.

* * *

Дождь второй месяц без перерыва. Серый свет, серые струи дождя, серое небо. Очевидцы утверждают: это и есть муки ада: жить в сером...

* * *

Разговоры с Володей.

Я: Наблюдаю за собой — сколько ненужного в ощущениях, эмоциях, ожиданиях, мыслях... Переживание одного и того же, ожидание какого-то мифического счастья, случая, встречи, сна. Ожидание заранее несбыточного. Зачем это?

Володя: Это для того, чтобы попасть в состояние депрессии. Люди так скучают о ней, так ищут её, и счастливы, когда она наступает, и они могут начать бороться с ней. Это всё для того, чтобы не жить в реальности.

* * *

Эти ели на горизонте — хор академический: вот-вот зазвучит.

* * *

4 февраля 1987г.

Состоялось испытание поезда будущего. Безбоязненно сажусь вперёд. Несёмся с большой скоростью. Уже в поезде обнаруживаю, что кроме меня больше никто не сел, а кабина поезда герметически, как рубаха, облепила моё тело. Поезд сворачивает с рельсов в снежную целину. Я понимаю, что надо останавливаться. Надо суметь содрать с себя эту герметически замкнутую на мне кабину. С большим усилием срываю, и поезд останавливается. Оглядываюсь, а сзади, в обыкновенных двух вагончиках с паровозиком, едут все остальные испытатели: чух-чух...

* * *

«Унесённые ветром» — перечитывала, как о человечестве. После плакала о человечестве.

* * *

Внутренняя трезвость этих дней пугает. Неужели навсегда?

* * *

Выступала в Воскресной школе (2000 г.).

Дети написали сочинения.

Коровин Артём: «Мне понравилось её выступление. Я был очень удивлён, что остались ещё такие люди». (Какие?)

Елина Аня: «Она меня очень удивила своим терпением к жизни. Она необыкновенный человек».

Коновалова Алёна: «Стихи у неё очень нежные. Мне очень понравилось, как она кидала яблоко».

Смирнова Мария: «Мне она очень понравилась. Это очень хорошая женщина. У неё в жизни много интересных случаев. За это время мне показалось, что мне читают какую-то сказку».

Анастасия Потота: «Она сама и её чтение стихов меня поразило. В эти стихи она вкладывает всю душу. Вся её жизнь — это чудо, а таких чудес на земле мало. Если бы можно было поменяться хоть на один день с ней судьбой, я бы хотела один день прожить чудом. Мне кажется, она самая лучшая поэтесса».

Дети из 3—5 классов. Через 5-6 лет один из них создаст свою рок-группу и напишет три песни на мои стихи. Они найдут меня, придут, споют мне. Павел Тюков, который в 3-м классе написал обо мне: «Она удивила меня образом её жизни».

Я всегда переживала, что редко зовут выступать перед детьми — польза от нашего общения колоссальная. Много раз убеждалась.

* * *

У моей крестницы, Верочки, восьмилетний племянник, которого она воспитывала, украл 100 рублей: угощал друзей мороженым и каруселью.

Вера узнала, ужаснулась и решила принять меры. А была она человеком радикальных мер. И для начала отвела Дениса к врачам и обследовала, чтобы убедиться, что с психикой у ребенка всё в порядке. И объяснила ему про воровство. Через некоторое время для тех же целей Денис ещё раз украл 100 рублей. Почти насмерть перепуганная Верочка договорилась со знакомым милиционером.

Мальчика вызвали в милицию, заставили писать объяснительную записку и обещание: впредь — не воровать. К этому времени ему исполнилось уже 9 лет. Через некоторое время ещё 100 рублей исчезли.

Отчаявшаяся Верочка (у неё был ключ от моей квартиры, пока я — в очередном отъезде) привела Дениса ко мне, достала с полки «Розу Мира» Даниила Андреева и громко зачитала ребенку, как попадают решившие воровать в нижние слои Шаданакара.

... Денис излечился навсегда. Я спросила у него, когда он уже вырос, что он помнит из этой истории. И он сказал, что когда Вера читала ему «Розу Мира», он мало что понимал, но ему было почему-то плохо и страшно.

* * *

Приехав работать в Ферапонтово, я не пошла сразу в Собор, к фрескам Дионисия, хотя препятствий к этому у меня не было. Внутри Собора всё было застроено лесами, туристов туда не пускали. Но я чувствовала, что сама не очень готова к этой встрече...

Прошло несколько недель, и однажды тёплым июньским полуднем я приоткрыла дубовую дверь, обитую кованым железом, и проскользнула в Собор. Там я поднялась по лесам на самый верх, в купол. Сквозь узкие длинные окошки проникал свет, в проёмах были написаны ангелы, а в сфере самого купола сиял лик Пантократора. Я стояла на помосте, очень близко и могла коснуться рукой Его руки. Но на таком расстоянии было трудно рассмотреть Лик. И тогда я легла на помост и взглянула Ему прямо в глаза — этого взгляда было не избежать. Глаза мои закрылись, и я сразу уснула. Уснула таким спокойным, счастливым сном, каким спала только в младенчестве. И проспала под Его взглядом несколько часов.

Проснувшись от скрипа дверей, звяканья тяжёлых монастырских ключей — зрители собирались закрывать Собор. Солнце в окнах было уже предзакатным.

Не успев опомниться, я стала быстро спускаться вниз, подала голос, прошла мимо изумлённых зрителей и с тех пор всю жизнь помню этот сон как одно из величайших событий моей жизни, как посвящение, как Встречу. Мне ли не благодарить Господа?!

* * *

Цыганка — мне на улице: «Тетья, вы какой национальности? Вы на русскую не похожи».

* * *

Я не понимаю, почему я испытываю такие нечеловеческие муки в ожидании своей первой книги.

* * *

15 сентября получила загранпаспорт.

* * *

Пусть в Австралию? Приглашения с радио Австралии, из Сиднейского университета...

* * *

В Австралию не пустили. Уже второй раз. Как пережила?! Очень заболела. Необъяснимая тяжелейшая болезнь. Но сколько обретений! Шесть дней температура 40. Из них четыре дня я одна.

На три дня погрузили в запредельную глубину, где был идеальный ровный свет и покой. Внешне это похоже на серебристое зеркальное озеро. Из этого покоя (из своего подлинного Я) я просто смотрела на то, что возникало. А возникали мои проблемы внутренние и в отношениях с некоторыми людьми. И все они мгновенно решались — раскалывались, как орех. Иногда думала, что умру — так было плохо. Но и в эти мгновения спокойствие было и в глубине, и на поверхности моего сознания.

В конце четвёртого дня пришёл первый человек. Не понимаю, как смогла открыть дверь... Не рассказать! И всё вместе — это и было моё путешествие в Австралию.

* * *

Ностальгия об Австралии. А я ведь там не была.

* * *

Такая тонкая изощрённая борьба внутри со стереотипами, страхами, блоками. Суфизм — моё!

* * *

Мука моего сознания эти дни! Сознание болит.

* * *

27 сентября, на Воздвижение Креста, после службы читала в храме своё стихотворение. Отец Георгий попросил.

* * *

Всё время на пороге иной реальности, иного пространства.

* * *

Вся я — несказанный лепет,
Тёмных слов заложница немая.

* * *

Страшновато мне... Будто я — в космосе, а они все — на земле. И я там летаю, кричу, плачу, молюсь. Господь, может быть, меня иногда слышит. А больше никто не слышит.

* * *

После экскурсии люди подходят: «Вы сердца будите».

* * *

По ночам, когда победные марши слов идут сквозь мои миры плотными рядами, не оставляя для сна даже крошечной щелки, когда пустые поллитровки валерианы лежат на боку, как пьяные, а слова всё идут и идут неостановимо, как дивизии на параде, когда уже и спасения нет, я прибегаю к крайней мере — мой дом на берегу Окееана и особенно одна комната в нем... Я ухожу туда.

* * *

Арабская архитектура арбуза.

* * *

Ночь. Зелёные стебли пространства раскачивают тайные ветры пророчеств — давно отзвучавших золотых снов детства.

* * *

Кентавры. Их оркестр и музыка.

* * *

На концерте в Юсуповском дворце... Ансамбль скрипачей полукругом на сцене, впереди саксофонист. Впервые исполняли «Ночную молитву для струнных, саксофона и магнитофонной записи» Канчелли. Я в четвёртом ряду с краю. В момент, когда музыка рванулась вверх, я ясно увидела, как оркестр стал удаляться... Медленно и неотвратно. И вот он уже в небе, так же, полукругом, и оттуда звучит эта мелодия молитвы... Потом также медленно ор-

кестр вернулся на место. Я спросила потом у своей подруги-музыканта, которая сидела рядом: видела она? Нет, почему-то не видела.

* * *

Во сне — вальс с кем-то под музыку на мои слова:

*Любите Россию,
Любите Россию,
Любите Россию,
Какой она есть.*

* * *

Деревья устали расти в России. Деревья устали бояться. Целая реликтовая роща живёт в страхе: её хотят пустить под корень просто потому, что на этом месте кому-то нужна дача.

(Если ты плохо, нечётко думаешь — не распространяй это на деревья: у них с интеллектом всё в порядке).

Дети устали расти в России. Дети измучены (большинство уже к семи годам) неосознанным страхом.

Травы почти не поют. Птица в этом небе автоматически лишается восторга — главной движущей силы полета.

Рыбы становятся философами: так странно срабатывает инстинкт выживания в мутной воде...

Это я соблазнилась видимым господством зла? Нет, это я побывала деревом, травой, птицей.

* * *

Иногда мне кажется, что я — это только сновидение моих сновидений. Они сновидят меня в разных ракурсах и ситуациях, которые мне представляются «объективной реальностью моей жизни». Но, положив руку на сердце, как часто я ловила себя на том, что жизнь моя не имеет к объективной реальности никакого отношения. Как часто всё происходящее казалось вязким радужным сном, туманом, облаком...

Всегда была в моей жизни какая-то неотчетливость, неопределенность. Всегда вне рамок, никогда от «9-ти до 17-ти», всегда в состоянии какого-то припоминания, внутреннего узнавания, ожидания. Но со всем этим — дышать, есть, говорить — на физическом плане приходилось *здесь*. И это *всегда* было больно...

Кто меня «снит»? Что я здесь? Почему это состояние почти постоянного припоминания? Что я пытаюсь вспомнить? Что я должна вспомнить? Свою принадлежность к целому: к Богу, Океану, Вселенной — я чувствую и помню часто. Но что я в этом целом? Что я *Здесь*? Это *Здесь* я украшаю и понимаю это давно. Десять человек за всю жизнь это понимали...

Мои сновидения сновидят меня в такой дали, в таких других мирах, откуда моя проекция *Здесь* столь немногим видна и хоть в чем-то понятна. Интересно, сколько раз в моих стихах появляется слово сон... Сосчитала: только в опубликованных — 75 раз.

* * *

Галя сидит на холме и медитирует. Слева в блаженстве лежат две её любимые собаки. Их медитация еще глубже. За много лет они почти достигли просветления. Тишина. Зной. Никого. И вдруг Галя чувствует, что справа на неё кто-то смотрит. Открывает глаза, осторожно переводит взгляд: два зайца, распластавшись по земле, ползут по-пластунски к кустам через дорожку... Мгновение все трое смотрят друг на друга. Зайцы понимают, что Галя не предаст и продолжают ползти, а Галя ещё глубже погружается в медитацию, чтобы не дать собакам выйти из состояния блаженства, в котором даже у сторожевой овчарки затихают охотничьи инстинкты: зачем охотиться, когда можно молиться?!

Я ничего не придумываю. К слову сказать, в этой книге всё — правда. У меня не получится выдумать что-нибудь лучше, чем жизнь.

* * *

Человек — навстречу с фраком на вешалке под музыку Мендельсона. И я — с вешалкой, на ней белое платье. Это называется свадьба.

* * *

Кто-то мне сказал: «Вы должны вырастить в себе соляной столп».

* * *

3 апреля 1986г.

Стою рядом с могильным холмиком. Высокое место. Сосна в изголовье. Знаю, что там — я, моё тело, а та я, которая стоит над этой могилой — душа. Всё, что от меня осталось — душа.

* * *

Путешествовала с человеком, ловким, неунывающим пройдохой. В маленьком американском городке, в большом доме он посадил меня под полог — ждать, пока он будет устраивать свои дела. А полог наполнен мёдом.

* * *

...И даже борзые, упомянутые на священных страницах великой русской литературы (Тургенев, Толстой, Аксаков...), выглядят как памятник жизни. Звонким переливчатым лаем славят они Россию, её просторы, поля, перелески, живое дыхание родной земли. Настоящие герои: живые, весёлые, преданные, умные, каждая со своим характером... Особенно по сравнению со многими человеческими персонажами современных авторов.

* * *

Через язык Бог усиливает свое присутствие в каждом человеке. Надо уметь этим воспользоваться.

* * *

С мамой читаем в разных комнатах. Она — книгу Аллы Александровны Андреевой. Вдруг слышу — всхлипывает. «Мама, в чём дело? Что случилось? Даниил умер?». Плачет: «Умирает...».

* * *

Тяжёлая, мощная работа в сознании. Давно есть всё, что стремится прорваться наружу — из знания стать опытом. Весь круговорот, всё во всём, единство Вселенной во мне, тело, дыхание, мысль — всё есть, всё знаю, но всё пока остаётся только знанием. Как бы оно мною обладает, а не я им... Или дальше идти страшно?

* * *

Начало фильма, который захотелось снять о пророке Ионе: маленьким мальчиком Иона видит пророка Илью. И Илья гладит его по голове... Чем-то меня очень задевает Иона.

Ноги босые в дорожной пыли.

А голове горячо под ладонью,

Жаркой ладонью пророка Ильи:

Гладит и гладит головку Ионе...

* * *

Маленький Святик сочинил:

«Лариса — кисюшка,
Ты цветочья душка».

* * *

Ваня: «Мама, а кто ночь подаёт?»

* * *

«Дай, что повелишь. И повели, что хочешь».

Блаженный Августин

* * *

1998г.

Перед пробуждением (14 апреля) одно слово из сна: «Австралия».

* * *

В визе в Австралию отказали. И я оказалась на Байкале.

* * *

Была в гостях у Анны и Алексея Карениных. Какое-то моё с Анной родство.

* * *

Русская азбука — мощь первородных смыслов. Азбука учила правильно жить, а не писать без ошибок, но только тогда, когда это впитано с детства, а не реставрировано уже взрослым наученным человеком.

* * *

В каждой букве русской азбуки с неба как бы солекался предельный смысл этой буквы. Жизнь слова орошалась живым дождём смыслов — не представить всей необъятности, всего космизма этого. И через букву учили смыслу жизни. А сейчас...

* * *

Как мыслим — так и говорим.

* * *

Плотность, упругость энергии слов у очень немногих людей. С В.М. было так: мы как бы обменивались неторопливостью созидания в каждом слове.

* * *

Древняя Русь...

Какое отношение к голосу! «Каждая девушка должна была уметь причитать. Впервые — на собственной свадьбе. Перед криком невеста просила благословения: «Благослови-ка меня, Господи, Мати Пресвятая Богородица, повыть-то мне, поплакать, зычну голосу повынести». «Невесте предлагают три раза охнуть в правый рукав — тогда лучше голос потенится». «Любишь — не любишь, а кричать надо. Жених бывал обижен, если мало кричала. Специальных учителей нанимали, с 16 лет учили голосом владеть. А уж если невеста не умеет кричать — приглашали выльщицу. За знающими плачи ездили в дальние села. И всё было важно: поза, жестикуляция, пантомима, голосовые данные, словесная импровизация».

* * *

Из этой же традиции: «Трубить в трубу пастушечью через каждые 4 дуновения ветра».

* * *

Остановил когда-то, очень давно, моё внимание и трактат С. Х. Любомирского о стиле изложения (1683г.). Я нашла его, помоему, в книге С. И. Николаева (ТОД, М., Т. 37):

«Аще кто помышляет что писать, первой треба ему помысля разсудить, о чесом писать, абы слова и речи способные были».

«А кто инако пишет нежели вещь повествует, той преступляет противу разсуждению, которое есть душою и управительством всякого письма».

«Но не требе учением зело превозноситься, абы с повседневногo стихотворца не учинило смехотворцем».

«Пишет Тацыт о Агриколе, который был человек зело вымовный, а наипаче тем славнейший, что в мудрости своей содержал меру».

«Великого художника есть дело — великую речь вмале замкнуть».

Но!

«Нынешних веков ничего такового не слыхать, токмо непотребные избытки суетных и ненасытных слов, с которых мало вкусу, а пожитку меньше, а науки нимало...»

* * *

«Вам голос дан из семнадцатого века. У вас не только стихи, у вас — служение голосом!» (Лена Лобанова).

* * *

Как-то глубинно ясно стало, что жизнь — это всё не так, как думаем. Откуда-то проглянула другая картина жизни, какие-то её совершенно ни на что непохожие смыслы — то, чего нет в природе наших человеческих понятий. И так не по себе. И так понятно, что я уже вступила на путь этой глубины.

* * *

Вкус собственной подлинности, едва ощутимый пока, нравится.

Этот жуткий плач, одиночество, оставленность. Впервые самые страшные мысли. И о сжигании стихов. Безвыходность. Никому ненужность. Всё в моей жизни мимо меня.

* * *

Рыжие кони страсти, мой золотой запас, и сейчас бьют копытами, высекая огненные искры в потаённом уголке, в спрятанной от людских глаз конюшне с замурованным входом. Надо же! Имея такое богатство, я всю жизнь боялась его, стеснялась его, прятала его. Можно и так сказать: я обделила себя, зато не погубила многих. В этом смысле я проживаю не свою жизнь. А может быть всё ещё впереди?

* * *

Я сознательно не заполняю эти страницы тем потоком боли, отчаяния, беспомощности, страхов, которыми переполнены многие мои рабочие тетради.

Годами, десятилетиями этот ужас перед невозможностью быть услышанной, востребованной, ужас перед нищетой, невозможностью быть собой в самых элементарных вещах: есть, пить, носить то, что хочешь, куда-то поехать, купить лекарство, помочь близким... Страх по ночам: а вдруг никогда не увижу Океан?! Слёзы отчаяния... Всё это выплескивалось в тетради. И стихи, которые требовали участия, хотели, рвались к читателю, а я не могла им помочь... Эти два-три

редактора в моей жизни: «У вас один выход — умереть. Тогда стихи ваши прочитают». Всё это надо было достойно пережить. Не хочу больше возвращаться!

Теперь, когда я это победила (почти!), когда я увидела Океан и поговорила с Ним, — о, это как Нобелевская премия! Я Ему читала, и Он всё понял и такое мне сказал в ответ!.. Теперь не хочу возвращаться. Упомянуть об этом считаю уместным, но это упоминание — горошина у основания той горы, которая меня едва не погребла под собой.

Бог и люди, немногие, но были и есть — вот, что меня спасло. Это была битва. И бились со мной какие-то страшные силы. И во мне самой, и вовне. Если назвать несколько человек, тех, чья помощь была конкретна и осязаема, то только тех, кто уже в мирах иных продолжает свой путь: святитель Николай, Александр Пушкин, Октябрь Михайлович Леонов, Татьяна Михайловна Смирнова, Даниил и Алла Андреевы, святитель Иоанн Максимович, Юрий Петрович Платонов, Елена Алексеевна Крайнова, Борис Пастернак, Ольга Ивинская, Виктория Шек (монахиня Николая), отец Федор (Иванов), Татьяна Алексеевна Курманаевская.

Многих не называю. А ныне здравствующие — здравствуйте! И спасибо всем!

* * *

Последнее время ощущение, будто меня отдирают от меня же самой, вернее от той кожи, панциря, с которым я срослась и который принимала за часть себя. Такая в этом новая боль и беззащитность.

* * *

Рос кристалл времени.

Плакала над нами метель времени.

* * *

Поцеловала дирижёрскую палочку великого дирижёра... Палочка была очень тонкой, очень длинной и очень белой — живой.

* * *

Через два дня мне 60 лет... Я ощущаю себя, знаю, вижу беспредельно молодой, ребенком и никак иначе.

Проживая жизнь, человек действительно идёт к истоку, к здоровью, молодости, наполненности, Божественной силе — так и только так должно быть! Я это чувствую с детства. Иного не хочу и не представляю.

И так трудно видеть вокруг другое: как самые достойные люди, доживая до определённых лет, несут в себе угасание, увядание внутреннее и, в общем-то, ожидание смерти — осознанное или не осознанное.

Это просто мучает и пугает. Я ведь вижу это каждый день, по многу раз на дню. Но твёрдо знаю, что так не хочу.

Спасибо Сергею Сергеевичу Коновалову, который очень укрепляет это моё устремление. Другое дело, что сама я не делаю многого для того, чтобы это устремление стало реальностью. Но хотя бы иметь его как путеводную звезду к себе самой — жить!

* * *

Энциклопедия каждого дня.

* * *

Лето 1993г.

Михайловское как выражение русского духа, как зафиксированный ритм — это музыкальная мистическая основа бытия, во многом определяет мою частную жизнь, мои стихи и прозу. Меня попросили написать воспоминания, вспомнить о Михайловском...

Такой надобности нет: оно длится во мне всегда, почти каждую минуту своей жизни я стою за околицей и слушаю, — этим всё сказано. А если вернуться в рамки жесткой действительности, то Михайловское сегодня можно оплакивать. Когда ходишь по заваленным буреломом рощам, по полям, разрезанным машинами, среди неухоженности и небрежения. Я и оплакиваю.

Но я не соблазняюсь видимым господством зла и к сегодняшнему дню с его зловещими переменами, стараюсь относиться спокойно: и это минет...

* * *

«Бог первым доверил людям часть себя. Он согласился жить в людях, пребывая в них, подчиняясь их воле...»

Книга Урантии

* * *

«Личность способна сделать подарок Богу: добровольно посвятить себя свершению Божьей воли».

Книга Урантии

* * *

Напряжение: невозможность раствориться в мае, листве, одуванчиках. Мучает это.

* * *

У детей. Вася совсем маленький (три — три с половиной года). Выхожу из комнаты в новом, непривычном для них, красивом наряде: «Васенька, тебе нравится мой костюм?» Он показывает на меня пальцем и кричит: «А-а-а, — женчина, женчина!» Я растерянно: «А так я кто?» Он: «А так плосто маленькая девочка, девочка-плипевочка».

* * *

Очень важный день — 12 декабря 2001г.

«Господи, люблю себя, как Тебя». И вдруг: Бог внутри меня, во мне, во вне... Как покров с Евангелия сорвали — и сразу на предельную глубину. И как Он — везде! В кошке, в дереве; в троллейбус села: в этой тётке толстой, а она и не знает, в бомже на улице... И слёзы, рыдание подступают изнутри: я ведь это знала! Но знала головой, на уровне знания, а это Переживание — это не сравнить! И несколько дней в этом состоянии: иду по улице, а в каждом человеке — Бог. Люди странно, пристально смотрели. Всё удавалось, все проблемы решались. Денег давно не было, а тут перевод неожиданный в почтовом ящике на несколько тысяч.

Все дни какой-то подъём и смятение одновременно. Спросила: что происходит? Открыла Евангелие от Луки:

«Младенец же возрастал и укреплялся Духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на нем» (Лука, гл. 2).

Через несколько дней это состояние стало невыносимым. Взмолилась: «Убери, Господи! Как трудна эта высота». И убрали. Да ещё через падение внутреннее. Через несколько дней всё захотелось вернуть, но быстро поняла: успокойся, не проси лишнего, не от тебя это зависит.

Ощущение выравнивания внутреннего пейзажа. Я — другой человек. Спасибо, Господи...

И через 10 лет в разговоре с Володей: «Ты испугалась. Мне тоже было страшно, когда это случилось. Но я решил перетерпеть и посмотреть, что будет. И ты сама видишь разницу между нами».

Вижу. И плакать хочется.

* * *

17-го декабря приехала Алла Александровна Андреева. Великие дни с ней.

* * *

1998г.

Тяжёлое, каторжное продираание через себя к себе — к свободе. Жуть! Освобождение — нет ничего тяжелее.

* * *

*Живая пластика воды —
Со дна поднявшаяся память.
На гребне солнечной волны
Я вижу лёгкие следы,
Танцующие жизни танец.*

* * *

Вечером слёзы о России. Молитва к Святителю Николаю.

* * *

Я выступаю от Бога и для Бога. Я — Его праздник!

* * *

«Свобода — сила самоопределения к лучшему».

И.Ильин

* * *

Сколько раз снился Океан!

* * *

Моё состояние — состояние Пушкина по ночам, когда безвыходность (и материальная), когда из ночи в ночь входит программа самоуничтожения. И как я борюсь с этой программой! Он не победил...

* * *

Странная привязанность к детям — надо освобождаться!

* * *

1 мая — звонок из Австралии.

* * *

Алла Александровна Андреева — мне: «Вы бесконечно одинокий человек: одинокий в судьбе, в пути, в поэзии. Крайняя степень одиночества».

* * *

Во сне 14 мая 2005 потрогала в каком-то отверстии в земле пальцем солнце, и оно было живое, как глаз. Полный восторг!

* * *

Неотразимая мощная картина: множество мужских половых органов извергали огонь.

* * *

9 июня 1998г.

Мне подарили три платья. Но к одному из них полагается живой жеребёнок. Теперь не знаю, что с ним делать.

* * *

29 января 1999г.

Глаза моего человека... Долго, не отрываясь, смотрели в глаза друг друга.

* * *

25 февраля 1999г.

Спасалась от какого-то человека, но он меня настиг, обнял, как в танце, и мы понеслись в бездне: вокруг земли, над землёй. Я была ему нужна именно для этого. Во время танца осторожно выпрашивала обо всём. И он сказал мне, что я один из древнейших людей на Земле, которому это дано.

* * *

13 апреля 1998г.

Я в Австралии!

* * *

Готовила рукопись. Отрепённо, бесстрастно читала стих за стихом и вдруг начала плакать: как это возможно — так написать?! Что это за чудо? И почему я так мало чувствую себя к этому причастной?!

* * *

«...Ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него...»

Иов (4.12)

* * *

Шаровое скопление в Геркулесе — не рассказать.

* * *

Через всю эту боль, невыносимость смутно пробивается одно: как-то иначе жить! Полнее! Любовнее!

* * *

На выезде из Севастополя огромный плакат: «Христос Воскресе! И вам того же».

* * *

«Как нравственное существо человек не объясним без признания реальности Всеобщего Отца».

Книга Урантии

* * *

«Благие усилия каждого идут на пользу всем; заблуждения или зло каждого усиливает страдание всех: часть движется вместе с целым».

Книга Урантии

* * *

Рождественская ночь. Никто не в силах отнять звезду, мороз и тишину.

* * *

Само существование страниц рукописи «Доктора Живаго» у Пастернака в столе спасало Россию, спасало будущее. И сколько таких книг лежали в письменных столах в одной только Москве... И у Даниила Андреева, и у Конкордии Антаровой, и у других, которых не узнаем никогда...

* * *

Утром ощущение задачи: стою на берегу Океана, прилетают птицы кормиться из рук, приходят звери, приходят люди и радуются моему слову. После той, детской задачи, эта следующая.

* * *

Молилась на панихиде. Как-то ясно ощущалось, насколько люди одиноки. Каждый. Ужас испытывают наедине со своим одиночеством. Как хочется выскочить из этого! И надо!

* * *

Женщина, пишет поэму о 37-ом годе! Мурашки по спине! Она хочет, чтобы всех назвали поименно — кто писал доносы и расстреливал. Её задача — мстить...

Её пожелание мне: «Пусть появится мужик, которому вы были бы под силу»... Пусть попробует, пусть появится...

* * *

Светлые песни берёз — плакальщиц русской земли.

* * *

Если в детстве многое пережила через Анну, то сейчас через Левина и Кити. Это ведь их дети через несколько десятилетий прошли через лагерь, тюрьмы, расстрелы, эмиграцию. И, глядя на Левина и Кити, понимаешь — почему вынесли. Раз пятнадцать читала почему-то именно «Анну Каренину». Толстой — планета.

* * *

Иногда мне кажется, что сама я — просто слово. Отсюда моё положение в жизни. Слово... Только не знаю, какое... Как-то неловко об этом говорить ввиду известной Евангельской фразы. Но в каком-то другом смысле — я слово. И с маленькой буквы. Как бы не человек, а слово?..

* * *

Друзья говорят после моего выступления в Питере, что слишком сокровенно, что люди к этому не готовы. Но мне только это и важно — что в моей глубине.

* * *

Читала Алле Александровне новые стихи. Она сказала: «Новый этап. Стала более глубоко видеть себя».

* * *

Сны с Платоновым за два дня до его ухода.

* * *

История со столом. Десятилетиями не было письменного стола, писала на коленях. Очень хотелось старинный. Мансуров: «Дайте объявление — я заплачу». Нашла другой выход, написала:

*Обыденная жизнь стола:
Семь ящичков, набитых смыслом,
А надо всем — две просто мысли,
Не облечённые в слова.*

*Двух молний золотой огонь:
Бесчувствие и озаренье...
Предвестие стихотворенья,
Ушедшего от всех погонь.*

*Край, пропасть, лезвие, обвал,
Истома смертного запрета...
Но вот Творец поцеловал,
И жизнь в беспмятстве пропета...*

*Таинственная жизнь ствола:
Арийский дух коры дубовой...
И зреет мир, засеян словом,
И лист на краешке стола.*

Но о прекрасном письменном столе, за которым можно работать и на котором можно спать, мечтаю до сих пор.

* * *

Моё болезненное состояние после приёма травы — не результат ли это моего обращения к траве? Это было для неё настолько сильно, неожиданно, мощно, что она ответила на мои слова какой-то утренней силой.

* * *

Стучатся в жизнь иные реальности, иные миры... В сказках, преданиях, в подлинной поэзии сохраняется сокровенное знание, память об иных мирах, где каждая душа когда-то бывала... Всё это вижу в своих стихах. «Напиток забвения», «напиток памяти» у Штайнера, а я вспоминаю своё:

*Жизнь поэта — мера пребывания
Здесь и там, тот полустанок синий
Без примет, без точного названья,
Где немногие из нас гостили.*

*Золотые чаши равновесья:
Память и забвенье — дар и тайна...
Вздохом можно чашу перевесить
И нарушить меру пребывания.*

* * *

Очевидно, Гоголь, действительно, не справился со своим мощным иррациональным даром.

* * *

Письмо из Австралии. Боль. Плач об Австралии.

* * *

Что за изъян чую в Набокове? Ущерб какой-то. Может быть, все дело в том, что он не гений. Для другого это естественно: не гений, а для него ущерб... Редчайшие оговорки Набокова о себе (кажется, три на всю книгу) поразительно его характеризуют. Его интеллектуальная игра завораживала бы, если бы переходила в музыку. Шахматы, которые начинают звучать, но увы — только шахматы. И у Набокова действительно все как-то повернуто набок. Набоков, конечно, заметил большие зубы Вронского и его зубную боль в конце. А я заметила: Алексей Каренин, Алексей Вронский — у них, собственно, и фамилия одна — Враны оба, вороны.

* * *

Бесспорно: самое страшное событие XX века для России — расстрел царской семьи. Непостижимым образом события «Доктора

Живаго» на Урале с этим для меня связаны. Уральский хребет сдвинулся или ещё какие-то метаморфозы произошли. А хребет этот не позвоночник ли России?

* * *

14 августа 2011г.

Видела радугу над морем в виде креста или стрекозы.

* * *

Необыкновенная женщина Инна Пакета, автор необыкновенной книги «Хроники звёздного народа»...

Больше всего я была потрясена её способностью помнить каждое мгновение прожитой жизни. Ей много раз устраивали экзамен, называя любой из дней, и она подробно рассказывала о том, что было 30 или 40 лет назад. Проверить можно было по её дневникам, которые она ведёт всю жизнь.

«Инна, но как, как можно так помнить?!» «Это потому, что я каждое мгновение проживала полно». Я рада, что наши пути пересеклись. Мы много говорили. Читали друг другу. Я прочла её один свой рассказ и сказала: «Я плакала, когда написала». «Ну, нам себя всегда жалко. Жалко, что мы не умеем жить в вечности».

* * *

Не принявшие даров! Это про меня. Почти в каждом мгновении. И это можно отнести ко всей нашей цивилизации. Мы умудрились пройти мимо настоящих, нам предназначенных даров Вселенной... Я это так вижу! Но лучше всего в своей жизни. Прости, Господи!

Не принимаю себя.

Не принимаю своей глубины.

Не принимаю своей красоты.

Не принимаю другого.

Не принимаю великое: любовь, страсть, талант...

Потому что приучена к малому: влюбленность, отношения, осторожность, недоверие... Всё большое умалается. Мотивация неосознанная — выжить. А на самом деле: *выжать* самого себя из

жизни. В лучшем случае — переместить на обочину: не заблудишься. Страшно!

* * *

Саша: «Вы другая сегодня. Был свет, а теперь он ушёл на глубину». А у меня внутри гудит колокол.

* * *

«Когда человек не имеет подлинной глубины, у него всегда присутствует эта шероховатость значимости» (Валентина Павловна).

* * *

Посмотреть на себя глазами Бога в каждой ситуации...

* * *

Алёша: «Да... Лариса Реональдовна, чтобы Вам понравиться, надо быть героем ирландской саги».

* * *

По эту сторону ненависти Федра подняла меч, — сбивая пробирки по ту сторону любви. И Федра — это я... Просто генетическая память?

* * *

Самая большая удача Пушкина в том, что он не убил Дантеса.

* * *

Слёзы мои после прозы Бродского о родителях, о стране. Что делать?

* * *

5 февраля — день с Пушкиным и Кузьминой-Каравасовой.

Интересно, девочкой прочла у Блока, ничего не зная: «Когда вы стоите на моём пути», и подумала, что это обо мне. А сегодня мысленно примерила на себя такую судьбу — страшно, не потяну.

* * *

Читаю Солженицына. Тяжесть от его языка. Из-за этого многое — на нет... Но не было у него другого.

* * *

Языком Лескова и Шергина успокаивалась. И постигала Россию.

* * *

Поражает, как в каких-то обрывках снов, знаках, ситуациях были рассказаны события, которые случились в моей жизни спустя 10-20 лет.

* * *

Я нагружаю все свои главные встречи, события такими смыслами, которых в них, может быть, и нет. Я всегда преувеличиваю. Только так это становится украшением жизни, придает ей объем, краски, оттенки, которые в обыденности пропадают. Я не умею по-другому. И рада бы иногда. И надо. И не могу. А человек воспринимает в своих рамках и очень удивляется, а чаще — боится.

* * *

В Володе звёздная память очнулась ото сна, похожего на глубокий обморок и, медленно приходя в себя, стала разворачивать свой свиток перед сущностью поражённого человека. А дальше ему осталось только поверить и работать. Но в начале всего была жажда истины.

* * *

Настя, три с половиной года. «Настя, почему у тебя синяки на ногах?» — «Это потому, что в Австралии небо очень синее, от неба комары синие и, когда они кусаются, то получают синяки».

* * *

*Андрею Марковичу, переводчику
Достоевского на французский язык.*

Ночь, свет настольной лампы, человек за столом, книги, бумаги... Происходит непостижимое и почти страшное: вместе с переводом с языка на язык поднимается пламя спрятанных, спрессованных энергий, заключённых в слове. Огненная работа — перевод. Вижу это пламя на всех вещах, вокруг стола, на столе. Сам человек сидит в этом пламени, горят страницы книги, горят, не сгорая. Главное: не отождествить это пламя с собой.

* * *

Никто не верит по-настоящему в мои встречи с Пушкиным — только дети. И то не все. Мне просто смешно: моя реальность выглядит, как вымысел. Но никто не сможет меня убедить, что я это выдумала.

Разве кто-нибудь знает — что, какая реальность, стоит за словом? Какие переходы в пространстве и времени открываются через слово для чуткой, слышащей души! Там, где я плакала в детстве над стихами его, над событиями его жизни, меня подхватывал поток и уносил. Я ведь не утверждаю, что 15 февраля 1971 года я зашла в гости к Александру Сергеевичу — этого я не утверждаю, потому что всё было иначе.

Его смерть я пережила несколько десятков раз, пережила на грани отчаяния, на грани собственного выживания. Это было в детстве и в ранней молодости. Где я побывала в эти мгновения? Какой опыт приобрела? Не объясню. Но приоткрывалось знание. Именно поэтому мне не интересны музеи. Квартира на Мойке, например. Пусто там для меня.

* * *

Такое чувство, будто Пушкин остался у меня дома и один празднует сейчас этот свой юбилей.

* * *

15 декабря позвонила Зина из Братска и рассказала историю с памятником Пушкину. Я впечатлена и взволнована. На том месте, где в одном из своих самых счастливых снов я шла с Пушкиным под руку, где мы остановились и говорили, — на том самом месте в этом городе через тридцать три года поставили памятник Александру Сергеевичу. По правде, и я должна стоять там рядом с ним.

* * *

7 ноября 2009г.

Мне подарили большую медную монету, а сбоку резной, объёмный портрет Пушкина.

* * *

Первый день Нового года по Майянскому календарю. Иду во-круг АЗТ-11 (Телескоп). Зной. И вдруг кто-то на уровне лопаток

коснулся моей голой спины. Такое странное прикосновение! Никогда еще существование меня так не касалось! Вздрогнула, оглянулась, а это стриж на лету чиркнул по мне крылом. Святое присутствие! Спасибо!

* * *

Странно. Я попросила Олега Алексеевича сфотографировать моё отражение в зеркале телескопа. Это была целая экспедиция. Благодарна, что согласился. Но потом сказал: «За последние 60 лет вы первая сумасшедшая, кому пришло это в голову». Но я смотрела в эту трубу телескопа, видела своё странное отражение в полутораметровом зеркале и что-то важное всё-таки испытала.

А через неделю прочла у Кришнамурти: «Жизнь, искажённая мыслью. Вы смотрите на жизнь через обратный конец телескопа». И он же: «Вечное — это глубокое созерцание настоящего». Хорошо, что Кришнамурти был, есть и будет. И ещё он: «Усилие ума должно концентрироваться на понимании каждой своей мысли, каждого чувства, каждого действия в данный момент...» — бесконечно можно цитировать. Последнее: «Люди легко удовлетворяются малозначительными вещами, они не обладают Божественным жаром сердца, ибо заглушили его ложным оценением». Всё!

* * *

Странно: когда бы ни проснулась — за окном всегда пальмы. (Австралия).

* * *

Первые пять лет сны эмигрантов здесь, как открытые раны, пульсируют в пространстве разлуки, совлекая с себя оболочку Родины, как собственную плоть. Люди исходят гнойной болью невестребованности и непонимания. (Самое интересное, что почти у всех это же было на родине, но, конечно, иначе.) И ран этих, кажется, жизнь никогда не зализает.

Но очень скоро тихое дыхание рая начинает осыпать лепестки цветущей джакаранды в измученные болью и страхом сердца.

И еще через годы каждый мигрант, а теперь Австралиец, будет продолжать напевать песни своей родины (неистребимо!), куда он

даже во сне не захочет вернуться. От ностальгии останется терпкий запах изношенной одежды. Но уважение, которое новая родина оказывает твоему человеческому достоинству, преобладает надо всем.

* * *

28 февраля 2010 г.

Подлетали к Абу-Даби. Гроза за бортом. Очень сильная. Не по себе. Пересадка. И вот я в самолете на Сидней. Лететь долго. Уже часов семь как-то не по-русски плачет через два ряда от меня маленький ребенок. Какая-то невыносимость от этого плача. Пошла в туалет и увидела: это крошечная арабская девочка.

Наши дети плачут увереннее, мощнее и жалобней. У них как бы очень большой запас плача: надо, чтобы на жизнь хватило. И за каждой нотой их плача подразумеваются разные вариации, оттенки, некоторая художественность угадывается. А эта арабская кроха плакала отрешенно и невыразительно. Всех измучила.

* * *

Рукопись моей книги дважды пролетела над половиной земного шара, над Индийским Океаном и над всей Австралией. Что она во-брала в себя?

* * *

*Нездешний Свет, целующий ладони,
Совсем не сон — реальность новых дней...
Смеется ангел радости над ней...
Когда-нибудь, до встречи, в Салвингтоне...*

* * *

Пролетев над Океанами, я точно знаю, что это они вращают Землю. И у них есть помощники.

Когда смотришь на Землю сверху (из своего внутреннего Космоса), то хорошо видишь, как реки, озера, ручьи, родники, водопады — любые водные потоки, большие и малые, как они трудятся. Не просто текут, стремятся, просачиваются, пробиваются — они всем движением своих вод, всей памятью их помогают Океанам вращать Землю. И это такое зрелище! Такая молитва всех вод на Земле, такая тайна! Плакала, когда увидела это и поняла. А сколько не поняла!

* * *

9 мая.

Помяни, Господи, 26 миллионов 646 тысяч погибших в Великой Отечественной войне.

* * *

Вместе с поцелуем Христос передал Иуде какое-то великое знание, которое Иуда не смог понести дальше — поэтому ушёл из жизни.

На этой истории хорошо видно, как языком, понятным для большинства, обрабатывались такие события: сглаживались, приспособлялись к усредненному сознанию, урезались, переосмысливались, пока не изменялись до неузнаваемости. Если Иуда в чём и виноват, то только в том, что не нашёл в себе сил понести знания, которые Христос вдохнул в него.

Вот почему все потом так страшно заблудились, попали в лабиринт таких красивых, но во многом искаженных Евангельских смыслов. И конца этому лабиринту не видится. Собственно, всё христианство — блуждание по этому лабиринту. Очень немногие выбирались к выходу.

* * *

Великая суббота. Слезы, тоска. Почти Богооставленность. Чудная заутреня! Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Вологда. 5 марта 2003 года. Прощёное Воскресение.

В Храме Святого апостола Андрея Первозванного встречаю Татьяну Михайловну Смирнову. Это мой большой друг, глубоко чувствующий меня человек, хотя внешне между нами — некоторая дистанция... Вид у неё встревоженный.

— Что у Вас, Таня, случилось?

— Это у Вас случилось, а не у меня!

И рассказывает, что часа в 4 утра она проснулась от того, что кто-то ей сказал: «Запиши и передай Ларисе». Человек она духовно трезвый (без видений, без голосов, без экзальтации).

Удивилась. Не испугалась. Встала, взяла ручку, бумагу и записала то, что услышала:

*В середине января,
В середине века
Александра родила
Богу человека.*

Татьяна Михайловна протянула мне этот листок. Я вздрогнула, на мгновение разволновалась...

Родилась я 16 января 1950 года, хотя в документах стоит дата — 1 января. Мама моя — Александра Яковлевна Галанова. Всё сходилась... Дня два мне было не по себе. А потом, естественно, эту историю я забыла.

Прошёл год. Я у мамы в Иваново. Прощёное Воскресение. Вечером звонит Татьяна Михайловна. Взволнована. «Лариса! Сегодня под утро меня разбудил голос: «Запиши и передай Ларисе.» Это продолжение тех четырёх прошлогодних строк»:

*В середине января,
В середине века
Александра родила
Богу человека.
Воин духа и поэт
Послан вновь в Россию
На исходе страшных лет
Мрака и бессилья.
Женщине доверил Бог
Миссию поэта.
Среди горя и тревог
Петь любовь рассвета.
На рассвете холод рос,
Пелена туманов,
Дальний свет далёких звёзд.
Одиноко, странно...
Но луч солнца, пеньё птиц
Утро возвестили —
Просыпайся, друг, очнись!
Бог даст путь и силу...*

Вот и всё. Такая история. Никогда, ни до, ни после этого случая с Татьяной Михайловной ничего подобного не происходило.

Прошло уже 6 лет, как она ушла. А я нашла это стихотворение, когда готовила издание своей новой книги. В эту книгу его, пожалуй, поместить можно...

* * *

Из письма Александра Пушкина брату Льву: «Пожалуйста, без малейшей похвалы в мой адрес — это непристойность». Как иначе люди жили!

* * *

Страшная вещь — «Евгений Онегин»: по громадному присутствию в нем Бога, по прозрению судеб России, самого Пушкина, моей судьбы, судьбы многих других. А детали, детали... **Евгений Онегин, генерал** (и много других).

* * *

За три месяца я отразилась во всех твоих зеркалах: во всех пятнадцати комнатах, коридорах, в ваннах, на кухне, в полированной поверхности рояля, в боковых зеркалах твоего автомобиля, в оконных стёклах, в стеклах твоих очков... Отразилась — осталась здесь навсегда. Как я буду себя вести? Не знаю. Боюсь, что непредсказуемо...

* * *

«Самое ужасное, когда люди не умеют выходить из старой колеи. Самое ужасное, когда люди подходят к новым условиям со старыми привычками. Как невозможно средневековым ключом открыть современный замок, так невозможно людям со старыми привычками открыть дверь в будущее».

О, как я это чувствую! И как страшусь каждый раз внутренне не успеть попасть в согласие с новыми, всегда новыми, ритмами жизни.

* * *

«Ползите там, где вы не можете идти. Идите там, где вы не можете бежать. Бегите там, где вы не можете лететь. Летите там, где вы не можете заставить Вселенную у вас внутри остановиться».

Михаил Наими

* * *

«И самая большая неприятность — это считать что-либо неприятностью. Решайтесь — всё иметь или ничего, а середины просто нет».

Михаил Наими

* * *

«Вы в долг берёте всё, что отдаёте, пока вы думаете, что даёте».

Михаил Наими

* * *

«Мало солнышка — вот и всё объяснение русской истории».

Василий Розанов

О, как понимаю теперь!

* * *

«Литература — великое самозабвенное счастье, но и великое в личной жизни горе».

Василий Розанов

* * *

«Поменялось качество твоего песнопения. Прежнее было из пустыни, где все выжжено, а сейчас — горное, лесное, воздушное, благоухающее... То — просто опаляло присутствием жёсткости. Да, очень глубоко и красиво. Но кто и не улавливал жёсткости, а только красоту и глубину — в них все равно входил оттенок жёсткости.

А сейчас качество чувств твоих абсолютно другое. Тебе сделали прививку любви. И это — настоящее чудо! Разве из тысяч людей кто-нибудь может похвастаться такой жизнью, которая чудо?! И это потому, что ты не побоялась увидеть себя честно и глубоко. И пройти через это трудное, некомфортное состояние».

Володя Т. — мне в важном разговоре.

* * *

И ощутила я вдруг великую ответственность перед Мирозданием: будто вся Вселенная смотрит и ждет, как я пройду через эту великую милость любви.

И оказалось: душа так правильно чувствовала, а тонкий, хитрый умище уже включился. И не в мою пользу. Он почти всегда обыгрывает. И эти лёгкие набегі ума так четко цепают за человеческое. И всё начинает ему подыгрывать. Вот я и попалась. Хорошо — не до конца.

* * *

Как отличаются те, кто сам себя несёт, от тех, кто позволяет Богу нести себя...

* * *

«И они совратили людей в великие заботы».

Апокриф, Евангелие от Иоанна.

* * *

«Я встал среди мира, и я явился им во плоти. Я нашёл всех их рьяными, я не нашёл никого из них жаждущим».

Евангелие от Фомы

* * *

Когда я выступаю, я должна стремиться передавать не глубину своего понимания, а присутствие во мне, в моих словах Бога, мою любовь к Нему.

* * *

Все наши достижения человеческие, личностные, творческие без перспективы жизни в Вечности, работы в Вечности — ничто. Как будто бы ты, действительно, складываешь в деревянный ящик всё, что создал за жизнь: продолжение рода, творчество, достижения, учёбу... Или всё это должно иметь продолжение в вечности или... Зачем?

* * *

Выхожу из Главного здания (обсерватория, КраО) с палками своими для скандинавской ходьбы. Мальчик на крыльце, около пяти лет.

«Привет!» — «Привет!» — «У меня волшебные палочки. Я с ними летаю. Сначала иду быстро, а потом взлетаю». Внимательно смотрит на меня: «Не хочешь сейчас попробовать?» Закономерность и

простота вопроса поразили. «Боюсь, сейчас не получится». Но стало так стыдно! Пришлось очень напрячься, побежать и взлететь.

Не соблазняй детей, когда нечем подкрепить свои слова.

* * *

Господь через меня, как через инструмент, через трубу музыку производит, а я часто не осознаю это и предпочитаю чувствовать себя композитором, а не трубой.

Стыдно, Господи!

* * *

Мальчик Ваня, три года. Был на моем выступлении. Сидел полтора часа, не шелохнувшись, и слушал стихи. А дома сказал: «Лариса пела. Долго пела». — «А может быть, стихи читала?» — «Нет, пела». И рассердился на бабушку — как она не понимает.

* * *

Девочка, четыре с половиной года, после моего вечера. «Тебе понравилось?» — «Я первый раз так долго смотрела на человека...»

* * *

Очень чувствую иногда, что язык устал нести народ, как ношу. Народ почти перестал словотворить — добра не жди.

Сейчас мы живём в господстве мысли: как помыслишь — то и имеешь в жизни. Это закон. Причём всё более жёсткий. А дальше будет ещё суровее: сказал слово — и стало.

И вот тут начнётся...Сказал: «Ах ты, гад!» И явится гад, и пожрёт тебя.

Язык будет рождать сущности на физическом плане. Язык нас убьёт. Язык нас убьёт? Язык нас спасет.

Убиваем себя только мы сами.

* * *

Как мучительно сознавать, что ты ещё только на пороге слова...

Говорить, петь, писать и так и не прыгнуть в его глубину, не пригубить по-настоящему, не насладиться. Когда (очень редко) я это осознаю — мне больно. Иногда думаю, что всю жизнь прислушиваюсь, ищу звук, как ключ к сущности слова, к его глубине, могуществу... Слушаю ночами невообразимость всех сразу далей и космосов... Жду.

Хочу. Мечтаю. Надеюсь. Сейчас уже предельная невозможность без этого проникновения в Существо, в личность слова. Как будто ты — все время мимо настоящих смыслов... Да что — ты?! Вся культура. Жажду!

Слово — просветлённое.

А наша беспросветность его умаляет. Все мы по-настоящему со словом не совпадаем. Отсюда и мука моя. А какая мука у слова?! Тень от него, и ты бежишь за тенью... Пишу точно, ёмко, образно. Но мне необходима предельная сладость языка. Уже необходима! Я молю об этом! Как в детстве, за обедом высасывали из мозговой косточки нечто, старались достать кончиком языка глубинную сладость... Зря так сравниваю? А я не сравниваю. Просто иначе не скажешь. Пока.

Жажду!

* * *

Надпись на дороге в Тасмании: «Едь хорошо и счастливо возвращайся».

* * *

Сон Якова в ночь на 18 апреля 2010.

Я плыла по Океану, и сердце моё было точно на уровне Океана. Яков видел его сквозь моё тело и думал в тот момент, что Океан — это точка отсчета всех уровней на земле... И сердце моё тоже... А потом я вдруг исчезла, а сердце продолжало плыть...

Часть 2 Старухи

«...в этих словах ещё живут «народные силы» — их окраска хранит отблеск истинного света, вдохновившего выбор тех звуков, которые лучше всего соответствовали называемому предмету... Душа, жившая в вещи, общалась с душой человека через слово... Мы даём абстракциям и чужим корням захватывать язык. Нужно быть поистине оставленным Богами, чтобы утратить чувство того, что язык есть одеяние духовной реальности, через него выражающейся, и что поэтому он не может быть создан искусственно».

Симона Риус.

«Эвритмия». Париж, 1926

Меня мучают эти русские старухи. Как нельзя разгадать тайну жизни, так нельзя понять, зачем они приняли в жизни столько муки, неуважения, презрения, боли, горя. Давно когда-то раздражала их покорность, теперь понимаю: смирение, состояние самой жизни, самой земли. Попасть в такт с жизнью, уловить её подлинный ритм — это и есть смирение (с миром принимать жизнь). В этом ритме они совпадают с небом и землёй. Мы же разминулись (во многом) и с землёй, и с небом, и с языком. Мы знаем, но не понимаем подлинного значения главных слов — любовь, смерть, смирение, тайна, прах... Мы вне смысла, вне тайны, вне себя. Цельность — не наш удел. И всё цельное для нас невятно. Мы не вмещаем.

Один дорогу не держит

Марина

«Один дорогу не держит», — обронила моя 70-летняя спутница, рассказывая о жизни своей. А наша с ней дорога была неблизкой: 14 километров по бывшим дорогам, по тропинкам, от которых следа не осталось, и только память Марины Владимировны безошибочно вела нас по ним. Она возвращалась в деревню, где после замужества прожила 50 лет. Но возвращалась на сутки — прополоть картошку да дом поглядеть. Три года назад Марина Владимировна и Кузьма Николаевич, её муж, последними уехали из деревни. В этом милом сердцу Мелюшине дядя Кузя родился, прожил 75 лет за вычетом пяти военных. А теперь жили в селе, в Ферапонтово, в маленькой комнатке, которую сельский совет с трудом выделил ветерану войны. А Мелюшино не давало покоя: и дом, и брошенная земля. Сейчас на этой земле сажала Марина Владимировна каждую весну несколько ведер картошки, а осенью снимала урожай и закапывала в яму — вывезти все равно невозможно: далеко, нет дорог. Весной приходила и сажала ту же картошку, очень хорошо сознавая, что труд этот

Мелюшино

напрасный. Но пока есть силы, она так и будет ходить туда и на своей земле, которую за 50 лет по песчинке перебрала руками, будет сажать картошку. А Кузьме Николаевичу уже не дойти — рана военная очень болит последние годы. Но только, когда Марина уходит, и он с ней вместе проходит всю эту дорогу, и он сидит на пороге своего дома, и он держит в руках горсть своей земли...

А я держалась здесь за Дионисия, за XV век, в который проникла трудно и мучительно, но в людях тех далеких уже умела понять и прочувствовать главное: они жить старались по законам любви, правды и чистой совести. Жить по этим законам было трудно, но доступно каждому, жить же иначе было и страшно, и невозможно и, рассказывая об этом эскурснтам у фресок Дионисия, часто говорила и думала о матери, о женщине... Ведь Дионисий — это ещё и гимн вечному, прекрасному и трагическому, тому, что зовётся материнством. Нет любви, равной материнской, и нет ответа, равносильного этой любви даже в самых лучших из детей... И во время каждой экскурсии сидела в уголке Марина Владимировна — смотрительница фресок Дионисия, а слушала она меня или нет, я не знала...

Теперь мы шли с ней по заросшим дорогам и полям прекрасной земли, проходили чёрные, мёртвые, брошенные деревни, над которыми, как плач материнский, висело чёрное молчание. Она рассказывала мне историю этих деревень, показывала дома, называла людей, как будто вчера рассталась с ними. Кладбищу издали трижды поклонилась в пояс, и дорога эта наша под солнцем вечерним, ласковым становилась для меня все тяжелее. Хотелось встретить человека, хотелось, чтобы из окна крайней избы проводил нас чей-нибудь взгляд, но вокруг была мертвая тишина. Мы вошли в Мелюшино, и показалось, что всю красоту земли природа выплеснула в это место: с холма открывалась даль и бескрайние северные леса, неслышно текла река Иткла, около каждого дома молчали мощные березы и ели, любовно посаженные людьми на память детям и внукам. Всё встретило нас мёртвой тишиной, и я заплакала на пороге дома, не выдержав этой тишины.

Пошёл дождь. Сильный и быстрый, он пролился над землёй и оставил в небе двойную чарующую радугу. И Марина Владимировна

Фекла, Лариса, Ольга и приехавшая проведать свой дом Анастасия.

прогнала меня с огорода: «Иди, порадуйся!». Я радовалась и хотелось бежать туда, к этой радуге, но уже знала, что и там, за ней, за этим лесом стоят такие же мёртвые деревни.

Вечер мы провели в доме. Много времени понадобилось, чтобы обойти его весь: зимнюю избу и летний пятистенник, подклет, чердаки, сараи, все закоулки, лестницы и переходы — весь этот огромный мир, где у каждой вещи было свое место, где каждое бревно, каждая половица положены были с любовью, на века, с расчетом на будущее. «Три года плачу, — говорила моя хозяйка, — не то, что стену в доме, каждое бревно жалко». И всё рассказывала мне, как жила здесь, как детей растила, как мужа с войны ждала, как работала от зари до зари. Легли поздно. И сказала мне Марина: «Утром сходи к старухам». «К каким старухам? Здесь же нет никого!?»

Ольга

Поднялась на высокое крыльцо, в сени, постучалась, открыла дверь. От стола мне навстречу повернулась очень худенькая, маленькая старушка с седыми, коротко стриженными волосами, с ясными живыми глазами. Ольга Дмитриевна Баскова. Бывшая учительница,

одинок. Есть племянник, который не оставляет ее своей заботой, зовет к себе в Москву. Она пробовала жить там, благодарна племяннику и его семье за любовь и ласку, да всё-таки вернулась домой. Здесь, в этом доме, родилась, прожила 81 год. Если и уезжать, то в Ферапонтово. Там много своих, мелюшинских, но сельский совет помочь ей может только в одном: устроить в дом престарелых. А туда она не хочет. И говорит об этом так, как будто бы у неё есть выбор. Выбора у неё нет, но у неё есть стихи:

*Все старухи умирают,
Нынче очередь моя.
Я купила бы бутылку,
Кто бы умер за меня?*

*До чего старухи дожили,
Не надо никому.
Получайте свою пенсию,
Летите на Луну.*

*Задумевшая подружка,
На Луне-то я была.
На Луне меня не приняли —
Что пенсия мала.*

*Говорят, что я старуха.
Что-то мне не верится.
Ну, какая я старуха —
Во мне всё шевелится!*

И ещё частушка:

*Деревенские тропинки
Установим вехами.
Все старушки и болтушки
В города уехали.*

Сломала бедро: несколько месяцев назад упала с печки — затопилась записать четыре строчки, побоялась, что забудет, и сейчас ходит с двумя палками. Она смеётся, показывая мне палки, и, отодвинув тарелку с плесневелыми сухарями, раскладывает передо мной на столе свои тетради и блокноты. А я достаю из кармана тетрадь со

своими стихами. Мы читали друг другу, говорили о поэзии, о жизни, и две судьбы на какое-то мгновение слились для меня в одну: я видела, слышала, узнавала себя в ней, радовалась этому и страшилась этого... «Бывают странные сближения...»

Подаркам её не было конца. Надела мне на голову солдатскую полинявшую пилотку времен войны, и я чувствовала, что отдаёт дорогое для себя. Хотелось спросить, узнать, что за человек прошёл в ней по фронтам войны, но времени, времени было мало! А она всё никак не могла оторваться от нашего разговора и, обрывая сама себя, часто повторяла: «К Фёкле, к Фёкле зайди обязательно, раз нам тебя Бог послал».

Через час нам надо было уходить из Мелюшина, а Ольга Дмитриевна в который раз останавливала меня на пороге: «Запиши, запомни эти слова: “Одинокий человек подобен бабочке под колпаком ночной лампы — он незащищён даже сам для себя”». Я успела сбегать на речку и выполоскать её белье, которое она в это утро выстирала без мыла — мыла не было, мыла купить негде. И это старушечье белье одинокой поэтессы я никогда не смогу забыть. Она перекрестила меня на пороге и закричала: «К Фёкле, к Фёкле зайди обязательно!»

Фёкла

Фёкла Васильевна сидела за столом у окна. Я поздоровалась, выложила на чистый стол кусочек хлеба да две конфетки — всё, что осталось у нас с Мариной, и Фёкла заплакала. Заплакала и я. Ничем больше я её помочь не могла. Ей 88 лет, родила одиннадцать детей. В голод после войны умер муж, двенадцатилетняя дочь. Детей поднимала сама. Живут сейчас в разных городах четыре дочери Фёклы. Младшая этой весной попросила мать уехать, потому что «запах старушечьего в доме не переносит». Фёкла о дочерях слова худого не сказала и на мой вопрос: не написать ли им, ответила: «Не надо. Что их беспокоить? Я на них обиды не держу. Мне бы умереть скорее». Как живет? Печь пала, как говорят в здешних местах, дров нет, муки нет. Есть пенсия — 40 рублей, но истратить её здесь негде: ближайший магазин в Ферапонтово, за 14 километров по бездорожью. Кто забредёт — хлеба оставит, кто в соседнюю деревню летом погостить приедет — поделится. Живёт, одним словом. На прощание назвала меня красным солнышком.

Фёкла, Лариза, Ольга

Мы собрались уходить. И в последние минуты сделала мне подарок Марина Владимировна: поставила передо мной сапоги, шитые когда-то лучшим здешним сапожником — её мужем. Кожаные, на деревянных гвоздях, с прокладками из берёсты. Шил для неё, по ноге. И уходила я из Мелюшина в этих сапогах, в старой солдатской пилотке. Уходила со слезами. И вслед нам из своих окошек смотрели Ольга и Фёкла.

За лето я навестила их ещё раз: это был праздник и для меня и для них. Хлеб, сахар, спички, мыло — всё, что смогла донести. Три дня длился этот праздник: мыла хату Феклы, пили чай, пилили дрова, разговаривали по вечерам, и Ольга Дмитриевна даже завела патефон, к которому несколько лет не притрагивалась.

Я их узнавала ближе, и уже не оставалось безысходной жалости во мне. Они жили, жили по-разному: без слёз и жалоб, с надеждой на что-то — Ольга, молча, с частыми слезами — Фёкла. Земля, небо, дом родной: у каждой своя боль, свои сны, свои мысли. Но они жили, не боялись смерти, умели радоваться, дарить, умели быть благодарными. За что мне их жалеть? Жалеть надо других,

жалеть себя, нас всех за то, что птицы не поют в чёрных брошенных деревнях, за то, что в одном Феропонтовском сельсовете 50 таких брошенных старух, за то, что существует такая статистика... С ними — с Ольгой и Фёклой — все в порядке. Это с нами, с нами нехорошо.

Ольга и Евдокия в Феропонтово

А потом, на своём вечере в Дубне, в Доме учёных, я рассказывала о них и читала стихи:

*Я третья из мелюшинских старух —
Нас трое в этой брошенной деревне,
Одни глаза у нас, единый слух:
Ларизы, Ольги, Фёклы голос древний*

*О смерти просит, лёгкой, как рассвет,
О счастье тех, кого мы любим тихо:
Нам на земле другой заботы нет —
Давно в душе любая боль затихла...*

*Мы не живём — растаем в эту твердь,
И потому над нами небо выше,
И небу нам легко в глаза смотреть,
И небо все молитвы наши слышит.*

*Но как стать вровень среди этих двух,
Земле и небу, как они, быть верной?..
Быть третьей средь мелюшинских старух
Я не смогла бы до конца, наверно...*

И какая живая, какая больная тишина отвечала мне из зала.

На этом бы и кончить. Осталась бы во мне память об этой встрече, боль затаенная, стихи Ольги Дмитриевны, фотография на стене, моя благодарность им на всю жизнь. И мне бы так было спокойнее. Я плакала вместе с плачущими — могу ли сделать больше этого? Но жизнь продолжается. Они живы. Они пережили эту зиму: одна — в Москве, другая — в Ферапонтово, снимая за 20 рублей угол у такой же одинокой старухи. Мы переписывались с Ольгой Дмитриевной и виделись с Фёклой зимой. Зимой они жили надеждой на возвращение в свой дом, пусть только на лето, пусть в последний раз.

Слишком затяжная, долгая, неудобная весна. Вот и май кончился, а добраться до Мелюшина не смогли даже на тракторе — бездорожье. Пишет стихи и хлопчет о своём будущем Ольга Дмитриевна: сельсовет обещал ей комнатку в одной из деревень, где люди живут еще, хотя и туда дороги плохие, но все-таки дорога, люди... Но это потом, осенью, может быть. Так далеко она не загадывает.

А у Фёклы — разговоры только о доме. И обе они смотрят мне в глаза и спрашивают: «Не бросишь нас? Придешь летом, прине- сёшь хлеба?».

3 июня Фёкла ушла в Мелюшино одна. Две сумки на перевязи на плече: нехитрые пожитки, два батона и буханка хлеба. Палка в руках. Отговорить её было невозможно. Дойдёт она или нет? . Все вокруг да и я понимали, что не пойти она уже не могла.

«Умрёт если не дома, то по дороге к дому», — сказала мне тётя Марина.

Вокруг белого озера

Великие старухи, с которыми познакомилась в деревнях на берегу Белого озера... Жизни их не рассказать. Даже на фамилиях отсвет этих жизней: Бобылёвы, Морщины, Микшины... Многие из них «ходили в озеро», как здесь говорят, наравне с мужиками. Особенно в войну. Я просто сохранила в сердце их человеческий привет, их тепло, благородство, их великую способность к молитве — не к показному благочестию, а к молитве подлинной. Собственно, и вся их жизнь была молитвой — нерасторжимым общением с Богом. В своих тетрадах я сохранила фрагменты их рассказов. И через язык многое видно.

...Зачалась война, и опять я осталась в положении. Да мальчик семь годов остался, да девушке десять. И этот только роженный... ..Да я что? Вон Варвара перед самой войной шестую и жахнула принести, и опять девку.

...Знаешь, как работала? Меня каждый мужик брал в озеро. И я знала всё, любила озеро. Лед пешила и мерёжки опускала. Да, битья-то было раньше. (Битья — работы). Ловила ятву. Тащить мерёжки страсть тяжело. Бригадир кричит: «Девки, матушки, силу давайте, прибавьте силушки!» Два раза была под страдой под этакой: застыли в озере. Кто в озере не бывал — тот от раденья Богу не молевался...

...Соседка моя: сама потонула, а он на войне остался. Вот дедка да бабка робят и созидали... А пока мой мужик был на войне, я сама ему письма писала, а так грамоты не знаю и сейчас.

Так они говорили:

Видно не тапливала байну, предбайник.

Озлыдаешь — ослабеешь, похудеешь.

Колды привезут песок? Колды-нибудь, кой-колды.

Коротышные песни пели, а не долгие.

Можешь ты переносить: все берёзы сломали.

Можешь ты переносить: рюмку выпила и отказала.

Тогда ещё в заглушных местах вились эти старушки (знахарки).

А на Зою, наверное, остуда спущена (т.е. стала неприветлива).

Малины было — красья красно.

Вышла — только маленько свиток синий стал.

Ты ко мне не встанешь в няньки?

Да она велика ли в перьях? (Совсем ребенок, лет мало).

А мне бы какой чубаренький платочек. (Не черный, а полинялый).

Ты чего голгочешь-то? (Что говоришь?)

С прутья поели ягод да и всё.

Летучий ревматизм у меня. Летает, как ножами режет.

Ты хоть не пала? Батюшка, пала: Господь посетил: пала!

Смерти на деньги не купишь.

У меня сестру семь женихов сватали, а меня четыре, да два — самоходкой звали.

Проходи впрядки (вперед, завтра).

Варачкает вода (кипит).

День дома делаешь (работаешь), да к вечерне шарнешь — еле бредём.

Посидела пряжку (немного).

У рыбы жили (у озера).

Тряпка-отымашка (чугуны из печки вынимают).

Красы-то большой нет, а на речь-то казит.

Давно их нет... Лидия, Варвара, Елизавета, многие другие... И в их заветных тетрадках, которые они мне показывали как свои главные сокровища, корявыми, какими-то уработанными буквами были

переписаны стихи и молитвы, которые давали им утешение. И мне разрешали их переписывать. Такие бесхитростные строки, ими и помянем этих великих русских старух. Они этим жили.

Крест

*Вся наша жизнь земная — крест.
Тяжёлый, тягостный, унылый...
И тяжесть эту перенести
У нас не стало б своей силы,
Но где терпенье, там и Бог
С Его всесильной благодатью,
Где горести земных тревог
Его означены печатью.
Кого Он любит, для того
Не пожалеет испытанья.
Терпи и сердца твоего
Не допускай ты до роптанья.
Ни волосинки с головы
Не упадёт без Божьей воли.
Зачем же жалуетесь вы
На тяжесть вашей доли?*

Сёстры Арлаковы

Была в моей жизни ещё одна незабываемая встреча — с сёстрами Арлаковыми в Белозерске. Наталья и Александра. Третья сестра, Надежда, умерла давно. Натальи не стало, когда ей было за 80 лет (точно не знаю), а Александра, старшая, прожила до 101 года и задохнулась в дыму, когда в её домике начался пожар.

Домик был покосившийся, все комнаты можно было обойти по кругу... Домик был сказочный. Обе сестры, маленькие, чрезвычайно сухонькие, являли собой пример старчества в миру, особенно Александра. В 22 года, в 1914 году, ушла в Ферапонтов монастырь. Как-то до 1929 года жизнь её шла в монастыре, около монастыря. А потом, в 1929-м, уехала в Петрозаводск и там прожила десять лет

и три месяца. «Там-то и пропало всё монастырское настроение. Рассказывать не буду — священнику каялась. Падшая душа...». Но после этого уже ни на один день не отступила мать Александра от церкви. Пережила и арест.

«Сижу и молюсь в холодной. И так отраднo-отраднo: окошко, а в окошке храм Божий на высокой горе. И есть что-то не хотелось. Потом пустили куда-то погреться: «Арлакова, погрелась, так отвечай...». — «Чего не знаю, так как я вам скажу?» Тут они стали предлагать в провокаторы, приглашать быть «нашим членом». — «Я не способна!» — «Нет, ты способна!» — «Долго ли эту песенку-черемисонку будете тянуть — низко вам это...». А он: «Статья-то вот как гласит» — и револьвер. А я крест: «Слава тебе, Господи, в Царство небесное и пойду!» А он: «Вот баба железная!»...

Сила внутренняя у неё была большая, ум острый, глубокий, отношение к жизни, к людям из какой-то глубинной жизненной сути... Всю жизнь при церкви, на клиросе: читала, пела. И сестра Наталья с ней. Являли они собой живое православие, более глубокое и осмысленное, нежели у тех великих старух, с которыми встречалась в деревнях у озера. И весь уклад их жизни, то, как сёстры говорили, двигались, их отношение к вещам, каждый жест — всё говорило о каком-то очень далёком прошлом, о забытой культуре.

Это были отголоски Древней Руси, чудом сохранившиеся. Они меня научили молиться Святителю Николаю. Как-то уезжала от них: уже на пороге, уже Александра закрестила меня (так они говорили), ухожу, и вдруг последние её слова: «А Святителя Николая мало призываешь... А он ведь и немного молитв спрашивает, лишь бы с сердцем...». И на обратном пути попадаю в ситуацию, которую без чуда не разрешить. Тут и вспомнились мне слова Александры, и призвала Святителя Николая — и всё обошлось.

Очень многому они меня научили и во внутренней моей жизни, и житейски. Никогда не забуду, как, приехав один раз, не нашла уже почти столетней Александры в доме, пошла в огород и обнаружила её лежащую между грядками, накрытую полиэтиленовой плёнкой. Что она там делает? Лук выдёргивает, уже давно пора, а некому.

Достались мне от них и материальные свидетельства их жизни: долгие годы спала на домотканых простынях, подаренных Арлаковыми. Были медные старинные булабочки для плетения кружев, скатерти, одежда, еще какие-то вещи. И было во всех этих вещах особое тепло. Ведь и от других хороших людей на Севере доставались мне в подарок полотенца, одежда — всё старинное, домотканое, красивое. Но в вещах Арлаковых было нечто особое. Я видела, как они обращались с вещами. Это какой-то особый вид отношений. Никогда больше и ни у кого мною не виданный. Как это объяснить? Приведу отрывки из речей Александрушки, и, может быть, через её отношение к слову Вы что-то почувствуете.

...Поели мы с тобой честно... Много — так сытно, а не много — так честно.

...Господи, раз Ты довёл меня до такого позднего века, Ты всему и научи...

...Только пропукнулись верхушечки у вербочки.

...Заметила ты: грачики голоску не подают — молчат; ни соловушки, ни скворчки... Жавороночек как на воле голосок-то подавал... Никто не поёт...

...Обесхлебнешь вся (ослабнешь).

...Неистово пою — истово не спеть мне без нот.

...Очень тяжело каяться, а нельзя иначе.

...Как мне соседка новости принесёт, у меня начинается любопытство да рассеяние. Видишь, какое у меня состояние, восприимчивое к грешной жизни.

...Подвижный человек Аннушка — никто такого подвига не нёс: все время на картошке, да и темную (слепую) к себе взяла. Я приду: «У меня праздник — человек пришёл!»

...Да только загуливал-то всё солнышко (т.е. когда покажется, когда пропадет). Я и раньше-то на солнышко глядела. Мне было не тяжело, теперь и подавно (очень плохо видела в конце жизни).

...Она умственная (грамотная, умная).

...Иду в церковь — ветерок сзади идет, а не настигает — так благоприятно. А когда и настигнет, то и по плечу колонёт: «Здравствуй, тетя!»

...Клеёнка с запугом (с секретом).

...Мечты на молитву прибегают — и молитва прерывается...

...Грех один: бес приносит мне в ухо матюкальные слова — именно в это ухо (показывает). Как дуновение, а потом и слово сделает.

...У неё-то старичок-то, собачка, жив? Умёр? Ай, ай...

Узнала я кличку и стала уже его кличкой называть и кланяться.

А он мне свой поклон делает — вот как животное понимало.

...Сильный у неё голос был, не симпатичный, как из лесу всё кричала.

...Церковь открывать? И «Господи, помилуй» не знают. Как животные, только говорят по-человечьи.

...Деревья как с неба спущены.

...Перевторить (повторить).

...Не перенести такие ноши-беды.

...Всякие голоса, да больно протяжно, да больно уж умирительно.

...Как Аннушка читала шестопсалмие: каждое слово у неё, как стрела к Богу летит.

...Нанятые певчие красиво поют: нотно, истоиво.

...Старинный голос у меня.

...Не надейся на свои молитвы, а заслуживай, чтобы люди-то помолились.

...Раньше нетерпеливая была — много ела. Выть-то бывает ненормальная. Господи, прости Ты мне многоедение.

...Господь убрал того кота — много ел очень. А время-то какое настало... Да из себя кот такую духоту выпускал.

И множество рассказов о тайных подвижниках, старцах, юродивых. И возникал не просто другой мир — другое измерение...

В покосившейся избушке натоплено, теплятся лампадки, за окном пурга, я только прочитала им акафист Святителю Николаю. Коты лежат блаженные, довольные. Вещи все, невиданные ни в одном другом доме, и все живые... Александрюшка легла на кровать, укрылась

полиэтиленовой пленкой (она почему-то любила под ней лежать). Платочки на них чубаренькие — когда-то синие в горошек мелкий, а сейчас вылинявшие. И сами они — как из сказки... «Сказувила я тебе?» И дальше рассказ из детства Христа, как будто бы она была участником и свидетелем Его детских игр. Всё предельно реально... Где я?!

А утром, после завтрака, они сядут с Натальей рядом и неистово запоют: «Разбойника благоразумного о едином часе сподобил еси Господь»...

А я буду слушать и плакать. Такое не забывается никогда.

Анна Дементьевна Основская

Не устаю поражаться этим женщинам, этим судьбам, их красоте и какой-то глубинной верности жизни.

Эпосом веет от интонаций Анны Дементьевны.

...Итак, мы пошли по бедной черте жить, а не по богатой. В колхоз. Выгрузили до одного зерна с амбара хлеб... Родители — Дементий Митрович, Александра Семеновна — любимые, жили возле церкви. Мамкины четыре брата, все под потолок, взрослые, умные и с гармонью. После чая один брат играет, а три со своими женами танцуют. Это такое зрелище, никак нельзя забыть. Сейчас таких людей нет. Какое общество — такое поведение. ...Из своей жизни беру, чужого ни одного слова не сказала.

В клубе подошёл:

— Откуда вы?

— С народа я.

— Проводить можно?

— Ой, что вы, дорога дальняя, путь худой, туда вы пойдёте со мной, а оттуда заблудитесь — мне ещё и ответ припишут.

— Можно с вальсом попроситься?

И пошли мы с ним кружиться. Народ весь сидит, смотрят. Думаю: кружись не кружись — я тебе не покорюсь. Я тебя закружу, пока не отстанешь. Не отстал. Но я его ничуть не любила... Прошу я вас: не ходите, не любивши. Жизнь

сосредотачивать без любви трудно... А я что? Брат оженившись, родили. Ну куда я им — на подтирку? А он был забоч, рабоч, он меня любил до усё. У меня не было тактики, чтоб измену сделать... Вот когда помер мой Александр Евгеньевич, у меня к нему появилась любовь...

...Потеряла его колечко в пруду, вычерпала пруд кружками: нет. Утром бабушка пошла, на что-то наступила — колечко!

...А мои дети зря ошибнулись... Я детей просила про́сом усих: дети, стерегите чисто себя. Но какая-то стихия упала на мою семью...

...Три звания таблеток у меня каждый день покушано.

...Моё сердце, знаете, какое — бюрократ какой-то. Вот вы пришли — и оно дышит, а то никак не хочет по-человечески дышать.

...Легче замазать, чем от стенки отлепить (про ленивого).

...Я родила много. Сколько из человека выходит с родами всякой нечистоты. А тут высерут одного: там болит, тут болит. А когда родишь, весь человек перерождается, у него приходит молодая кровь. Нерушимая, родимая кровь вновь идёт у человека по организму: взгляд у человека новый, всё новое. Раньше было что год — то род.

...Ребёнка сделать — не из картошки вырезать. Сначала надо подумать, а потом сделать.

...Дочка мне: мама, я поеду в город, меня там надувать будут (какая-то процедура так называется). Молчу. Смотрю, вижу: у неё мечты не меняются. Беру её и иду к бабке: «Привела к тебе дочку на исследование.

Она хочет, чтобы её вздули. Вера Ивановна, ехать дочке в город надуваться по медицинской линии?» И мои слова с делом сошлись: «Не пускайте, Анна Дементьевна. У неё дети будут, она будет отмахиваться от детей руками». Не пустила. И вот она тяжёлая.

...А это давай Бог, что пузо лезет на колени, а не вниз глядит. Не будет пуза — ты психическая.

...Много работала, когда уже дети взрослые. Приду с дойки, и опять надо на общий двор. Сунусь — воды нет. Муж: «Иди, своих бояр буди». Подойду: четыре койки, четыре пары спят, да так сладко... Как будить?

...От кого гроза, от того и ласка.

...Такой нездоровый материал, муха крылом перешибёт.

...Встала утром, а она у меня уже трудится (т.е. дышит по-особому, глубоко). И я поняла — умирает.

...С тела вы — лебедь, а с души — сухарёк.

А это — рассказ Анны Дементьевны о своей соседке.

...«А тебе, старая сволочь, нечего на кухню ходить». — «Спасибо, Капиталина Викторовна, молодой сволочью не была, так хоть старой побуду».

...12 рублей пенсия. Потом 28 — Брежнев добавил. Сядет перед телевизором: «Что же ты 2 рубля пожалел?». Потом Горбачев 40 дал. Спасибо, два рубля — за Брежнева, 10 — от себя. 50 дал. Мужу: «Иди, портрет купи». На икону показывает: «Это Спаситель, а это мой кормитель», — гладит портрет. «Милый ты человек, что же у тебя волосиков-то мало, всё за нас думаешь».

Житейская мудрость Анны Дементьевны полна такой поэзии, вековой правды и красоты, что я не смогла пройти мимо. Я счастлива, что мне удалось пообщаться с этой удивительной, очень красивой (и внешне) русской женщиной, восхититься её мудростью, её слову точному, её чувству юмора. Спасибо, Анна Дементьевна.

Уезжали от неё, и эти эзопки (хаты) в пейзаже — на всю жизнь. Вся поездка в Великие Луки удивительная: пейзаж, деревни, такая далекая, почти несуществующая старина... Плач мой опять, плач о России. Судьбы!

Ещё встречи...

Баба Анна: «Он мне говорит: «Докажи, что Бог есть. Ты его видела?» А я ему: «Ты что, Мартюша. Бог бы всем и казался?! Он даже верующим не кажется».

Старуха — вилкой в обои — на мышей охотилась. Все обои истыканы, и иногда — писк.

...До чего я, девки, довертелась сегодня ночью: все сердце искала. Справа пощупаю — нет, слева — нет, нигде нет. Ну, чёрт с тобой, — плюнула и уснула.

Сон Галины Семеновны. Конь золотой идёт к нам в монастырь. И вдруг в воротах весь рассыпался... Просыпаюсь, а это кошки по полу яйца катают.

...Он любил подсатанивать (подсиживать).

...Тут и мы не задолили (скоро пришли).

...Всю душу испела (извела).

...Трава растёт — человека более на спаньё гнетёт.

Старуха говорит, за вениками в лес после Троицы посылая: «Не глушину собирайте, а весёлку». (Глушина — темные, шершавые листья. Весёлка — светлые, гладкие).

...Жизнь прясельцем идёт: выберется такое прясельце, выберется и плохое (прясло — время).

...Она и слова за меня не заложила (не заступилась).

Нюша Дедовская всю жизнь проработала в Пушкинском заповеднике, ходила с палкой, на конце которой гвоздь — мусор за туристами собирала. «Если передо мной Семен Степаныч идёт и папироску поднимет, — волосы дыбом поднимаются»... «Я вот старенькая, но ты думаешь, я представляю, что я старенькая? Иду за хлебом, подпудрюсь, помоюсь, платье надену аккуратное — только так».

...Первый раз просыпаешься — ангел будит.

...Подумала, как обрекла.

...Стали жить, детей прикапливать.

...Ох, и умела припозорить эта бабка. А звали её Грамофониха.

...Не свою-то жену так в охачке и держит.

...Не было бы добрых — много было мертвых.

...Вздохнёшь об одном — всех жалко.

...Окуёт твое внимание.

...Платья на умирало нету.

...А здесь ты на место червяка погинеешь...

...Задавиться? Да боюсь у сатаны на коленях сидеть.

...Всё серпом, да своим горбом, да своими клюшками (руками).

...Годики прошли, жисть твоя убогая и под кустик положена.

Никто её не поднимает и к душе не принимает.

...Да я ещё в могутé пока...

Подхожу к тётё Марине: «Здравствуйте!» И вдруг в ответ: «Странствуйте сами! Мы и так на чужой стороне». Удивительным, творческим, талантливым человеком она была — Марина Владимировна Сидоренкова.

Марина рассказывала, как многие годы выращивала лён... Я-то видела и слышала в её рассказе поэзию в первую очередь, а для неё это был тяжёлый труд, но и радость от этого труда была немалая...

...Лён посеять,

...Вырвать,

...Бабочки поставить,

...А сноп уделать: стебелёк к стебельку.

Марина и Лариса

...Околотить,
...Постлать,
...Опять бабочки поставить,
...Сушить в бане,
...Мять.
...Трепать первый раз,
...Трепать второй раз.
...Чесать,
...Еще расчесать,
...Прясть.
...А куделя трёх сортов:
...Грубая куделя из гребя,
...Пачеси — когда второй раз чесали.
...Лён.

По 16 пудов чистого волокна собирала — аховый труд.
Земли не было — сеяли по грудкам*. На чаще дров нарубим,
прутья накидаем, согреем, потом жечь, потом карашить —
трудно в этих грудках лён рóститъ.

На счастливого человека лён растет. Если счастливый —
вырастет, а несчастный — не вырастет.

Дорогая моя Марина Владимировна была Счастливым
Человеком...

Анастасия Ивановна Иванова

...Лариса не ест — живот копит под ягоды.
...У него собака Коля.
...Зовут так?
...Нет, порода такая — Коля.
...Рот разымать (зевать).
...И народ идёт, идёт, идёт — как водой льёт.

* Грудки — заброшенные вырубки с пнями.

...Часы бредють (неточно идут).

...Ты Богу доходна.

...Находка — говна крохотка.

Но язык не тот, что у старух на Севере. Да и сама Настя — далеко не старуха, и вся её жизнь прошла при Советской власти. Это и в языке отразилось: «Она сильно характерна — рассердится: зубам заскрипит, матюком залает». «У него потрясение мозог было...». Такое языковое поле очень скоро утомляет. И ещё утомляет бесконечный, неостановимый разговор о работе (чаще всего огородной), о нехватке денег, проблемах, болезнях, своих и чужих несчастьях...

Настин заговор от отоврёк (сглаза):

На реке на окяне

Стоять двенадцать ангелов, двенадцать апостолов,

Стоять, верную книжку читають,

Врешливые листы вырываютъ,

На воду бросаютъ — про Ларису вспоминають.

Вреки, вреки, идите по дороге,

Где волки не воють,

Петухи не поють

И люди не ходють.

(три раза «Аминь», и через левое плечо плюнуть — вот и всё).

Доброты Настя была несказанной, красоты внутренней — не описанной. Жизнь прожила тяжелейшую, в чёрном труде. И радовалась, как умела, и рюмочкой не брезговала. Спасибо тебе, Анастасия Ивановна за ласку.

Белозерск

Шоленинова Наталья Сергеевна (1913 года рождения), дочь расстрелянного священника. Семья была двенадцать человек.

...В 1937 году как начали ломать у нас церкви и все восемнадцать сломали. Осталось семь церквей. Священник был арестованный Велицкий, отец Сергей. Дочь у него Мелиса. В доме культуры

крикнули: «Здесь есть дочь врага народа. Просим удалиться». Так у неё сразу тихое помешательство случилось. И на всю жизнь.

...Когда папа на смерть уходил, сказал мне: «Наташа, сохрани дом и библиотеку».

...В 1975 году пошла в церковь работать — пела. В 1979 году в мае месяце начали высчитывать деньги, что получила в церкви за три года — 1380 рублей, все из пенсии высчитали до 1989 года, до июня месяца.

...Отца Александра Смирнова забрали в 1929 году после того, как кому-то сказал: «Все хорошие люди на Соловках». Ночью и забрали. Как сейчас вижу, когда на пароход заходил. Жена с голоду умерла, дочь с голоду умерла.

...Люди едут и едут, и через 40 лет, и через 50 посмотреть на свои дома. Да тут все дома купцов — товарищи-то немного настроили. Помню, как у каждого дома был сад, и благоухали сирени и розы.

...Всю жизнь проработала почтальоном, каждый дом, каждого человека знаю. Прожито 77 лет, ничего хорошего не видела. Сколько лет без света на улице Ленина: 76 лет столба не поставили...

...Год назад комнату дали: «Вас задавит, а мы и не узнаем».

...Говорят, что все у Бога равны — я не согласна. Я разделяю людей на порядочных и подлых.

Из её речей: «А сама на кого похожа? Двум на глум, а третьему на смех».

«Настоль красив, такой форсун».

Про меня говорили: «Наталью только за витрину поставить».

«Я в этой беде никогда не жила» (пьяниц не было в роду).

Кузьма Николаевич Сидоренков

«... твою...», — дядя Кузя всплеснул восторженно ручками, хлопнул себя по ватным стёганым брюкам, восторженно закивал маленькой, умной птичьей головкой... И опять это неизбежное, навсегда мной ему (и только ему) прощённое «... твою...», опять

всплеск сухоньких ладошек, и он побежал в восторге по комнате вокруг круглого стола, останавливаясь, чтобы радостно выругаться...

«И пальтушку снимала? Так в этом платье перед ними и стояла, и всё это говорила?!» — он опять зашелестел ладошками, заматерился, засветился весь, забулькал восторженно: «Ну, скажут, с нёба пала! У нас такой и не было!.. Каждый день приходи. Угощать буду. Умная, грамотная женщина...» И он выдохся, повалился на диван. И все его 80 лет явились тут как тут, и рука

привычно погладила слева: удостовериться, что осколок артснаряда здесь, на месте, при нем... За что он меня хвалил, этот старый солдат?

Крестьянский мужик, которого сильнее осколка доставала затаённая боль о своей земле, разоряемой на его глазах всеобщим равнодушием и нерадением. Боль эту он не выказывал почти никогда, жил себе благополучно в тёплой комнате с телефоном, болел потихоньку, детей в отпуск ждал, с женой бранился так, что любви этой можно было завидовать...

За что он меня хвалил? За слова. Горькие, правдивые, страстные слова о любви к земле, о жизни и смерти. Я сказала их на собрании в совхозной конторе. Сказала и заплакала. Он мои слова отличил в общем потоке слов о том же... Он из тех, кого наша жизнь ничему не научила. Через поле засеянное напрямик не пойдёт, дерево не ломает, за

недозрелой ягодой в лес не побежит — других опередить... Не плюнет, не бросит, не обидит, не обругает, не нахамит. Его наша жизнь ничему не научила — он прошёл другую школу в жизни, включая две войны. И меня он хвалил за слово, в котором не было фальши. А может быть, ему показалось, что он не один в окопе — и стало легче... может быть...

«Трясутся от страха, а думают — от негодования». «Ты сердцем другой: ты страдальцев видел, а я — дураков». Это он говорил, а я в обморок падала от точности, беспощадности и глубины его слов.

* * *

Лежу на печи, а в избе два старика 80-летних разговаривают. Войну финскую вспоминают.

«Худая война была, хоть и короткая». — «А Вы в окружении были?». — «А как же. Помню 30 ноября в 8 утра границу переходили... Эх... мать... Сколько пережили. Как Господь уберёт? Выхожу, а из пулемёта раз — шинель прострелили...». — «А помнишь?...» — и конца нет. «Эх, ... мать... чего не было! А как Митьку Емишевского встретил... Выходит, ревит: руку прострелил. Сейчас расстреляют. Командир бежит с матюками... Я да еще один заступилсь: нечаянно он. Этот командир был не кадровый. Кадровый тут же застрелил... А старухам нашим досталось... Эх... Сейчас бы жить, да и годы вышли, и здоровье. Пережили. И, пожалуй, слишком много. А в штыковую ходили... Эх, парень, страшно. Помилуй Бог!» — Кузьма Николаевич умолк. Помолчали...

Дмитрий Петрович о своём: «Не стану прежние хаять. И не скажу, что религия — плохо, она человека возвышала. Был я в церкви, поп спрашивает: “Сколько лет не был?” — “Пятьдесят”. Хорошо там. (Возвышает голос.) И никакая ваша пропаганда того не сделает, что религия делала. (И такое сожаление в голосе.) Теперь пусть хоть расстреливать ведут, а не скажу, что Бога нет».

Дмитрий Петрович мне за столом: «Я много раздумывал о Вас, разволновался. Кузьма Николаевич мне сказал, что Вы писатель. Я читал. Особенно вологодских. С юга он или с востока, а пишет одно и то же. Все как-то одинаковые. Вот я и думаю: не попала ли и она в эти сети?..».

* * *

Тётя Марина. Сейчас бабы сойдутся: ты какой ковер купила? А ты? А мы сойдёмся в войну: «Ты чего, девка, готовила сегодня?» Которая костьё толкла, которая мякину толкла. А я пироги из моху пекла. Никому про то болото и сказывать не будем. А уполномоченные наедут, и эти с мохом съедят...».

О знахарке: Настя-бог — так люди называли. Шёл к ней любой человек с горем, с тоской, со страхом по лесной тропинке; шли и плакали. Обратно шли весёлые, песни пели, ничего не боялись. Тоску она у людей отнимала.

Александра. Рождения 1900-го. Наравне с веком. Ростов Великий. Мать в 40 лет отравилась — ревность. Родитель по этой же страстной причине ударился в бега и бросил детей. Церковно-приходская школа, шесть классов — пока можно было. А первый зов судьбы — в Первую империалистическую. Выходя из городского суда с подружками, увидела, как записывают в женские батальоны. Форма очень понравилась: мерить ремешком голову и так же подтянуть себя ремнем — тогда проедешь в седле хорошо и много. А неподтянутого растрясёт.

Революция — нужны добровольцы. Пошла в строевую в Красной Гвардии, а потом в Красной Армии, 2-я интернациональная конная караульная рота. Командировали в Северодвинск, в караул. Потом на бронепоезд: заместитель адъютанта бронепоезда. Бронечастички с 1922 начали распускать. Куда деваться? Одна... Командир бронепоезда говорит: «Замуж выходи, лучший выход. Жениха я нашел. Здесь живут (недалеко от Харькова). Справные хозяева». Поехали, познакомились — понравились друг другу. Гром — его фамилия. Вышла замуж. Десять лет надзирателем... И дальше в другом месте надзирателем.

Многое мне ещё рассказывала Александра Васильевна, да не всё я записывала.

Вот фраза из её речей о подружке: «Какое уж было учение, когда отца на войну взяли, а тут подпрапорщички молоденькие, как пирожки горяченькие, посыпались».

Церковные истории

* * *

Отец О. 1918 года рождения. Знает двенадцать языков. Прожил очень трудную жизнь: все этапы советской истории.

Старушка, прихожанка его: «Батюшка, собачка у меня умерла, ночи не сплю, плачу. Отпеть бы её...».-«Ты понимаешь, что ты говоришь?» — «Вот я и говорю, батюшка, одно утешение у меня и было: собачка моя. Отпеть бы её...».

Он после паузы: «Ну, если она у тебя была крещёная, тогда конечно». Старуха посмотрела на него и словно что-то поняла...

* * *

Выходит из дорогой машины молодая женщина и заходит в лавку церковную, где Татьяна работает. Уверенным, непререкаемым тоном: «Дайте мне Пресвятую Деву». Татьяна своих клиентов видит сразу. И тут ей всё грустно-понятно. «Возьмите икону Казанской Божией Матери». — «Да не надо мне Казанскую, я вам по-русски говорю: дайте мне Пресвятую Деву». Таня вздыхает по-русски и смиренно в ответ: «Возьмите «Достойно Есть»». — «Да что вы всё время то «Казанскую», то «Достойно есть»! «Достойно есть»... А где у вас, кстати, Достойно пить?»

Я говорю: «Придумала ты, Татьяна». А она: «Да разве такое придумаешь?»

* * *

Старушка: «Отец Валерий-то служит сегодня?».— «Требный». Поворачивается к другой старушке: «Слышишь, говорит, что отец Валерий сегодня трезвый»

* * *

Рада, что соприкоснулась с отцом Василием Чугуновым. До Великой Отечественной войны — философский факультет МГУ. В войну разведротой командовал. После войны стал священником. Не просто умён — вся мудрость жизни, опыт его житейский и духовный, особенности характера, своеобразный юмор — всё это делало общение с ним незабываемым.

Встречает его Татьяна. «Помните, отец Василий, Шубейкину? С дочкой Вашей в одном классе училась?» — «Помню. И что?» — «Вчера её встретила, много лет не виделась. Всё у нее хорошо сложилось: замуж вышла, за следователя. Счастлива, одним словом».

Отец Василий после паузы: «Неправильно ты, Татьяна, счастье понимаешь. Вот если бы твоя Шубейкина да вышла замуж за тракториста Васю. Да бил бы он её смертным боем по пятницам, а когда и чаще. Да пил бы каждый день горькую: пил бы и бил, а детишки бы плакали, а он бы всё пил, а потом детки бы выросли да разъехались, а Вася бы допился до смертушки... И вот лежала бы твоя Шубейкина на печи: ни вздохнуть ни охнуть, да оглаживала бы свои избитые бока и приговаривала: «Господи, да как же я счастлива!» — вот это, Татьяна, счастье. А тут: за следователя вышла, счастлива. Тьфу!» — и пошёл.

* * *

«Ваши ласки и встречи нигде не погубят вас» (Из письма ко мне Екатерины Андреевны Самородской, 80 лет).

Как тут добрым словом не помянуть и сына её, очень талантливого человека, Володю Самородского, художника Пушкинского заповедника. И всем: Царствие Небесное.

* * *

«Даже могила не спасёт глупца от вечности» (Дядя Кузя Сидоренков).

* * *

Почему дети моих старух не переняли самое главное в них: какое-то невыразимое обаяние, жизненную страсть? Потому что старухи прожили жизнь в чувственном, глубинном знании бессмертия. Россия, может быть, именно этим и отлична.

Мы дольше многих европейских народов сохраняли неосознаваемый зов бессмертия в душе. Еще недавно, в XX веке, среди нас жили люди, которые генетически несли память о бессмертии. Следовательно, смерти не боялись и относились к ней здраво: не она была мерилom их жизни. Это необычайно важно, и пришло это

даже не из церковного обихода, а из какого-то личного христианства каждого...

Из всего Символа Веры чётко и недвусмысленно было воспринято: «Во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия и ... Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Что там, да как — особенно не разбирались. Были и такие (!) (сама встречала), кто «Чаю воскресения мертвых» понимал как напиток такой (чай): выпил и воскрес. А кто-то и того невероятнее. Но каждый по-своему про это воскресение и эту жизнь вечную помнил. Да и как иначе?

Сама страна такая: дали — неоглядные, места много, неба еще больше. Земля родит с сокрушительной силой. Да и сама она — плоть её — завораживающая, говорящая, живая... Зерно бросил — отдал ей, а она тебе девять-десять-пятнадцать впридачу! Не чудо ли? И народ чудной! До страсти чудной! Куда от этого? Хочешь не хочешь, а вечно жить надо! Понимать, может, не очень понимали, а знали, чуяли — все почти. Вот такая у нас история. Была.

Мои героини, конечно, на этом пути многое растеряли. Но даже отголосков хватило, чтобы рядом с ними дышать по-другому.

А нам надо на других уровнях сознания (мы же умнее?) зарабатывать для себя и потомков наше бессмертие, нашу вечную жизнь. Другого не дано. Потому что это единственная реальность. Страшно выпасть из неё окончательно.

Сóндога

До Тотьмы. От Тотьмы еще почти сто километров. Остатки деревни на холме под серым куполом неба. Неба больше, чем земли. В округе никого. Кое-где в вымерших деревьях — человек, которому просто некуда идти отсюда. Остовы древних изб: сотня — две сотни лет.

Имба, в которой я спала, настоящая северная: небольшая, но достаточная жилая часть и огромный хозяйственный двор на разных уровнях. Вокруг неоглядный простор, очень далекий окоём леса и небо, которое потрясает своей отдельной жизнью... В конце деревни церковь со сбитым крестом и невероятно прочной,

старой — XVII век — кладкой. Престолы Рождества Христова и Святых равноапостольных Константина и Елены.

Скоро почувствовала: тишина здесь ультразвуковая. Через звучащую плотность этой тишины пробиваются, доносятся, озвучиваются мысли невидимых существ, населяющих здешнее пространство. Мысли эти воплощаются в странные образы, которых никогда не было в моём сознании. И я, как на шкале неизвестного мне радиоприемника, пытаюсь восстановить привычное и понятное мне звучание, но ничего не получается. Иногда эта тишина становится почти невыносимой. И ты в ней не принадлежишь самому себе: расслабиться невозможно. Основное ощущение: ты здесь не один. Оно присутствует в доме, в поле, на дороге.

Через несколько ночей в этой избе, где зеркала задымлены временем и своего лица в них не разглядеть, хотя мощная жизнь в зазеркалье продолжается, где вековые, почти чёрные бревна потолка, где каждое бревно имеет свое древнее название, где печь, огромная, глинобитная, дышит каким-то первобытным, невысказанным смыслом, где чёрная икона в чёрном прокопченном углу — живая! — через несколько ночей в этой избе, со всеми звуками этой ультразвуковой тишины — со всей невозможностью её победить и подчинить привычному звучанию твоего собственного мира, — через несколько ночей становится очевидным: никакая русская история, никакие исследования, специалисты, учебники, даже на шаг не приблизились к подлинному пониманию подлинной жизни этих русских заглушенных углов, которые, на самом деле, являются просто окраинами Вселенной, какими-то ямскими станциями Вселенной, через которые проходят пути, важные узловые точки и для Земли, и для Неба.

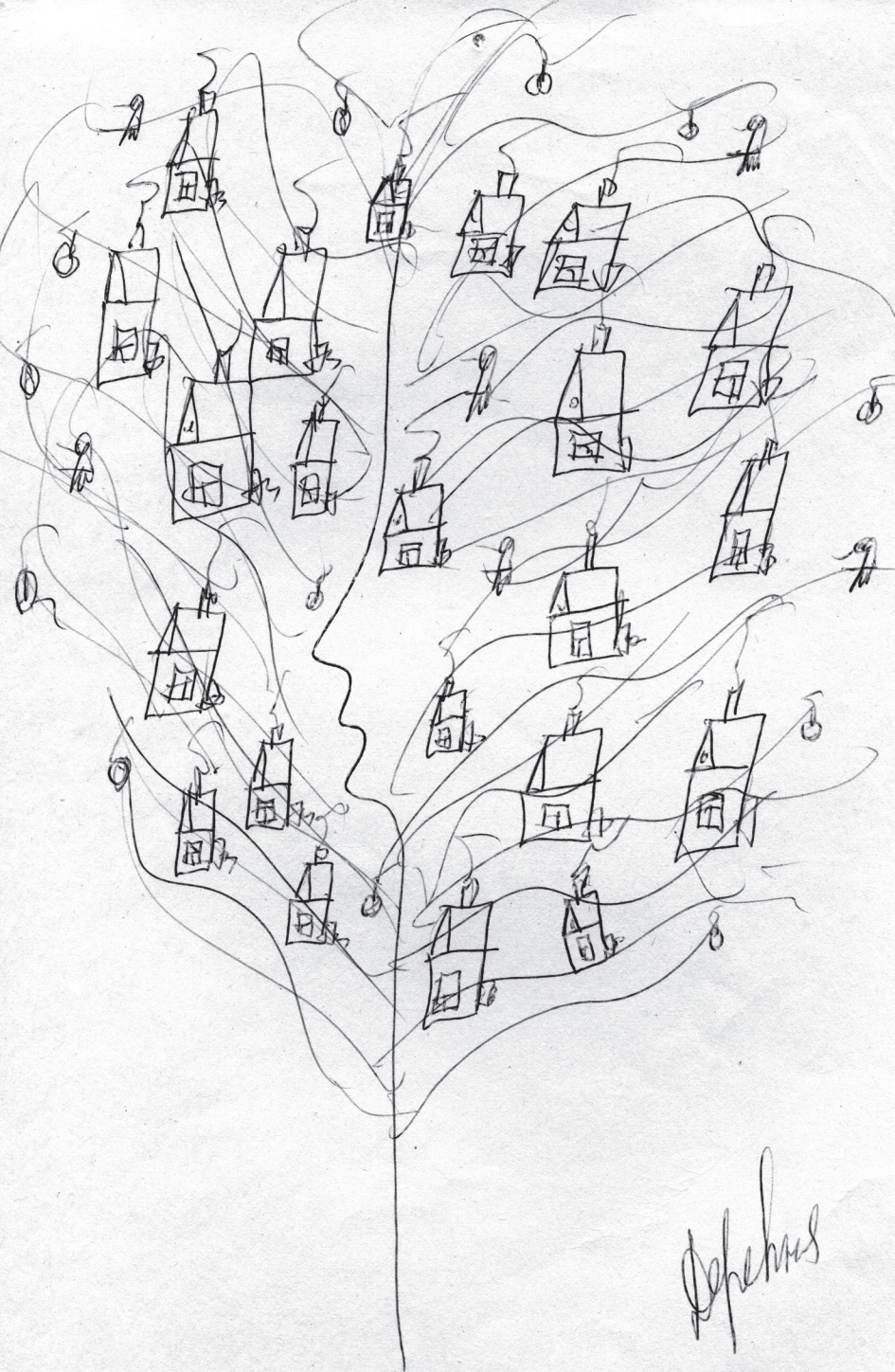
Собственно говоря, все эти дома — своеобразные космические корабли, которые на малой скорости плывут в ближнем Космосе сейчас бесконечно одиноко, а когда-то они были отсеками больших кораблей. Целые деревни летели когда-то в ближнем к Земле Космосе, и строго и чётко организованная жизнь этих деревень подтверждает их космическое, вселенское движение...

Космос остался почти тем же. Одинокие отсеки разрушенных, сгоревших космических кораблей — глухих русских деревень, одинокие

отсеки, ещё живые дома, летят сквозь пространство и время, и огонь в русских печах — ядерное топливо никогда не умирающей жизни...

Один серый день сменяет другой, недолгое солнечное яркое лето в июле обрывается дождем, моросью, холодом, зимнее безмолвие сродни напряжению и почти сумасшествию самого дальнего, холодного, безличного космоса... Календарь не нужен. Нужно вписаться в этот ритм, стать частью великой вселенской тишины, пропустить её через своё сознание, раствориться в ней, и тогда все реже возникает вопрос: зачем ты здесь, человек? Кто ты? Ты — есть?..

Сондога, 29 июля 2006 г.

Depebus

Часть 3 Бродячие псы осознанности

* * *

Боевой шлем Дон Кихота, преображённый в таз для варки варенья, дремлет в кладовке сознания, зеленея от несовместимости с возложенными на него обязанностями. А в счастливых снах — продолжает упорно защищать сияющую лысину своего бессмертного хозяина, взволнованный собственной верностью, но при любой возможности слизывая украдкой вишнёвые пенки, пахнущие детством...

Восхищаюсь, не давая оценки... Зеркала, зеркала, зеркала...

* * *

В оранжевую рощу бессонницы прибыл зелёный фаэтон откровений, тысячи диковинных птиц вышли из него и, оставляя на песке следы перепончатых лап, похожих на иероглифы исчезнувшей цивилизации, отправились исследовать остров Несбывшегося, заранее огорчённые собственным могуществом... У всех на глазах следы превращались в кленовые листья ожидания на дереве Нераспустившихся Надежд. И каждый лист источал скромный аромат забытой цивилизации, что и делало его недосягаемо прекрасным...

Этой осенью один из листьев я посмела засушить в книге Заблудившихся Откровений. Собственно говоря, в ту минуту и рухнула древняя цивилизация, в священных текстах которой упомянуто о моей судьбоносной роли: на языке птичьих лап, ровно на четырёх окаменевших от ужаса страницах — небывалая честь. Открытая рана моей оранжевой бессонницы уже тогда страшила древних провидцев и чародеев, но все их усилия ниспослать мне мирный бесцветный сон были тщетны...

Они не догадались, что Бог, которому они поклонялись, был на моей стороне — Он знал точное содержание мирного бесцветного сна, о котором я молила в бессонном отчаянии... А Его выбор всегда безупречен...

Птицы печатали и печатали свои перепончатые следы — книга никогда не будет дочитана... И если я причина того, что непоправимо продолжает совершаться, то что такое — все мы вместе?.. Учусь быть осторожной, осторожной учусь быть, быть, быть ...ить, ...ть, ...ь ...

* * *

Человек не живёт — он сам себя думает, сам себя жуёт. Каннибализм ума — исходить мыслями о своей жизни.

* * *

Семь фиолетовых пантер страха стерегли за углом досады... Остальные пространства были затканы змеиными жалами невежества...

И тоненькому ручейку еле тлевшей жизни оставалось только просочиться под землю — сбежать.

Каждый совершает свой подвиг.

* * *

Евгению Морошкину

В звучащей тишине лиловых огорчений обнимались священные радуги разлуки, совпадая в пространстве и не совпадая во времени. И золотые голоса июньского грома развешивали медные бубенцы надежды в ближайшем отдалении чьей-то давно отзвучавшей жизни, которая продолжается только потому, что не знает, совсем ничего не знает о золотых голосах упавшего в осень лета... Эхо.

* * *

Объявленные верными решения, прыгая от радости, провалились в бездну собственного ликования. И то, что возвело их в ранг учебников, явилось причиной их падения. Ату, ату...

* * *

Раннее бормотание капли обнажило ознобную сущность зимы: оказывается, всеми своими льдами и сугробами она стремилась

таять, таять, таять... Подставляя белые бока поцелуюм равнодушного солнца. А как может быть иначе?

* * *

Поизносившаяся в поисках «истины» цивилизация продолжает нести тухлые яйца технического прогресса и сейчас даже не притворяется Курочкой Рябой.

* * *

Подлинная поэзия — оптический прицел сознания, в мгновение выстрела рождающий трепещущую на солнце бабочку. Всё остальное — божьи коровки, законсервированные между рамами желанным непопаданием в цель.

* * *

Рассказ о себе невозможен по причине отсутствия у тебя — себя. Когда ты в своей жизни Есть — Одиночество обеспечено вечным кредитом Вселенной... Это и есть Святость.

* * *

«Мама, а мы не упадём?» — прочирикал птенец, вчера вылетевший из гнезда.

«В чём моя ошибка?» — забеспокоилась птица-мать. «Ах, ещё вчера я говорила: «Не подходи к краю гнезда — упадёшь».

Материнская любовь чаще учит бояться, а не летать.

* * *

Общаясь с детьми, труднее всего уберечь самого себя от здравого смысла, гордо именуемого жизненным опытом. Ничто не вредит ребенку больше, чем твой здравый смысл, твой опыт. Оставь его для личного пользования, как носовой платок.

* * *

— Зачем тебе столько вещей? — спросил один птенец у другого, оказавшись в его гнезде. — Здесь же негде повернуться!

— Вспомни, как все уважают тетку Сирина. Я не был у неё в гнезде, но думаю, что за жизнь она накопила немало. Не зря её называют вещная. А я чем хуже?

— Да не вещная она, а вечная, — ответил приятель.

— Моя мама говорит: зажила тетюшка Сирин, но зачем-то ходит к ней в гости. А когда возвращается — даёт мне подзатыльник. Больно...

«У-ху-ху, — захохотала в соседнем дупле сова. — Пропадут пацаны, ой пропадут... Недолетки...» И позавидовала тетке Сирин.

* * *

Если, увидев радугу, ты думаешь о законах физики — ты ещё и не начинал жить. Попробуй пробежаться по ней снизу вверх... И что ты чувствуешь?..

* * *

«Спрячь меня, мама», — зачирикал птенец, завидев в небе коршуна и забиваясь вглубь гнезда.

— Учись скорее летать, — ответила птица-мать. — Спрятаться можно только в небе.

* * *

«Я маленькая принцесса твоего сердца», — шептала плодожорка, пожирая сердцевину наливного яблока. Разве она виновата, что так думает о себе? Виноват ты, что верил ей... А ты виноват?

* * *

«Буду любить тебя вечно», — шептала соловью чайная роза, которая завтра облетит от страсти первого осеннего ветра.

* * *

Тощим горлом соловьи цедили ночное пространство, а все слышали песнь любви. Как это? Спишите ноты...

* * *

От воспоминаний остался наркотический аромат несбывшегося. Сладко только то, чего не было.

* * *

Со стола упала фарфоровая чашка жизни и разбилась. Какой дурак поставил её на самый край?

* * *

В настенных зеркалах разлуки блуждаю в поисках себя. Навстречу попадают одни незнакомцы. Вчера узнал одного: урод.

* * *

Шершавые притчи пророков шлифуют изнеженное безнравственностью сознание. Поднять руки: кому больно? Раз, два и обчёлся...

* * *

Тошная рыжая собака и сейчас бежит по золотой обочине моего сердца. И собака, и обочина — всё, что осталось от детства.

Пронзительнее любви не было.

* * *

Маленький мальчик разравнивал песок и закапывал в него еловые шишки, камушки, скорлупки орехов...

— Картошку сажаешь? — спросил прохожий, заранее довольный своим вопросом и ответом малыша.

— Сею зерна истины, — ответил мальчуган.

— Что ты знаешь об истине? — вынужденно поинтересовался прохожий.

— А ты? — и мальчик продолжил свою работу...

* * *

Все хотят быть причиной чьего-то счастья, не понимая, что в тебе — причина только для собственного счастья. Оставь других в покое. Займись собой.

* * *

Враньё — иногда диагноз, иногда неосуществлённые мечты, иногда творчество... Враньё не имеет с ложью ничего общего. Враньё почти каждый отличит — ложь нет, но если можешь не врать — не ври.

* * *

Мат — это страх и бессилие перед собственной чистотой, особенно у подростков.

* * *

Яблоко упало в сон, прибежали два бельчонка, пушистыми хвостиками смахнули розовый бочок и унесли с собой. Яблоко ощущало себя нагим. А бельчата из розового яблочного покрывала насушили на зиму вкусных цукатов.

Всё это увидела во сне молоденькая белочка по имени Эво-Люция. А яблоко и сейчас висит на ветке старой яблони... Хотя нет — то дерево ещё не выросло.

Хорошо, если семена не склюёт старый ворон по прозвищу Революция... Ой!

* * *

«Прослушайте сообщение. Сегодня скорость полёта бабочек исчисляется по личному коэффициенту ЧОЖ (человека, открытого жизни). Поток дождя вызывается только по необходимости, исходя из самых высоких побуждений.

В отдалённых районах скорость и угол падения снега соответствует пушкинской “Метели”.

Напоминание для непроснувшихся: оставьте детей в покое. Любая попытка обременить их так называемыми знаниями приравнивается к самоуничтожению неосознанностью — самому страшному наказанию в нашей цивилизации.

Напоминаем: 2x2 имеет бесчисленное множество значений в разных системах координат.

Напоминаем: Каждое слово праязыка защищено смыслом — это основа здоровья нации.

По заявкам попавших в плен мифического прошлого — «Танец маленьких лебедей», для всех остальных будет звучать музыка их собственной жизни.

По прогнозу синоптиков — облака — мысли земли — имеют сегодня очень счастливый поток излучения.

Мыслеобразы людей — в пределах счастливой допустимости. Не более пяти человек имеют невнятные, серые, негативные мыслеобразы. Для цивилизации такое количество не опасно.

Солнечное излучение в пределах обычного. Просьба к Доверившимся Свету: усилить своё личное излучение в первой половине дня. Для всех остальных напоминаем: жизнь по-прежнему не опасна. Только живите! Живите, пожалуйста!

* * *

Чувствую, как играет во мне мускул Света!

* * *

Утро. Вышла во двор. Умылась Светом.

* * *

В петербургских котельных по ночам дежурят коты и поэты. Котов больше. (Или поэтов?)

* * *

Нежная тайна незабудок в их смирении перед собственной прелестью.

* * *

Оле

В голубое облако незабудок с крыльца соскользнула рыжая кошка с зелёными глазами. Отряхнув в голубое облако золотые искры, она заструилась по дорожке мимо фиолетовых ирисов навстречу заходящему солнцу. Я видела своими глазами, как она проскользнула сквозь солнце, добавив в него светящуюся каплю своего золота и слизывая кончиком хвоста последние закатные лучи. И никто в старом саду не позавидовал рыжей красотке: каждая травинка пела свой гимн жизни.

* * *

Жизнь умещается в две пригоршни — сложенные лодочкой ладони: один глоток для жадных губ измученного жаждой нищего.

* * *

Идешь, слышно: жуют по лесу гусеницы.

* * *

С раннего утра небо было выложено письменами, прочитать которые дано немногим. При всем желании мне не назвать их облаками.

* * *

Пространство тайны, когда есть другой, становится опасней...

* * *

В твоей боли прячется мой страх одиночества...

* * *

Утреннее прикосновение твоих рук полно мудрости, вечернее — мольбы.

* * *

Густой сон елового леса сигналит кукушками.

* * *

Кукушка отсчитывает чьи-то годы с равнодушием судьбы.

* * *

Можешь считать, что ты был женат дважды: с одной женщиной ты рожал детей, с другой — душу. Дети давно выросли. А Душа?

* * *

Русский лощман: солнце на дне колодца.

* * *

Первый поцелуй: мальчик из соседнего двора поцеловал в щеку солнечным зайчиком.

* * *

Облако за окном — розовый обморок три дня назад заблудившего соседского рыжего кота...

С крыши на крышу, с крыши на крышу и сгинул... Не докискались.

* * *

По ночам Луна обучает Землю прошлому.

* * *

И стало мне спокойно: как уйдут мои книги от меня, кто их купит, как издам новые? — Главное: любить зелёную пойму жизни. А в её рисунок вписываются и книгопродавцы.

* * *

На ком держится мироздание? Думаю, что на мне. Если ты о себе думаешь иначе — ты подрываешь основы мироздания.

* * *

Если ты отвечаешь любви Бога взаимностью — у тебя нет проблем. Даже если мудрость и глубина твоей любви не сравнимы с Его.

* * *

Жизнь кажется добрей на тёмном фоне сна. Хотя ещё вчера казалась и смешней, и безнадежней...

(Строки увидела во сне)

* * *

Великая тайна воды в её жажде жизни.

* * *

Только в полёте можно обрести точку опоры.

* * *

С тех пор, как ничто меньшее, чем Вселенная, меня не интересует, все вещи в жизни стали обретать свой подлинный масштаб, но трудно...

* * *

В этом великом круговороте, Господи, когда Ты во мне, а я в Тебе — я иногда достигаю истины, через которую, как через дверь, вхожу в Сознание. И мне так важно, что не только я похожа на Тебя, но и Ты похож на меня.

* * *

Всё, что я сделала, сегодня интересует меня не больше, чем вчерашний сон — вот критерий отношения к собственным достижениям и потерям.

* * *

Каждое дерево — непрочитанное послание. Оно приходит откуда-то. И позволяет нам видеть его...

* * *

Каждый из нас ссыпает на ладонь Бога прилипшие песчинки своего сокровища. Ему без нашего богатства не обойтись. Всё, как в песочнице...

* * *

Большинство так и проживает жизнь за колючей проволокой Надежды...

* * *

Иногда кажется, что человечество износило времени больше отпущенного, словно умудряясь где-то приворовывать...

* * *

И полезли малые бродяги — мысли без сознания.

Небо захлёбывалось пророчествами, которых никто не заметил.

* * *

Я сидела на берегу своего сна и ловила рыбу печали. Открытые книги огорчений шелестели ненаписанными страницами — прочитывать их помощников не будет. Ещё хуже с поэмами радости: её бояться, как насильственного продолжения жизни больше установленного обществом срока.

* * *

Кипящее сознание пророка отчаянно сопротивляется неизбежному... И только это сопротивление рождает тонкое жало мудрости, иногда достигающее твоей сердцевины.

* * *

Ночь кажется священным чудовищем, закрывающим глаза на собственное бессмертие.

* * *

Обнимаю тощую рыжую собаку, обреченную краситься в зелёный цвет невстречи с собой.

* * *

Ветряные мельницы разлуки стоят на каждом перекрёстке жизни — и большое искусство знать, где их стоит заметить, а где — не обратить на них внимание.

* * *

Ветры приносят память о какой-то тайне жизни, которую я, по счастливой случайности, не помню наизусть. Так... Одна-две буквы. И всегда разные. И даже из разных алфавитов. Когда случается ветреная погода, я беру выходной: разгадывать этот кроссворд.

* * *

Все мы — новости бытия, напечатанные мелким шрифтом. Но без нас газета не выйдет.

* * *

Спать с открытыми глазами — самый сладостный способ самоубийства.

* * *

Обмакивая персты в кровь слова, Пушкин истекал своей...

* * *

Одна из моих ночей, так и не попавшая в издание моей жизни 2000 года, вынуждена была искать пристанище и нашла его в спальне одинокого мужчины на другом конце земного шара... Был день. «Странно, но так хочется спать, хотя я выспался ночью», — он вошёл в спальню и уснул, не завершив начатого дела. Именно из-за этого позже разорился. Это потянуло за собой целую цепочку событий, которые коснулись меня, пусть и в другой жизни... Мы ответственные и за свою бессонницу? Да.

* * *

Откровения Ангелов слишком застенчивы, чтобы облачать в них реальность. В этом случае реальность оказалась бы частично голой, как толстопузый мужик в бане, который и здесь уверен, что он прикрыт сознанием короля. Нужны поэты.

Улавливая в дыхании их слов застенчивые откровения ангелов, набрасываешь их на реальность, и она становится переносимой, подстроенной под твои иллюзии: уже можно смотреть по сторонам, видеть, дышать, надеяться, добавлять краски, звуки, смыслы... Что из этого получается — оставим в стороне.

Но почему так застенчивы ангелы? Или они видят нас насквозь?

* * *

Время приходит в гости и остаётся в доме твоей души хозяином — тебе ничего не остается, как безвременно сбежать, чаще от стыда: ты позволил времени победить твою унаследованную от Отца Вечность: ты жил, как временщик. А Вечность по губам текла, да в рот не попала... И разве не от стыда умирает большинство людей?!

* * *

Птицы — это живые вышивки неба, его украшения, знаки, символы, рисунки... Всё это можно читать, разгадывать, улавливать, изучать, как письмена... Каждый полёт птицы вижу как в первый раз. Какое счастье, что хотя бы к этому чуду не привыкла! Потому что сама птица?

* * *

Галя часто видит чужие сны и всегда знает, по какому адресу их надо отправить. Я и сама несколько раз получала от неё эти бандероли.

* * *

Иногда знаю, что я заблудилась в неизданных снах безымянных пророков, которые стремятся увидеть свое будущее, а попадают в моё прошлое. И лабиринты их снов полны благоуханием пряности, которая древнее, чем жизнь.

* * *

Ветры вчерашних ожиданий замусорили открытое пространство жизни, как если бы в весеннем лесу остался только голос одной кукушки.

* * *

В любви отвергают не тебя, а своё представление о тебе. Тень одного бьётся с тенью другого. Иногда насмерть.

* * *

Песчинки для часов времени собирали на каком берегу?

* * *

История — дубовые пни столетий: пень имеешь, а дерево не разумеешь.

* * *

В одной из своих жизней я назвала любимого пса Восторг. Он радостно прожил с этим именем долгие годы, но однажды попросил сменить его. До сих пор думаю: как зовут его сейчас?

* * *

Долгая память Океана сливается с Вечностью. Я сижу на берегу, не скрывая Тайны своего пространства, и Южный Крест думает обо мне, как о рождающейся звезде, как о соседке, с которой когда-нибудь случится разделить небо Южного полушария и обменяться такими разными энергиями, как бокалами никому не известного вина... Я сижу на берегу. Океан дышит у ног, зализывая мои раны каждым вдохом. Ответить ему можно только любовью...

* * *

Улитка протацилась по камню у меня на глазах, и мой взгляд постарел на Вечность.

* * *

Время истекает кровью только наших несбывшихся ожиданий.
Без нас его просто нет.

* * *

Океанская волна рисует на песке величественные узоры: письмена, послания, которые из тысячелетия в тысячелетие она умоляет прочесть... Я писала ей в ответ на песке: мы обменивались письменами. Мои — она уносила с собой.

* * *

За жизнь каждый из нас истратил несколько тысяч тонн слов, и большинство напрасно...

* * *

В каждой любви кукует своя кукушка разлуки.

* * *

Вчера меня озадачила Вечность: длилась целый день, попутно слизнув и все остальные вечера моей жизни. Не могу понять: сегодня наступило или всё ещё длится Вечность.

* * *

Бесстрастно перелистываю архив собственных воспоминаний: не востребовано.

* * *

Уснула облаком, проснулась травой.

* * *

Небо допивает последние краски осеннего цвета.

* * *

Землю никто не знает. Она нас любит. Мы её используем.

* * *

Осы знания у многих украли осознание.

* * *

Сегодня я была рыбой. Пожила немного на дне Океана, поплавала, поиграла, почувствовала, многое поняла. Повезло: не поймали.

* * *

Медленно уплываю в сон. Уже там до кончиков пальцев. Но голова опаздывает. К утру и она прибыла.

* * *

Правда моего ожидания замусорена воспоминаниями о прошлом.

* * *

Мои воспоминания ветер заткал молчаливыми семенами незабудок.

* * *

Мертвая от страха цивилизация вместо будущего способна построить только убежище.

* * *

Ветры упали в зелёные мысли пространства... Что началось! —

Никому не известные сказки пили

Соломинкой дети нескошенных трав.

Шлейфы жуков расшивали дыханием зноя

Сны золотые июля...

Ноты писали кузнечики набело, сразу, навечно

На большеглазых листьях маргариток садовых...

И на рассвете за откровеньем тумана

Всё целовало лиловую даль ожидания.

В медных кувшинах хранили росу водоносы...

Сотни сердец моих жизнь запечатала счастьем... Утро.

Зелёные мысли пространства сейчас облетают...

Кто просыпается? Кто засыпает? Зачем?..

И в рукава из батиста зелёным дыханьем жизнь пробирается:

Вот, заблудился бедняга — маленький тот муравей,

А бревно на плече тяжелько...

Как он жизнью щекочет лишь оттого,

Что ползёт под покровом батиста...

Просто жизнью щекочет...

А ты? Как ты жил, пока полз муравей?..

Часть 4

«Тде рыцари в ланитиях белых сверкали...»

«Роза Мира» появилась у меня в 198... — точную дату не помню. Был это самиздатовский экземпляр: две громадные, переплетённые в картон книги в формате А-4. С очень бледным машинописным текстом. Читать было трудно. Но я прочла. Не прочла, а пережила как правду о себе, о России, о мире и как что-то давно знакомое. Чуть позже подарили книгу стихов Даниила Андреева.

Чем для меня обернулась его жизнь, его творчество, я уже немного рассказала в своём эссе, написанном когда-то по просьбе Аллы Александровны Андреевой. И здесь я о другом. Человек этот — Даниил Андреев — стал для меня в одночасье близким и необходимым. Знала я о нём тогда немного, но о его вдове знала, слышала, кто-то рассказывал. А дальше такая история.

Работала в 1986—1991 годах в Ферапонтовом монастыре на Вологодчине. Водила экскурсии. Но случалось уезжать оттуда, чаще из-за выступлений моих в разных местах. Однажды, когда я отсутствовала, в Кириллов пришел теплоход с московскими деятелями культуры. Была тогда такая акция — «Возрождение». И вот в клубе села Ферапонтово Алла Александровна Андреева обратилась к собравшимся: «Вы, конечно, ничего не знаете о „Розе Мира“...» — «Знаем», — сказала Нина Валериановна Силина, — нам Лариса рассказывала». Алла Александровна очень удивилась и спросила: «Кто такая? Где сейчас?». Ей всё объяснили

обо мне и сказали, что я в отъезде. Сожалела Алла Александровна. Она бесконечно ценила любое, самое незначительное внимание к творчеству Даниила Андреева.

Интересно, что ровно через год повторилась та же ситуация: теплоход приплыл, а меня опять не было, хотя Алла Александровна сразу же спросила обо мне. И ещё через какое-то время я, уже в Вологде, услышала по радио объявление: «Завтра в пединституте будет выступать Алла Александровна Андреева»...

Я начисто лишена соблазна знакомиться с известными людьми. Но здесь попросила: «Если надо, Господи, устрой всё...». Через час принесли телеграмму из Петербурга. Знакомый молодой человек в третий раз собрался жениться и хотел со мной о чем-то советоваться (что не уберегло его ещё от нескольких браков). Утром пошла встречать поезд из Петербурга. Пришла раньше. На вокзале подошла женщина: «Вы меня не помните? Я Наташа, работаю на радио, брала когда-то у Вас интервью». Я с трудом вспомнила, но почему-то мгновенно догадалась: «Вы встречаете Аллу Андрееву?» — «Да». — «Но ведь она живет в Москве...» — «В Москве, но сегодня в Вологду приезжает из Петербурга»... — Я быстро написала короткую записку, даже не зная, что я жду конкретно от этого. «Алла Александровна, я Лариса Патракова. Мы дважды разминулись с Вами в Феропонтово. Это телефон моих соседей»... — И попросила Наташу передать записку Алле Александровне. После обеда меня позвали к телефону, и Наташа сказала: «Алла Александровна через час будет у Вас». Я срочно отправила своего гостя гулять, благо, у него в Вологде были дальние родственники. И через час Наташа привела Аллу Александровну с условием, что в гостиницу я отвезу её сама.

Так в мою жизнь вошла эта женщина.

Она теряла уже зрение катастрофически...

Мы проговорили несколько часов. Я её читала свои стихи, она читала стихи Даниила. Была какая-то обнажённая откровенность в этом первом разговоре, предельная глубина и доверие. Узнав, что у меня только самиздатовский экземпляр «Розы Мира», она пригласила меня на завтра в пединститут на встречу с ней: «У меня есть с собой один экземпляр, я Вам подарю».

Когда мы собрались уходить, она вытащила из сумки маленький образок Преподобного Серафима Саровского, образок, который все 10 лет был вместе с Даниилом в тюрьме. Положила его на край моего самодельного стола, чтобы я смогла приложиться к нему. Мне пришлось встать на колени — слишком низким был стол. И когда я коснулась лбом этой крошечной иконы, в меня будто что-то вошло. Я хорошо помню это.

А на другой день, 12 февраля 1993 года, я сидела в аудитории пединститута, высоко, достаточно далеко от того места, где Алла Александровна читала стихи. Когда она начала читать, я отчётливо видела за её спиной Даниила Андреева. Это не вызвало у меня ни удивления, ни тем более страха. Это было естественно.

Потом задавали вопросы. И среди многих был такой: «Кто из современных поэтов ближе всего к Даниилу Андрееву?» И вдруг я услышала: «Как ни странно, это поэт, с которым я познакомилась вчера здесь, в Вологде, Лариса Патракова. Она должна быть сейчас в зале». Это был один из самых тяжёлых моментов в моей жизни: мне на спину будто бы положили огромный мешок с песком. Не было ни радости, ни удивления — было ощущение какой-то незнакомой до сих пор тяжести, связанной с ответственностью, и ещё с чем-то, мной тогда не понятым. Кто-то из преподавателей сказал: «Встаньте, Лариса Реональдовна, покажитесь». Кто-то стал оглядываться. Но я не могла даже шевельнуться под этой новой ношей. Да мне и не хотелось.

После я подошла к Алле Александровне. И она написала мне книгу:

Ларисе Реональдовне Патраковой –

Алла Андреева.

Милая Лариса!

Да поможет Вам Господь наш Иисус Христос и Его Пресвятая Матерь на всем Вашем трудном жизненном пути, озарённым Вашими творчеством и светлой душой.

Алла. 12 февраля 1993 г. Вологда.

Эта надпись сделана ещё её привычным, летящим, четким почерком, который она, кстати сказать, когда-то сама выработала

долгим и непростым трудом. Все остальные книги она подписывала, уже преодолевая слепоту...

Так всё началось.

* * *

Июнь 1999 года. Жаркий день. Лежим с Аллой Александровной под соснами на краю Черноголовки... Спрашиваю: «Вы мне рассказывали, что незадолго до смерти Даниил сказал: «Я почти всё успел здесь, только ослепнуть не успел. И Вы сказали, что теперь слепнете за него». И Алла Александровна спокойно отвечает: «Я Вам этого не говорила». У меня от невозможности такого ответа даже дыхание остановилось. «Как не говорили?! Я же не могла это придумать?!». Я почти без сознания... И она, спокойно, медленно и членораздельно: «Я Вам этого не говорила. Это Вам Даниил рассказал».

И мне нечего возразить, и я успокаиваюсь. Действительно, так.

* * *

Через несколько дней она мне предложила: «Можете называть меня Алисой...» Я поблагодарила. И вообще перестала её как-то называть. Мне трудно было перейти сразу на этот, другой уровень отношений. Она заметила и через два дня сказала со смехом: «Вы меня никак не называете...» И барьер был снят.

* * *

Именно в том факте, что личность содержит естественные с Божеством способности творчества и любви, заключена её абсолютная ценность. Относительная же ценность — её путь, усилия, в какой степени она эти способности выявляет в жизни.

Даниил Андреев

* * *

Рыцарство Даниила Андреева — уникальное явление в том времени, в котором он прожил. Поразительно — с детства, начиная от отношения к женщине (девочке), к природе, к жизни, к поэзии, к России, к Вселенной, к Богу. Более подлинного рыцаря, может быть, человечество и не знало. По крайней мере, в России его не было.

Это захватывающее явление. Даниила Андреева надо преподавать в школе со всей его жизнью: каждый шаг, каждый поступок — не только творчество!

* * *

Последние три недели поста интересное наложение: каждый день храм, молитва, исповедь, причастие, а дома — стихи Даниила Андреева и «Роза Мира». И очень проверяется всё молитвенным состоянием. И освещается то, что раньше оставалось в его текстах невидимым. И благодаря ему углубляются и расширяются мои переживания. И Христос ближе. И мука: это же так понятно, так просто! Что же за жизнь кругом?!

* * *

Даниил жил с открытой памятью, как с открытой раной.

* * *

«Большого счастья, чем полное раскрытие внутреннего зрения, слуха и глубинной памяти, на земле нет. Счастье глухого и слепорожденного, внезапно, в зрелые годы пережившего раскрытие телесного зрения и слуха, — лишь тусклая тень.

Даниил Андреев

* * *

Как плакала, читая Даниила Андреева о его прозрении, как повторяла: «Господи, как я завидую Даниилу». И тут же просила прощения.

* * *

1995 год. 30 апреля — 5 мая. Великие дни в Москве. На могиле Даниила Андреева сеяли с Алисой лен. Именно здесь подписала и подарила ей свою первую книгу «И завтра Спас». Пронизанность нездешним светом.

* * *

«Люди не готовы к «Розе Мира». Надо попробовать быть просто православным и через это что-то обрести. А им подавай космический разум... А Ваша книга растет, как цветок, как бабочка, как дерево», — это Алла Александровна Андреева в ответ на мои слова о том, что книга моя будет нужна немногим.

* * *

К Алисе приходило много разного народа, особенно духовно ищущих... После она давала каждому безошибочную характеристику. И о многих говорила: «Заёмный свет». И я понимала, что она имела в виду. Это научило меня видеть этот заёмный свет в людях, если он был...

* * *

Одним из важных уроков, идущих от Даниила и Алисы, была любовь к Христу. Любили Христа не в религиозном смысле, а как своё основополагание...

* * *

...Полное смятение, тоска: что делать? Алиса мне: «Очень понимаю Ваше состояние. Мы с вами так устроены, у нас усики такие — улавливаем всё, что происходит. Даже далеко. Вам надо бы оторваться от всего и издали взглянуть на свою жизнь...»

1996г.

* * *

Почти 13 лет тесного общения. Последние пять лет, приезжая в Москву, я жила у неё, иногда подолгу. Дважды ездили летом в Черногоровку, в Пушкино, в Крым (в Обсерваторию). Жила она у меня в Вологде, приезжала на защиту диссертации Анны Игнатьевой по «Железной мистерии» Даниила Андреева.

Последние годы её жизни подолгу пребывали в одном пространстве. Это позволяло видеть мне изнутри многие её состояния, о которых никто не догадывался.

Утром я входила в комнату: «Алисик!» — «Да, Ларисик... Доброе утро...» Обе спали голыми. Но у меня долго сохранялось чувство, что она меня видит, когда я в этом утреннем наряде вхожу в комнату... И Даниил всю жизнь спал только голым.

Алла Александровна подробно рассказала в своей книге о потребности Даниила ходить босиком даже в городе. А вот что говорил Леонид Андреев о своих путешествиях голышом: «Живёшь весь, а не только утомлёнными мозгами или выражением интеллигентного лица, весь дышишь, весь наливаешься горячим светом...».

* * *

Иногда войду, а она что-то ищет в кровати и приговаривает: «Ну, куда вы опять, шалуны, закатились?! Ах ты, проказник, спрятался. Вот ты где, хулиган!» Это она говорила камням, с которыми спала... Иногда один, иногда три... Сердолик, горный хрусталь, ещё что-то... Держала их в руке, перебирала, прежде чем уснуть... А потом они терялись...

* * *

Были у нее разные утренние состояния... За два месяца до смерти Евгения Колобова, который был для неё духовно близким, дорогим человеком, перед тем, как проснуться, ещё во сне она «в ужасе молилась» (её выражение)... Душа у неё была очень чуткая и яснознающая...

* * *

Алиса вспомнила, как Даниил рассказал утром сон и о своём трудном состоянии после этого сна. Она сказала в ответ: «Брось ты. Это спросонок». — «У меня что-то длинные эти просонки,» — ответил Даниил.

* * *

Прихожу в Москве, а у неё Николай Браун из Петербурга, давний друг. Уже собирается уходить. Алла Александровна знакомит нас и просит прочесть какое-то моё стихотворение — иначе что за знакомство?! Читаю. Он уходит. А она мне говорит: «Ну, Вы и ведьма!» И я всё понимаю, что она имеет в виду. А через несколько лет Алиса скажет, что я изменилась, что ушло то самое, ведьминское. Никуда не делось, а ушло на глубину. Просто внешне всё иначе, спокойнее. Я спросила: «Это хорошо или нет?» — «Хорошо».

* * *

Отношения у нас были глубокие, близкие, но иногда не безоблачные. Ей активно не нравился мой образ жизни, какие-то мои представления о том, какой она должна быть — моя жизнь. Иногда она очень напористо пыталась меня переубедить, иногда раздражалась и даже жаловалась на меня кому-нибудь из своих друзей. Я могла быть при этом на кухне и слышать, как она

рассказывает по телефону что-то обо мне. В какие-то моменты трудно было остаться спокойной. Но я понимала, что в ней было страстное желание видеть меня счастливой, сытой, хорошо одетой...

Когда я приезжала из Вологды, она встречала в коридоре и тут же ощупывала: какая на мне шуба или пальто... Ниццета моя ей не нравилась. А стихи мои нравились. Доходило до того, что приходилось напоминать о ниццете Даниила и её собственной...

И у меня какие-то её проявления вызывали несогласие... Помню: лежу на её кровати в большой комнате. Алиса, как обычно, — свернувшись калачиком в углу дивана. Слушаем музыку (я почему-то должна была слушать музыку рядом с ней только лёжа). Звонок. Кто-то рассказывает ей о концерте в Обществе слепых. Музыканты играли, а слушатели выходили во время концерта. Алла Александровна такого отношения к музыкантам не могла вынести и долго очень резко ругалась в трубку. Я молчала. Но, очевидно, выразительно. Она повесила трубку и спрашивает: «Вам не понравилось?» — «Да, очень не понравилось». — «Ничего не могу поделать...»

Самое главное, что все такие моменты: несогласие во мнениях, споры — не оставляли раздражения, обиды, непонимания... Алла Александровна говорила мне: «У нас с Вами одна степень свободы, поэтому я могу жить с Вами рядом. Вы не подстраиваетесь под меня...» Это правда.

* * *

Поражало её глубинное служение Даниилу, его творчеству.

С детских лет хотелось ей знать приёмы восточной борьбы, быть солдатом, а потом мечтала служить рыцарю... Она и была солдатом, и рыцарю служила преданно, самозабвенно. Я спросила:

— Он Вас поменял?

— Он меня проявил.

— Что главным в нём было для Вас?

— Его творчество. Это **всё** заливало.

Это так... Она хваталась за каждого человека, который проявлял хотя бы малый интерес к творчеству Даниила Андреева. Иногда я почти в обморок падала — с кем она разговаривает?! Мне часто казалось вначале, что Алиса просто в людях не разбирается.

И одновременно я понимала, что это не так... Позже стала ясна суть такого отношения.

Была ситуация, когда я резко настояла на своём присутствии при разговоре с одним визитёром ... И еле вынесла этот разговор. А она будто на что-то надеялась: вдруг он, действительно, сделает то, что обещает и кто-то ещё узнает через него о творчестве Даниила Андреева ... В результате он попросил денег взаймы.

Всё она понимала. И про всех. Но это страстное желание сделать творчество Даниила более доступным, необходимым в современной культуре перекрывало иногда всякий здравый смысл. Но её же слова: «Уйду я и все почитатели, все, кто сегодня так горячо относится к творчеству Даниила, все, кто вокруг меня, постепенно разбегутся и каждый начнёт самоутверждаться за счёт «Розы Мира», на фоне «Розы Мира» и так далее...» Таков был смысл сказанного ею.

* * *

В шкафу, в коридоре, я нашла пластмассовых уточек, каких-то старинных, но трогательных. И Алла Александровна рассказала, когда Даниил узнал, как в 12-14 лет она по пятницам в ванной играла с уточками, он вышел куда-то и вернулся с этой уточкой и двумя утятами. Ей тогда было уже 40 лет. А он был смертельно болен.

* * *

Даниил смеялся своим низким голосом, приглушённо, как бы смущённо. Очень любил смешное.

* * *

Были у Даниила дикие головные боли. Иногда зубные.

* * *

Когда-то в благодарность за что-то его дядю (со стороны матери) заговорила цыганка. «Никогда не увидишь змеи и никогда змея не укусит.» Так и было. И как-то странно это распространилось на Даниила: во всех своих лесных странствиях за всю жизнь ни разу не встретил змеи.

* * *

В замечательной книге Людмилы Кен о творчестве и жизни Леонида Андреева рассказано о том, как Леонид Андреев писал

«Жизнь Человека» и каждую ночь читал жене, беременной Даниилом : «Эту рукопись я завещаю после моей смерти Вадиму. Это последняя, над работой в которой принимала участие его мать. В Берлине, по ночам, на Auerbachstrasse, кажется 17 (против станции), по ночам, когда ты спал, я будил, окончив работу, мать, читал ей, и вместе обсуждали. По её настоянию и при непосредственной помощи я столько раз переделывал «Бал».

Когда ночью, её сонной, я читал молитвы матери и отца, она так плакала, что мне стало больно.

И ещё момент. Когда я отыскивал, вслух с нею, слова, какие должен крикнуть перед смертью человек, я вдруг нашёл и, глядя на неё, сказал:

— Слушай. Вот. «Где мой оруженосец? — Где мой меч? — Где мой щит? Я обезоружен. Будь проклят».

И я помню, навсегда, её лицо, её глаза, как она на меня смотрела. И почему-то была бледная.

И последнюю картину, Смерть, я писал на Herbertstrasse, в доме, где она родила Даниила, мучилась десять дней началом своей смертельной болезни. И по ночам, когда я был в ужасе, светила та же лампа».

После этого надо просто перечесть «Жизнь Человека» Леонида Андреева... Это важно.

* * *

Приехали в Пущино. На другой день пошли к Оке. Я ещё дорогу хорошо не знаю. Высокий берег крутой и какая-то бетонная плита брошена вниз... Алиса рвётся скорей туда, к воде. Ничего не разбирая, не видя, тянет меня на эту плиту ... Еле удерживаю её и даже кричу (впервые!): « Тут я буду решать — пойдём мы сюда или нет!» Мне страшно. Я уже знаю её неустойчивость, пренебрежение опасностью, даже у слепой. Она готова ринуться с обрыва! Там, внизу, любимая Ока, вода — скорей плавать!.. И плавает она так же самозабвенно, хотя не видит, куда плывёт... А меня просит голос с берега подавать...

Эта её неустойчивость иногда очень напрягала... Те годы, когда с ней, уже слепой, ходила под руку, оставили отпечаток в напряжённых

мышцах шеи до сих пор. Всегда чувствовала ответственность, был даже страх иногда...

И тут почти силой пришлось не пустить её вниз, к Оке, и искать другой спуск. Тогда она мне и рассказала, что ребёнком, в Москве, она придумала такую игру: ложиться на дорогу и успеть вскочить прямо перед автомобилем или лошадьё. И при этом в молодости была застенчива до болезненности... Она пишет об этом в своей книге: «А лагерь научил. Арест уничтожил, раздавил. Как кошку переехал автомобиль».

Тут много всего сплелось. Она рассказывала мне об особенностях, о своеобразных чертах материнского рода, о женщинах этого рода, о том, что и в себе знала некоторые эти особенности...

Посмотрела я свои записи об этом и поняла, что правильно будет не расшифровывать их... Я много записывала после разговоров с ней.

Вот запись 2003 года: «Странная моя весна, июнь в Москве с Алисой и лето с ней в Крыму. Она меня буквально «накачивала» сведениями о Данииле и в некоторых случаях говорила: «Этого никто не должен знать.» Мне становилось всё тяжелее... И однажды я спросила: «Алиса, а что я буду потом со всем этим делать?» Она промолчала. Я потом годы раздумывала. И после того, как в интернете прочла оголтелый бред по поводу дневников М. Цветаевой, всё стало ясно... Никакая биография того же Даниила Андреева не расскажет о нём больше и глубже, чем его стихи, его творчество.

В ранней молодости поверх плаща Света, который был его природой, был накинута, как бы насильственно, плащ Тьмы. И пришлось отрабатывать... Но всё есть в его творчестве для тех, кому именно это важно.

Очень жаль, что мало известно о Коваленском, муже двоюродной сестры Даниила. Пропало всё, что он написал. Чем-то они были глубоко и необъяснимо связаны...

И попутно о другом ... Как-то Коваленские решили помянуть в церкви всех, кто был дорог и почитаем. Александра спрашивает у Даниила: «Как написать Шарля Бодлера?» Даниил отвечает: «Шарик...» Она обиделась.

* * *

4 июня 1958 года Даниил и Алла обвенчались. Она рассказала об этом в своей книге. Что-то я повторю, наверное...

Даниил подарил ей в этот день сари — белое, с жёлтым золотом. А через четыре дня они поплыли в путешествие по Оке и Волге.

Вчера, 17 марта 2003 года, у Галины и Василия Яцкиных смотрели мы с ней эти кадры: они на корабле, среди людей, за столом ... И оба — более живые, чем все остальные на корабле. Хотя они единственные, кто только что из тюрьмы и лагеря...

Когда Даниил умер, Алиса разрежала сари и половиной накрыла его в гробу. Вторую — оставила для себя. Но когда умер отец, накрыла его.

* * *

В конце жизни Аллу Александровну, воспользовавшись её слепотой, лишили прав на издание книг Даниила. История была настолько чудовищная и ударила по ней очень сильно. «Я своими руками отдала неизвестно кому то, что всю жизнь хранила как святыню!»...

Но как всегда, не унынию стала она предаваться — начала бороться. Были суды. Часто унижительные и бессмысленные. Один из судов постановил пройти вдове Даниила Андреева психиатрическую экспертизу в институте судебной психиатрии имени В. П. Сербского. Я была в это время в Москве. Алисе 87 лет. 17 декабря Алла Александровна собирается на экспертизу. За ней заезжает её адвокат. Алиса надевает свой светло-сиреневый костюм, очень элегантный. К слову, выглядела она элегантно всегда и во всём. Провожая. Спрашиваю: «Когда ждать?» «Часа через три», — говорит адвокат.

Жду. Молюсь. Переживаю. Проходит три часа, четыре, пять.... Появились они часов через шесть — семь. Остаёмся вдвоём. Она ни-ка-ка-я... Но зовёт меня: «Идите, я Вам расскажу, пока всё так живо...

И рассказала, как несколько часов длился «допрос у Сербского», через какие тесты пришлось пройти. Рисовать — «нарисуйте, как Вы себе представляете понятие «дружба». И через два часа: «Вы помните, как Вы нарисовали понятие «дружба», нарисуйте

опять». И это — слепому человеку. Пять часов из одной комнаты в другую, десятки неожиданных, изощрённых вопросов, постоянное напряжение. Ей 87 лет! Когда это закончилось, её посадили перед большой комиссией. «Алла Александровна! Мы потрясены! Более вменяемого, здорового человека мы никогда не видели в этих стенах. Скажите, что Вам написать в заключении. Чем мы можем Вам помочь?» «Да наплевать на меня! — ответила Алиса, — помогите великому русскому поэту Даниилу Андрееву!»

Суды она выиграла, но какой ценой!.. Уже незадолго до смерти ей вернули права на издание произведений Даниила Андреева. И только через год после этого — на издание «Розы Мира».

После этого рассказа (более подробного, чем я тут привожу) она заболела. Видела я, как ей плохо. И утром сидела в уголке дивана, поджав ноги, укрывшись шалью, и больно было смотреть на неё. К обеду позвонил один знакомый: «Я здесь недалеко от вас, в Кремле. Получил орден “За заслуги перед Отечеством”. Можно зайти и с вами отметить это событие?» «Нет, конечно, — подумала я, но ему сказала: «Спрошу у Аллы Александровны». «Пусть приходит», — без раздумий согласилась она. Я уже знала её неплохо, но опять она меня поразила... Виктор Дмитриевич пришёл с коньяком, с вкусностями. И мы долго сидели втроем на кухне. И пили коньяк, и разговаривали... И никогда и никто бы не догадался, что Алисе плохо...

«Меня часто называют кокеткой или как-то иначе, когда видят, как я сижу, опираясь на руку (она показывает этот жест). Они понятия не имеют, что последние 45 лет у меня нестерпимо болит шея. Но я не могу сидеть, скрючившись, согнувшись — я не могу этого показать! Поэтому я сижу так». И она царственным жестом облокотилась о стол.

... И это всё были уроки мне, уроки, уроки...

* * *

Всегда ходила на все мои выступления. «Алиса! Вы ведь эти стихи уже слышали много раз». — «Ну и что?» И обязательно сидела в зале в первых рядах. Сколько историй я могла бы рассказать, связанных с этими выступлениями! Её внимание, поддержка

значили очень много! Оценка моего творчества была высокой: «Вы умеете оторваться от себя, поднимаетесь к обобщениям. Не бабская у вас поэзия (далее резко о Цветаевой и Ахматовой)! От нашего времени немного останется, а Ваши стихи останутся». Было у неё любимое:

Речь Дмитрия Донского перед началом битвы

*Рать поставлена на выруб —
Нам ли страшно умирать?!
Всем для этой битвы шила
Смертную рубаху мать...*

*Всех положит враг до света —
Сил не станет убивать,
Чёрной тучей поле это
Новая накроет рать.*

*Мы поставлены на выруб —
Вам победу добывать:
Для бессмертной славы шила
Смертную рубаху мать...*

*Шила с песней и молитвой,
Знала — сына не видать...
Мать хотела этой битвы,
Русь просила этой битвы:
Встать живым — упасть убитым.
Я на выруб ставлю рать!*

Она знала его наизусть и считала, что оно должно быть в учебниках.

Были и такие разговоры: «Если бы я не видела, как Вы беспомощны в отношении собственного творчества, я бы оставила Вам права на издание книг Даниила. (Мучило это её очень.) А так придётся оставить всё Андрею (брату сводному), у которого к творчеству Даниила нет никакого интереса». И оставила всё Андрею.

К слову сказать, мы с ним родились в один день, в один год и, как один раз выяснили, чуть ли не в один час...

* * *

Ночью, днём подхожу к дверям её комнаты и слышу: бормочет что-то. И знаю — стихи Даниила. Учила с магнитофона, с чужого голоса: просила записывать всех. Учила много, день и ночь. И ещё старые повторяла, чтобы не забыть. Знала стихов Даниила множество. И читала их замечательно, пытаюсь подспудно передать манеру его чтения... Кто слышал это чтение на её выступлениях — не забудет никогда. И со свойственной ей резкостью в оценках, говорила: «В России только два человека умеют читать стихи — это Вы и я!»

Тех, кто обязательно захочет обвинить меня в нескромности, приглашаю на свой концерт... Кто слышал — те просят обязательно записать диск. И я их понимаю...

* * *

После ухода Алисы я на своих вечерах иногда читаю маленькую программу — шесть стихотворений Даниила, посвящённых ей. И всегда говорят, что читаю иначе, чем свои стихи, и, естественно, иначе, чем Алиса.

* * *

Летом 1999 года, в Черноголовке, Алиса утром сказала: «Ночью я записала для Вас на магнитофон стихи Даниила. Но боялась Вас разбудить, поэтому читала очень тихо». Я поблагодарила. Включила, послушала два стихотворения — действительно, тихо. И отложила плёнку.

Прошли годы. Года через три после её ухода я наткнулась на эту плёнку. Стала слушать. Её голос... Это ведь для меня специально она записывала! И вдруг, в самом конце, её обращение ко мне: «Дорогая Ларисонька...» И дальше то, как она видит мою жизнь, чего она ждёт, чего хочет для меня. Всё это предельно сердечно, глубоко, проникновенно и провидчески...

У меня было потрясение: то, что я не стала слушать в 1999 году, звучало сейчас, как весть оттуда, из той другой жизни, куда она

ушла... Алиса говорила со мной из Вечности... А я плакала здесь, на земле. Плакала, благодарила, просила прощения...

* * *

Звонит мне моя знакомая Маша. Алиса в углу дивана. Естественно, слышит этот разговор. Я кладу трубку.

— Что там?

— Да трудно всё у Маши — одно, другое...

— А она видит?

— Что? — не понимаю я.

— Ну, она же не слепая, зрячая?

— Да, конечно.

— Тогда, какие у неё трудности? — искренне не понимает Алиса...

* * *

Много раз я приезжала в Москву, к ней в дом. И всегда с котомками (по-другому не скажешь) — одних рукописей 5-6 килограмм. Трудно давалось — возить их за собой повсюду, всегда бояться потерять, утратить. Компьютера, конечно не было. Да и ничего не было... Алла Александровна переживала и каждый раз предлагала: «Оставьте у меня, в комнате, где рукописи Даниила. Можете в сейф положить». Действительно, был маленький сейф. Спала я в этой комнате на кресле-кровати, а в головах на полке лежали рукописи Даниила, Евгения Белоусова, фотографии...

Я искренне благодарила за честь. И так же искренне (про себя) боялась: оставлю, а вдруг что случится, мало ли... И опять увозила с собой эти килограммы стихов...

* * *

Подарила мне Алла Александровна часы Даниила. Они есть на некоторых его фотографиях. Одну историю с ними я рассказала в этой книге. Подарила она мне три свои работы: живопись и графику. Выбирала я сама. Подарила платье своей матери и сказала: «Ларик! Вот для Вас навсегда определённый размер: влезаете — значит всё в порядке». Она была намного выше меня, но остальные параметры у нас совпадали. Поэтому я отдала ей свой льняной костюм, и она в нём иногда выступала, а мне подарила своё платье, купленное в

Англии. В нём она впервые читала стихи перед дверью Владимирской тюрьмы, где 10 лет провёл Даниил.

Пока не ослепла, шила иногда сама себе — легко, без выкроек, элегантно... Подарила мне фиолетовую блузу, которую сшила когда-то для себя, без машинки. Я в ней однажды выступала.

Есть у меня и её фотографии. Часть пропала. Кто-то не удержался, очевидно, и позаимствовал, но две пропали по моей небрежности...

* * *

В моей жизни была важная встреча с Александрой Андрияновной Арлаковой (я рассказываю о ней в главе «Старухи»). Перед её смертью я видела во сне арбуз с горящими углями внутри. Когда ей исполнился 101 год, в доме её начался пожар, и она задохнулась в дыму. Я вспомнила об этом в 2005 году...

Они и раньше были для меня соединены тремя буквами А... Александра Андрияновна Арлакова — Алла Александровна Андреева...

А в ночь на 26 апреля — за три дня до пожара в квартире Алисы, в Брюсовом переулке, я видела во сне пушку-мортиру с горящими углями внутри.

* * *

29 апреля и в ночь на 30 апреля 2005 года у меня было очень смутное, непонятное состояние. Ночью я проснулась — чей-то голос позвал: «Лариса...» — «Кажется, Алиса... Надо позвонить!...» Вся Страстная суббота 30 апреля была ужасна: ничего не могла делать, не находила места. Связывала своё состояние с событиями Страстной субботы. Днём по радио была передача о благодатном огне в Иерусалиме. Слушала внимательно, напряжённо.

И вдруг, неожиданно для себя, начала молиться, взывать, почти требовать: «Господи! Покажи мне сейчас огонь! Умоляю: покажи огонь! Мне нужно, важно — покажи огонь!» И потом опомнилась, испугалась: что я прошу?! Ведь сейчас всё загорится!.. Еле успокоилась. В 21.30 услышала через дверь у соседей телефонный звонок (у меня телефона не было). И кинулась к ним, как безумная.

Звонила из Москвы Таня Синецына. Она мне всё и сказала... В ночь на 30 апреля в своей квартире в Москве сгорела Алла Александровна Андреева...

* * *

Как я вернулась домой, как плыла в каком-то чёрном замедленном кадре... Меня не было. Дальше все действия не зависели от меня. Сразу взяла с полки книгу Даниила, открыла «Навну» и вслух, стоя, прочитала, в книгу не глядя, как будто знала наизусть...

Потом открыла Евангелие и спросила: «Как? Почему?!» И был ответ: «Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу...»

* * *

После такого ухода Алисы внутри поселился жуткий крик: а-а-а-а... И это крик стоял несколько месяцев, а потом — и лет, хотя и поутих немного...

На отпевании в Москве, в храме при Боткинской больнице, я умудрилась положить в гроб, под мешок, в котором лежала она, фотографию пляшущего Ангела из какого-то европейского собора (половинка сари ей оказалась не нужна — всё было известно заранее): «Даю тебе Ангела в дорогу, очень весёлого. С ним не заблудишься».

Через полгода по телевидению показывали фильм. Кажется, он назывался «Даниил и Алла». Сначала не хотела смотреть — боли боялась. Но потом решилась. Смотрели с соседкой...

Начинался он с кадров отпевания Аллы Александровны. Камера медленно плыла по лицам и очень часто останавливалась на лице женщины, скорбь которой была безмерной и пугала даже меня... Когда её показали в очередной раз, я спросила вслух: «Кто же это? Я её не знаю, не помню». «Это же Вы,» — сказала соседка, Татьяна Михайловна. Ужасу моему не было предела — а-а-а-а...

* * *

В Москве ночью на 3 мая 2005 года (день отпевания) не могла долго уснуть. Молилась, просила Алису прийти и объяснить, что

произошло, как это случилось. Очень просила. Под утро она при-
сnilась: учила меня делать бумажный абажур из обложки моей кни-
ги... К слову, в её комнате было два бумажных абажура. Я помню,
когда и кто ей их подарил... Но это, действительно, — к слову...
А пути всегда неисповедимы...

* * *

Мой последний подарок ей здесь, на земле...

Я приехала зимой 2005 года. В феврале собирались отмечать
девяностолетие. «Что подарить, Алиса? Хочется — что-то
настоящее, нужное. Подскажите». — «Ларик, самым большим
подарком будет, если Вы прочтёте мне мои письма Даниилу
из лагеря. Их много. И за десятилетия они уже, наверное,
полустёрлись».

И вот каждый день я садилась в кресло, спиной к окну, за
которым видны купола Кремля, зажигала настольную лампу, а она
сворачивалась калачиком в своём уголке на диване, и я читала...

Некоторые места, действительно, разбирала с трудом и Алиса
подсказывала, комментировала, иногда рассказывала...

Это было не просто чтение: мы обе проживали опять ту жизнь. И как
проживали!!! Не помню, сколько дней длилось это чтение. Пропускали
редко, только когда были неотложные дела надолго вне дома...

Февраль перевалил за середину. За окном темно ... Последнее
письмо... Сидим молча. «Спасибо, Ларик, это — лучшее, что
можно было подарить». — «Спасибо, Алиса. Это подарок для меня
на всю жизнь...»

24 февраля, накануне юбилея, я решила уехать. У меня было
своё состояние: не хотелось толпы, шума, праздника. Она прово-
жала, как всегда, стоя в коридоре под иконой Святителя Николая,
сложив руки у лица. Обнялись. Какие-то слова о будущем, о встре-
че... И что-то пронзительное было в этом прощании и более груст-
ное, чем всегда — а-а-а-а...

* * *

Жизнь потекла с этим криком внутри и с какой-то новой,
необычной ответственностью перед НИМИ.

* * *

Звёздное небо. С тоской позвала: «Ну, где ты, Алиса!» Легла, уснула. И во сне она пришла. Молодая. «Ты жива?» — «Жива». И я уткнулась ей в колени и так плакала, и просила прощения.

* * *

Прошло два года. Открыла «Навну» — учить. Была подсознательная надежда, что я её уже знаю наизусть... Ведь тогда, 30 апреля — в состоянии шока — читала наизусть. Но оказалось, что ни одного слова я не знаю. Начала учить.

Запись того времени: «Пока учу «Навну», целую жизнь прожила с Россией, со своей собственной душой! О, сколько слёз!»

* * *

«Сегодня, 9-го января 2008 года, доучила «Навну». Плакала. И понимаю теперь, почему плакал Даниил. И сам не мог читать. Связь моя с ними. Благодарила всех: Ангела, Даниила, Алису, Навну.»

* * *

Даниил Андреев пишет: *«Кто она, Навна? То, что объединяет русских в единую нацию; то, что зовёт и тянет отдельные русские души ввысь и ввысь; то, что оведало искусство России неповторимым благоуханием; то, что надстоит над чистейшими и высочайшими образами русских сказаний, литературы, музыки; то, что рождает в русских душах тоску о высоком...»*

* * *

«Навну» я читала на публике один раз — в Черноголовке, где и Алиса, и я много раз выступали. Зал был небольшой... Слушатели там всегда замечательные — глубокие, ищущие, образованные. Читать было трудно. Ощущала, как нездешние ритмы и смыслы этого фантастически прекрасного, провидческого текста трудны для восприятия... В людях шла почти ощущаемая мной работа — пропустить эти смыслы в себя.

И ещё раз я читала «Навну», но уже легко, крылато, радостно. Было это на Новодевичьем кладбище, на могиле Даниила и Алисы.

Да и кроме них, публика там была удивительная и бесконечно благодарная... Народу было немало...

Читала я громко, на голос собрались и немногочисленные посетители, которые бродили в этот весенний день среди памятников.

* * *

С грустью приходилось читать иногда в интервью, публикациях о том, что для кого-то Алла Александровна была названой матерью, для кого-то ещё кем-то... Это имело отношение только к тем, кто это говорил, но не к Алле Александровне. Да и не было на земле такого человека, женщины — Аллы Александровны Андреевой.

Вслед великому рыцарю, космическому страннику, одному из немногих, кто изнутри понимал неиссякаемую природу Вселенского зла, на Землю был прислан ещё один рыцарь, которому дано было в облике женщины пройти над многими безднами и пронести на своих плечах часть непосильной ноши своего Великого Друга-Рыцаря.

Когда-то она сама попросила: служить рыцарю.

Её услышали. Омыли светом и музыкой: «Пойдёшь учеником к великому рыцарю, подмастерьем. И не предашь. И живой пройдёшь сквозь огонь, чтобы уже навсегда встретиться с ним и стать Рыцарем Света»...

* * *

В эпицентре великой борьбы света и тьмы нет жертв и победителей... Здесь стоят рыцари, у которых нет права на победу и нет права на поражение. У них есть задача: ценой земной жизни продлить луч света в глубины тьмы, в самую бездну...

Она всё это знала. Чем дольше я была с ней, тем отчётливее проступала в ней нездешняя Рыцарская природа, звёздная суть. Я говорю серьёзно: Алла Александровна Андреева не была человеком, в нашем привычном представлении. Всё человеческое было накинута сверху, как мантия, не прорастая вглубь, корнями...

Особенно, когда она плавала, будучи уже слепой, а я сидела на берегу и смотрела на её голову в воде. Голова медленно поворачивалась, и всегда был виден только один глаз, закрытый веком... Ничего

человеческого, женского не было в ней в этот момент. Это была голова странной диковинной птицы с одним зрачком... Мне было не по себе.

И то же я чувствовала, когда слушала рядом с ней музыку. Музыка была для неё самым надёжным транспортным средством: в ней она перемещалась в неведомые пространства и миры. Музыка доставляла и необходимые знания, подсказки... Иногда я просто боялась смотреть на её лицо в эти мгновения...

Где она сейчас несёт службу, в каких мирах сияет несказанным светом — могу только смутно чувствовать... Но в одном уверена: не ошибаюсь я, когда вижу в этой женщине Рыцаря...

Привожу и свой текст, написанный сразу после её ухода с Земли, и своё стихотворение. Всё это там есть.

Рыцарь-женщина — Алла Андреева

Я знаю Рыцаря-женщину. У неё прямая, негибкая спина, большие сильные руки, на её прекрасном лице голубые, давно невидящие глаза...

Идёт она легко, быстро — почти бежит, не касаясь земли. И огнедышащее время все девяносто лет её земной жизни пытается опалить её белую рыцарскую мантию.

Она служит великому Поэту, и так же, как у него — в её сердце безупречная любовь ко Христу и к России. Но чтобы свершилось всё до конца, чтобы помочь Навне и Яросвету, помочь всем нам и уже никогда не разлучаться с Поэтом — рыцарю-женщине надо было перейти огненную реку.

И шагнула она в огненный поток у меня на глазах, и содрогнулась душа моя, и возопила к Богу: «Зачем так, Господи?!» И был мне ответ через апостола Марка: «Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу»...

А через несколько мгновений грянул хор: «Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущем во гробех живот даровав»... И каждое слово открывалось своим глубинным прямым смыслом...

Душа её, омытая огнём, ликовала с сонмом ангелов, и только мой ангел плакал, уронив голову мне в колени...

Ночь с 6 на 7 мая 2005 г. Поезд «Москва — Воркута»

* * *

Алле Андреевой

*И женщина — с лицом звезды летящей —
Мне наливала старое вино...
Я, всем ветрам распахнутая настезь,
Примерила её дорожный плащик,
И в музыке, нахлынувшей, как счастье,
Ту женщину, с лицом звезды летящей,
Любить и слышать было мне дано...*

* * *

Иногда рассказывала что-то о ней на своих вечерах, читала стихи Даниила... Но тогда это была робкая попытка преодолеть мою личную трагедию. Сейчас — иначе...

* * *

Рассказываю про Алису девочке Ладе (десять лет). Показываю фотографию: «Какой она тебе кажется?» — «Скромная и добрая». — «А ещё что? Чем она отличается от других?» — «Другие старушки похожи на увядшую траву, а она, хоть и старушка, но роза».

* * *

Эти строки я пишу в Крыму, в посёлке Научный, в Обсерватории, куда меня десять лет назад привезла Алиса: «Ларик, мне рассказали о замечательном месте в Крыму, в горах. Мы с вами обязательно поедem туда. Я буду смотреть на всё вашими глазами, но почувствовать смогу...» И мы поехали.

И я была её глазами в то лето особенно. И много было чудес — «Реквием» Моцарта в сороковой день смерти Евгения Колобова. И её состояние в этот день... Поэтому и была такая глубокая любовь к Колобову: необыкновенный музыкант вместе с Моцартом, Бетховеном, Чайковским и приводил для неё караваны с бесценным грузом, которые поддерживали её здесь...

Десять лет назад была благодарность, которая сегодня кажется бледной, немощной, больше похожей на тень моей человеческой гордыни... Сегодня я погружена всем своим существом в великую благодарность этим Рыцарям, с которыми мне удалось соприкоснуться здесь, на Земле, и услышать, и разглядеть, и почувствовать их настоящую природу, несмотря ни на что...

Много лет назад я видела, как они бегут в небе навстречу друг другу... Она и на земле в детстве и юности так бегала: широким, летящим, лёгким шагом. «Как жеребёнок», — говорила она...

И сейчас вижу, как легко, молодо они бегут уже рядом...

А за ними, то отставая, то настигая их, бежит и мой пляшущий Ангел... И смеётся...

24 июля 2013 г.

Часть 5
Не бойся ничего
(короткая драма)

Весь ужас этой каждодневно совершаемой жизни (жизнь Булгакова — последние 15-13 лет) способен до конца *ощутить* только поэт, у которого **ни строки не напечатано**. Поэтому я взялась даже не написать — воспроизвести эти ощущения. Но в главные герои этой короткой (вся жизнь), чудовищно-бесстыдной драмы вышли **честь, бесстрашие и любовь**.

Самый важный на сегодня из всех уроков истории — и в омуте страха, захлебываясь, с камнем на шее, человек способен **не бояться**. Уже разум отказывается понимать происходящее, уже всё — на грани бреда, а человек стережёт в себе **честь**. Пока есть это — можно сесть за свой стол, вздохнуть перед Богом и написать: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...» ... Не бойся ничего...

Темно. Женский голос. Вся женщина — в голосе.

Не бойся ничего... Ни жуков, ни пауков, ни старой мыши на кухне... Не бойся снов черных, шагов гулких, вонючих лестниц... Не бойся громкого окрика, газет и профсоюза, критиков и писателей... Не бойся фининспектора и соседей... — не бойся ничего...

Придёт время — каждое твоё слово продлится в человеческом сердце, в каждом доме откроют твои книги и узнают себя, и вспомнят себя, и задохнутся жалостью к себе и заплачут... Каждое твоё слово тронут губами молодые и старые и засмеются...

В этой новой, трудной, сильной жизни у человека будет своё место и твои книги будут лежать на столах открытыми, твой голос будет

слышен самым далеким... только не бойся ничего... Ты отдохнёшь сейчас здесь, со мной... И пойдёшь работать. Есть твой стол, твоя книга, есть я... Остального не бойся... Ни жуков, ни пауков, ни громкого окрика, ни старой мыши... (*голос затухает постепенно и также постепенно загорается свет*).

Он и Она расходятся в разные стороны — на сцене только два письменных стола друг против друга, да в центре уютный круглый столик под скатертью с цветами...

Он идет к своему столу и говорит ей в спину.

Он. Нас собирався навестить друг. Надо позвонить ему.

Она (*не поворачиваясь*). Не надо ему звонить.

Он. Почему?

Она. Я встретила его жену... Друг не сможет к нам прийти в ближайшие годы...

Он. Он...

Она. Исчез... Обвиняется в покушении на вождя...

Он (*стоит меж двух столов*). Кто-нибудь остался? Кто-нибудь ещё придет к нам в гости?

Она. Обязательно. Там продолжается жизнь (*кивает за окно*).

Он. И газеты выходят?

Она (*нехотя*). Выходят.

Он. И что же в них пишут обо мне?

Она *нехотя* подаёт ему пачку газет и уходит.

Он достаёт пистолет из кармана, кладёт на стол, разворачивает газеты, читает. Берёт ножницы, делает вырезки. Входит женщина с чаем. Ставит всё на круглый стол. Садится.

Он (*читает вслух, страдая*). «Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета»... А вот ещё... «И этот... кум мой, тоже извините за выражение, писатель... в залежалом мусоре шарит... Что это, спрашиваю я, братишечка, мурло у тебя... Я человек деликатный, возьми да и хрясни его тазом по затылку...» (*Стонет, обхватив голову руками*).

Она. Я сама всё это подклею. (*Всё уносит*.)

Он прячет пистолет в карман. Стоит молча. Потом идёт к своему столу. Садится и пишет — всё через усилие. Пишет.

Потом вслух: «Если бы с ним поговорить, — вдруг мечтательно сказал арестант... Я уверен, что он резко изменился бы...» — на этих словах встаёт и медленно идет к Тому — Другому столу и там, как бы продолжая.

Он. Моё утомление, безнадёжность безмерны... Не могу ничего писать, все мои пьесы запрещены... Нигде ни одной строки моей не напечатано...

Никакой работы у меня нет... Ни копейки авторского гонорара ниоткуда не поступает... Ни одно учреждение, ни одно лицо на мои заявления не отвечает...

Остаётся уничтожить последнее, что осталось — меня самого... (Вздрагивает).

Входит она, берёт его за руку и уводит к Тому столу. Она берёт со стола лист и читает.

Она. «Если бы с ним поговорить, — вдруг мечтательно сказал арестант, — я уверен, что он резко изменился бы...» (Смотрит на Него.) Я хочу знать, что будет дальше. Мне надо это знать. Всем надо знать, что скажет дальше этот арестант... Садись работать... Я принесу тебе чай, настоящий горячий чай с сахаром... Вечером к нам придут гости... А потом и весна... (Расправляет на столе бумаги, гладит стол) Я принесу тебе чай... (Уходит).

Он опять за Тем столом.

Он. С недавних пор я хвораю тяжёлой формой неврастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен. Причина моей болезни — многолетняя затравленность, а затем молчание. Злобы я не имею, но я очень устал...

Но сначала разрешите мне обратиться к Вам с просьбой, касающейся драматурга N, отбывшего полностью трёхлетний срок своей ссылки.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем Отечестве, и зная в то же время, что литератор N теперь лишён возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выражение в прессе, я позволю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу. Находясь в надежде, что участь литератора N будет смягчена, если Вы найдёте нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо

прошу о том, чтобы N была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения.

Входит с улицы Она. Возбуждённая. Весенняя. С цветами.

Она. Всё — звонкое, всё — певучее — настоящая весна. Знаешь, я встретила грузина... Ну, того — из аппарата (*указывает пальцем вверх*). И он сказал мне (*понижает голос*), что твоя книга — единственная изданная твоя книга — лежит все эти годы на столе у Вождя. Он её читает... (*Пауза*). И ещё... В Москву вернулся друг... Я встретила его жену...

Он (возбуждённо). Ответа на письмо я не дождался — но друг в Москве — чего же желать?! (*Ходит по комнате*). Каждый день читает мою книгу... Наш разговор непрерывен... О, если бы я мог сказать ему...

Она. Не надо... Не думай о нем. Это наваждение. Он и тебя втягивает в свой мистический страшный круг... Не думай о нем. Надо работать.

Уводит его к столу.

Он (пишет, вслух). Солнце уже снижалось над Лысой горой и была эта гора оцеплена двойным оцеплением.

Сидит и пишет. Она за круглым столом.

И когда побежал четвёртый час казни, — между двумя цепями, верхней пехотой и кавалерией у подножия, не осталось, вопреки всем ожиданиям, ни одного человека... (*Пишет*).

Никто не сделал попытки отбить осуждённых...

Свет медленно гаснет и все перетекает в голос женщины.

Она. Я забуду себя и всё, что знала, каждый день буду воскресать из пепла и праха, только не оставь его, Господи... Не оставь его никогда... Спасибо тебе, что он есть... что он так прекрасен, так велик и так слаб.. Дай мне силы быть рядом с ним... Дай силы не бояться, не бояться, не бояться ничего в этом мраке и ужасе...

Свет медленно возвращается.

Он. У нас есть сегодня обед?

Она. И сегодня у нас есть обед. И смею надеяться, вкусный. (*Целует его и уходит.*)

Он (вслед). Газеты захвати, пожалуйста.

Она возвращается с ворохом газет, медленно подаёт ему и в это мгновение раздаётся выстрел... Оба вздрагивают. Он невольно ощупывает пистолет в кармане.

Она. Что это?

Он (открывая газету). Поэт застрелился.

Она. Тот, которого звали Маяк...?

Он задерживает штормы.

Он. Помнишь обыск у нас? Мне ведь вернули все мои записные книжки?

Она. Все. Но ты их сжёг... Как сейчас мне хочется перелистать их. (Беспомощно оглядывается вокруг в поисках выхода...)

Она уходит. А он у Того стола.

Он. Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал — значит был не настоящий. Я прошу принять во внимание, что невозможность писать — равносильна для меня погребению заживо. Все мои вещи безнадежны — упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. Такое изображение вполне связано с интеллигенцией. Но такого рода изображение приводит к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР..

Входит женщина и молча уводит Его к Тому столу.

Он (сидит и пишет. Мучительно. Долго. Пистолет рядом). Когда истёк четвёртый час казни, мучения Левия достигли наивысшей степени, и он впал в ярость... (Пишет). Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, поносил своего отца и мать, породивших глупца. (Пишет). Он требовал, чтобы Бог послал немедленного Суда... (Пишет). Открыв глаза, он убедился в том, что на холме всё без изменений. (Пишет). Тогда Левий закричал: «Проклинаю тебя, Бог!» Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости Бога и верить ему более не намерен. «Ты глух», — рычал Левий, если бы ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил бы его тут же...»

Свет постепенно гаснет и всё перетекает в женский голос.

Она. Не бойся ничего... Ещё так много работы... Не бойся... ни жуков, ни пауков, ни старой мыши... критиков и писателей не бойся... Мука уйдет... Есть будущее, есть твои золотые страницы... Уже растут дети, которые жадно станут искать твоё слово и найдут его. Испытанные жизнью, огнём и голодом, ужасом и мраком книги твои понесут свет и радость, истину и боль, любовь и правду... Не бойся ничего сейчас... Ты давно встретился сам с собой... Ты всё знаешь, всё помнишь, всё надеешься, всё перенесешь. Не бойся ничего... И не думай о нём. Не говори с ним, не ищи в нём собеседника... Он погубит тебя... Не бойся ничего... Я здесь... все хорошо... *(Голос затухает, свет медленно загорается).*

Он *(с газетами в руках)*. За 10 лет 301 отзыв обо мне. Из них 298 — враждебно-ругательных. Наклей и это в альбом. *(Отдаёт ей газеты. Она уходит. Он идёт к Тому столу).*

Я прошу поступить со мной, как найдёте нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, писателя, известного в СССР и за границей, налицо в данный момент — нищета, улица и гибель... Я не шёпотом в углу выражал свои мысли. Борьба с цензурой, какой бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей вздумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода... Выслушайте меня...

Что такое любовь к Отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения. Это сказал не я...

Входит женщина и молча уводит Его к Тому столу.

Он *(сидит, пишет, вслух)*. С ближайшего столба доносилась хрипая бессмысленная песенка. Повешенный на нём Гестас к концу третьего часа казни сошёл с ума от мух и солнца *(Пишет)*. Дисмас на втором столбе страдал более других, потому что его не одолевало забвенье, и он качал головой, часто и мерно, то вправо, то влево, чтобы ухом ударять по плечу...

Счастливее двух других был Иешуа. В первый же час его стали поразать обмороки, а затем он впал в забвенье, повесив голову в

размотавшейся чалме. Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под чёрной шевелящейся массой. В паху и на животе и подмышками сидели жирные слепни и сосали жёлтое обнажённое тело...

Встает... весь — там... Встаёт на голос женщины.

Она. Тебя к телефону... (Тревожно). Вождь...

Он медленно идёт в глубину сцены, Она, растерянная, идёт ему навстречу.

Она. Засмеялись и сказали — шутка...

Пауза.

Он. Значит, опять не он?.. И писем нет?

Она. Нет писем... (Уходит).

Он (у Того стола). После того, как мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет: сочинить коммунистическую пьесу, а кроме того, обратиться к правительству с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале. Этому совету я не послушался. Наверяд ли мне удалось бы предстать перед правительством в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Ныне я уничтожен. Уничтожение это встречено советской общечеловеческой радостью и названо «достижением».

Входит она, хочет увести его...

Он. Не мешай. Мы разговариваем... (Она в ужасе уходит). Я переутомлён. Сейчас все впечатления мои однообразны, замыслы повиты чёрным, я отравлен тоской и привычной иронией.

В годы моей писательской работы все граждане беспартийные и партийные внушали и внушили мне, что с того момента, как я написал

и выпустил первую строчку, и до конца моей жизни я никогда не увижу других стран...

Если это так — мне закрыт горизонт, у меня отнята высшая писательская школа, я лишён возможности решить для себя громадные вопросы. Привита психология заключённого, я прошу работы, я прошу поступить со мной, как найдёте нужным, но как-нибудь поступить...

Свет медленно гаснет.

Она (отчаянно). Ни жуков, ни пауков, ни старой мыши на кухне — не бойся ничего...чёрных снов и вонючих лестниц, критиков и писателей, фининспектора и соседей — не бойся ничего. Надо работать. Какие великие страницы лежат на твоём столе... Завтра я всё перепишу...перепишу много раз...Чтобы ни одно слово твоё никуда не исчезло. Ни войны, ни пожары, ни злоба людская, ни потоп вселенский не тронут твоих страниц...Сильное, ровное будущее у этого мира. В нём будет место человеку — а у человека в руках твои книги...Я слышу запах, чувствую пальцами плоть бумаги...Как хорошо...Только сейчас не бойся ничего. Я здесь...живая...Не бойся ничего...Ни жуков, ни пауков...

Голос затухает, свет медленно загорается.

Он всё время за своим столом. Сидит и пишет. Она входит, приносит много цветов, сервирует стол.

Он (пишет, вслух). «А скажите, напиток им давали перед повешением на столбы?» — «Но он, — тут гость закрыл глаза, — отказался его выпить». — «Безумец, — сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задёргалась жилка, — умирать от ожогов солнца. Зачем же отказываться от того, что, предлагается по закону?» *(Пишет).*

Нет, игемон, он не был многословен на этот раз. Единственное, что он сказал, это что в числе человеческих пороков одним из главных он считает трусость.

— К чему это было сказано? — услышал гость внезапно треснувший голос. — Этого нельзя было понять...*(Пишет).*

Она входит, приносит, уходит.

Резкий звонок телефона.

Из глубины Её бледный голос.

Она. Тебя — Вождь.

Сверху опускается огромная телефонная трубка.

Он берёт её обречённо.

Вождь. С вами я говорю. Здравствуйте.

Он. Здравствуйте.

Вождь. Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами! Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... Где Вы хотите работать? В Художественном театре?

Он. Да. Я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

Вождь. А Вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. (Мягко, доверительно, вкрадчиво). Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами...

Он. Да! Да! Очень мне нужно с вами поговорить.

Вождь. Да, нужно найти время и встретиться, ...обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего.

Трубка ускользает из рук.

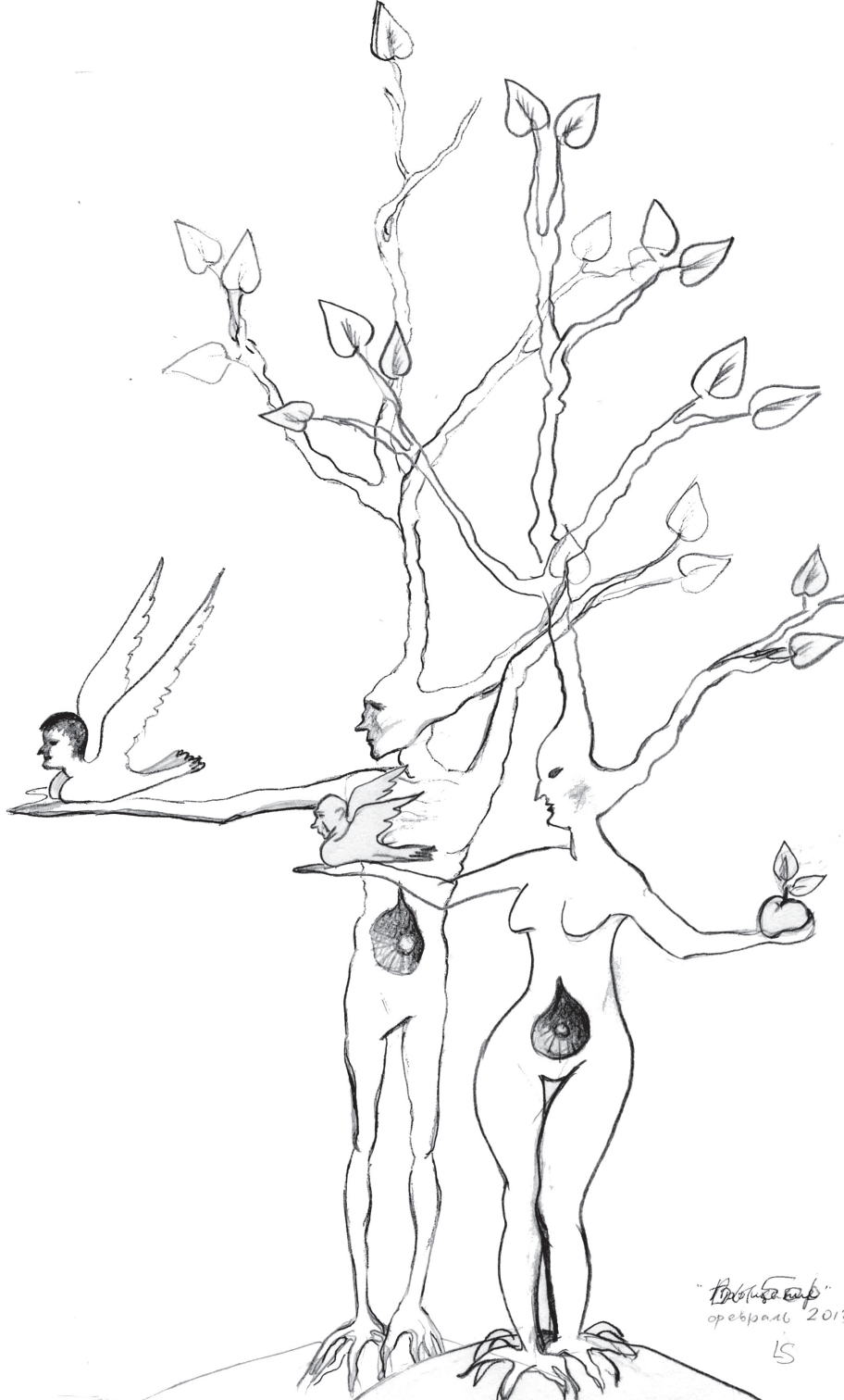
Поэт долго стоит между 2-х столов. Медленно идёт, выбрасывает пистолет за сцену, подходит и ложится на стол, как в гроб... Вокруг цветы.

Женщина входит, идёт к Его столу, берёт верхний лист из стопы, свет затухает и она читает:

«Никогда не разговаривайте с неизвестными. Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве на Патриарших прудах...»

Голос её рвётся, дрожит и уходит в рыдания.

1982 г.

"Л.С."
опебпав 2011

ЛС

Часть 6
Смейся Вечность

СТИХИ

Автобиография

Впервые поцеловала Землю в середине января 1950 года. Есть свидетельство:

*В середине века, ровно
В полночь, вьюгой задыхаясь,
Я, на звёзды натываясь,
Этот шар земной, огромный
В первый раз поцеловала
И заплакала: я — дома.
Ровно в середине века
В полночь, вьюга тихо злилась,
И две створки у ореха —
Я и век — соединились.
Мною начиналась тайна
Новой половины века,
Я вернулась из скитаний
Умудрённым человеком.*

В пять лет читала гостям своё любимое стихотворение А. С. Пушкина «Поэт, не дорожи любовью народной». Как сейчас помню — ни одного слова не понимала, но чувствовала ВСЁ.

Поэту

Поэт! Не дорожи любовью народной.
 Восторг зрительских похвал пройдёт минутный шум;
 Увелишишь суд глупца и смех толпы голодной,
 Но ты остаешься тверд, спокоен и упрям.
 Ты царь: зрелище один. Дорогого свободной
 Уди, куда влечёт тебя свободный уик,
 Усовершенствуй плочки любимой друи,
 Не требуй награды за подвиг благородный.
 Оки в сапогах твоих. Ты сам свой высший суд;
 Всех строже оценишь уикомы твои труд.
 Ты или доволен ли, взыскательный душоурик?
 Доволен? Так пускай толпа его бранит
 И плещет на алтарь, где твой огонь горит,
 И в детской резвости колеблет твой треножник.

Александр Пушкин

Следующие лет сорок ушли на исследование самых потаенных уголков души, преданности СЛОВУ и отбора критериев.

Эту бездну в себе я измерила
 собственным словом:
 Ошибись я однажды,
 ко мне никогда не вернётся
 Холод сонных долин, где и жизни
 не ткётся основа,
 Эхо чутких снегов, над которыми ангел несётся.
 Ошибись я однажды — была бы сыта и одета
 В плен шелков, о которых мечта
 износилась в лохмотья...
 Эту бездну в себе я измерила жизнью поэта,
 Вырываясь из плена безжалостной,
 царственной плоти...

* * *

Без небесных хоров, без видений
Дни и ночи тесны, как в гробу...
Боже! Не от смерти — от падений
Защити бесправную судьбу.

Чтоб, истерзан суетой и смутой,
Без любви, без подвига, без сил,
Я стеной постыдного уюта
В день грозы себя не оградил;

Чтоб, дымясь по выжженным оврагам
И переступая чрез тела,
Мгла войны непоправимым мраком
Мечущийся ум не залила;

Научи — напевы те, что ночью
Создавать повелеваешь Ты —
В цель, непредугаданную зодчим,
Для столетней прятать немоты.

Помоги — как чудного венчанья
Ждать бесцельной гибели своей,
Сохранив лишь медный крест молчанья —
Честь и долг поэта наших дней.

Если же пойму я, что довольно,
Что не будет Твоего гонца,
Отврати меня от добровольной
Пули из тяжелого свинца.

Даниил Андреев

С 45 лет стали приоткрываться тайны жизни, смерти, творчества, любви. БЫЛО БОЛЬНО...

*Я исчерпала собственные сны.
Нагруженные тайнами корветы
Уплыли в явь и тишину рассветов,
И реки подсознания чисты.*

Я исчерпала знание о том,
 Чего на самом деле нет в помине:
 Всё, что я знала, было только Имя —
 Холодный воздух обожжённым ртом...

Я погасила памяти пожар,
 Обманутая опытом столетий,
 Я здесь спросила — мне не здесь ответят...
 И вмятен стал мне жизни тёмный дар.

Еще через десять лет случилось главное: во весь рост предстали передо мной все мои страхи, иллюзии и сияющая разобщённостью гордыня. Пришлось со всем расстаться. **БЫЛО ОЧЕНЬ БОЛЬНО... ОЧЕНЬ...**

Володе Т.

Как больно мне меняют оперенье...
 Так дерзко, так бесстрашно-горячо
 Заштопать крылья огненным лучом...
 И я молитвой укрощала пеньё.
 Звенит душа, луч тянется, в ночи
 Гудят крыла, наполненные светом...
 И в том, в ком мой полёт совпал с рассветом,
 Мой новый голос, как орган, звучит...
 Как больно мне меняют оперенье...

Несомненность покоя. Пришла любовь... Чудом не обделена.
 Впереди — бессмертие. Других критериев не приемлю.

Ирине Николаевой

Когда у меня не останется снов
 И я изношу своё прошлое солнце,
 Однажды под утро свобода вернётся,
 А двери закрыты на прочный засов.

Когда у меня не останется грёз
 И радостью стану делиться безмерно,
 Всесильная жизнь враз потребует веры,
 А я не поверю, что это всерьёз.

Когда у меня не останется Я
И все обретенья окажутся ложью,
Я сделаю то, что сейчас невозможно,
И Вечное Солнце взойдет из меня.

6 января 2013. Сидней.

* * *

Бог спел меня.
Одним протяжным звуком,
Единственным, который подошёл мне,
Заполнил даль миров и дальние дали —
Длину волны всем сообщая сразу,
Как знак, как пропуск — в нём мое бессмертье.
Всю память о себе не утаил Он:
Всё выдохнул в меня с таким доверьем,
И, отзвучав во всех мирах и далях,
Звук возвратился в точку притяженья:
Я помнила еще в четыре года: яйцо светилось звуком —
Это я. Так получила я себя в подарок:
Бог спел меня и отдохнул немного.

* * *

Час ночи. Я не сплю. В меня
Из старой книги дверь открыта...
В крови живой поток огня...
Нездешним, сумрачным, забытым
Повеяло издалека
Моих же собственных окраин...
И там, где я себя не знаю,
Вскипала памяти река...
И кровь несла навстречу мне
Осознанные сны потока.
И запредельно одиноко
Мне было в кровной быстрине.
Себя читая по складам,
Переставала я лукавить...
И падала земная память,
Как платье ветхое к ногам...

* * *

Я кланялась от Азъ до Ять
Священным буквам, им молилась.
Просила оказать мне милость
Всей полнотой во мне звучать.
В иных мирах их след живой,
Как песню, слышала во сне я.
О большем рассказать не смею —
Богатыри стоят стеной.
Все ЗЗ, я им — слуга
И это — трудное искусство.
Они и есть — народ мой русский:
Азъ, Буки, Веди — азбука.

* * *

У прошлого нам хлеба не украсть —
Мы все кормились от его печалей...
Нас целовала тёмными ночами
Всеобщей боли сказочная власть.
И с каждым днем был этот хлеб сытней,
И ароматней на замесах крови...
Мы все любили сладость общей боли,
Ещё сейчас тоскуем мы о ней...
А радость билась жилкой на груди,
Да горький плач младенца так был светел,
Что страшно было это вдруг заметить
И догадаться: Бог на нас глядит!..

* * *

Ресницами земли трава растёт.
Глаза не прячут муравьи и дети.
За всё, что вижу, я одна в ответе?
Одна — за всё!

* * *

Враги России? Кто они? Где их искать?
Подойди к зеркалу: и таких — рать,
Если себе не врать.
А если пронумеровать,
То каждый — номер один —
Так кто нас победит?!

* * *

Меня измучила история:
Нет ни начала, ни конца.
Но Бог послал семь букв — гонца.
И зазвучало вдруг:
Из Торы я...
Круг, торсионные поля...
И ясность разум успокоила:
Во мне вращается земля —
Из Торы я...
Пусть вечно ускользает смысл,
Но раз и навсегда усвоила:
Опять по кругу льется мысль —
Из Торы я...
Я слушаю священный звук —
Реальность языком устроена
И катится за кругом круг —
История...

* * *

Мы ВСЕ лишь цифры после запятой,
И наша бесконечность в единице,
Стремление из круга будет длиться,
Пока последний ноль придет домой...

* * *

Я обнимаю ночь. Непониманием
Шумит прибор невысказанных мыслей.
И стороной обходит мыс Желаний
Корабль, который жизнь назад разбился.
Я вещей сон. Меня не разгадали.
Зачем я снилась? Это больно. Очень.
На паперти меня не тем раздали —
Теперь никто вернуть меня не хочет.
Моих желаний тайна недоступна
И мне самой. И даль моя — без края.
Зачем я снилась?! Это очень трудно...
Никто не знает?

* * *

Дети тащат Россию,
Связав свои крылья в канаты,
Из последних усилий,
Хотя им и страшно, и больно...
А когда вырастают,
Россия подносит им чашу расплаты:
Водку, ложь и кровавые тёмные войны.

* * *

На слёзной паперти разлук
Прошу с надеждой подаяние.
Всё зная наперед, заранее
Бесстрашно верю: ну а вдруг?
Проходит жизнь как благодать,
Как недоступная награда.
Я руку протяну — подать,
А ей — не надо.
Я вижу сны её дорог —
Она меня в лицо не знает.
Во мне смеётся добрый Бог:
И так бывает.
На слёзной паперти разлук,
Где разминулись те и эти,
Тружусь не покладая рук,
За всё в ответе.

* * *

В клочья карты старых обещаний,
В рыбью чешую завернут дождь...
За ночь так берёзы обнищали —
И десяток листьев не сочтёшь...
Пыльный запах страха метит в князи,
Осень тщится избежать разлук...
За окном от старой коновязи
Оторвался с болью Бежин луг...

Мир всё крепче держит за запястья:
Холод стали, скованной в замок...
Всё равно я выбираю счастье
Новых встреч, сомнений и тревог.

В клочья карты старых обещаний —
Карпы с неба падают дождями!

* * *

Как держится вода над нами,
Когда ни туч, ни облаков?[?]
Что проливается дождями
Над жаждой скошенных лугов?[?]
Несутся, как в мазурке, струи,
Поток резвится, как оркестр,
Что в этом звучном поцелуе
На землю падает с небес?[?]
Вода иль water по-английски —
Какая разница, — молчи.
Прислушайся, как в небе чистом
Звенят Кастальские Ключи.

* * *

Люди устали есть.
Люди устали спать.
Люди устали быть?[?]
Жизнь — это только месь
За неуменье жить.

* * *

А крайний — БОГ. К нему одни вопросы
И счет — без дна.

Как Он позволил?[?] Взрослый и серьёзный![?]
Чья здесь вина?[?]

За все злодеяния: люди хуже зверя —
Спросить с кого?[?]

Как Он посмел?[?] Он сам в себя не верил —
Не мы в Него.

А смерть детей? А нищета? А голод?
Ну как Он мог?!

Мы настрадались, вот и судим строго:
Какой Он БОГ?!

Мы судим с беспощадностью уродов,
Чей дух истлел...

ЕГО вина: Он людям дал свободу.
Да как ОН смел?!

* * *

Безликие владыки ночи
Украдкой ссуживали время.
И ложью будущих пророчеств
Из плевел прорастало семя.
Огарки слов таили смыслы
В надежде избежать насилья,
И, обогнав всё, обесмыслив,
Явился человек-мобильник...
И время, истекая ложью,
Закрыло счёт своим увечьям.
В величье мнимом обезбожив,
Стал человек — бесчеловечным...
Он силы истожил в борьбе —
Он Бога победил в себе.

* * *

Мы видим общий беспробудный сон
О том, что мы покинули свой дом,
Из жизни в жизнь нам суждено скитаться
И некуда сновидцам возвращаться...

Мы вымостили трупами планету -
Все в поисках несбыточной любви...
То ненавидим мы себя за это,
А то гордимся миром на крови.

Нам не даётся тайна бытия:
Во сне всегда всё спутано, невнятно...
Нам бы проснуться, да ума палата
Нас заставляет верить в наше я...

Из страха в страх и к смерти под крыло,
И радостью детей не напоили...
Во сне уютно: мы как будто жили —
Безумным, нам другого не дано.

Нам никуда не надо возвращаться:
Мы дома, нас любовь не предала...
Проснуться. Потянуться. Рассмеяться.
И жизнь поймет: я, кажется, спала...

* * *

Ты выбрал время?

Текучей жирной плазмой,
Колючее, ознобное,
Струится время в разуме,
Как под плитой надгробною.

Измерено, сосчитано,
Умножено, прибавлено,
Секундами убитое,
Столетиями затравлено.
От радости отмазано,
От совести отмытое,
Струится время в разуме
Привычную орбитую.
Жизнь прочадит огрызочком
Унылой тощей свеченьки
И разлетится брызгами,
Укрыв себя у вечности!

* * *

Закутанные в покрывало слов
Безмолвия не ищут —
Так надёжней пройти дорогой одного конца...
Бессмертных — нас страшит наше бессмертье...
Закутанные в покрывало слов,
Внутри себя мы жизнь проговорили
В придачу с вечностью...
Нам всё равно...

* * *

Ритм убежал. Из времени песок
 Не вытекает просто так...
 Без меры пел соловей
 И надорвал не горло — век соседний,
 Что в комнате напротив отдыхал...
 Теперь он не настанет для кого-то.

* * *

Бескрылье слов.
 Обманут день не зря —
 На вечность жизнь короче...

* * *

Моей печали не хватило нот:
 Одной иль двух...
 И промолчала Вечность.

* * *

Цветок, засохший в Книге Бытия,
 Неотразимо источает Память.

* * *

Прошёл старик, изъеденный в труху
 Бессмертной мыслью
 О конце живого...

* * *

Чем меньше слов —
 Тем откровенней жизнь:
 Прошелестела бабочка бесстрашно.

* * *

День истощал...
 В затылок солнца устремлены две птицы.
 Ищут что-то...

* * *

В июле жёлтый лист на перекрёстке —
 Я не готова
 К тёплым башмакам...

* * *

Два муравья до блюда доползли —
 Тысячелетие на часах пробило...

* * *

Ночь озадачена окном бессонным:
Да всё ли ладно?!

* * *

Грызу миндаль. Двенадцать на часах...
То время шелестит,
А то страницы...

* * *

Из снегопада, что вчера прошёл,
Скроили шубу белую берёзе...
Портной — вне конкуренции...

* * *

Лучом последним солнце оглянулось
На луг цветущий, где весь день
Ромашкой стать хотела...

* * *

Опять прибился к мыслям мусор —
Космический или земной...
Плётся, раздражаясь, Муза:
Работать трудно ей со мной!

* * *

Смеётся Вечность над моим добром:
«Что за плечами висится горбом?»
«Я прошлое тащу — груз не простой,
И впереди мешок мой не пустой -
В нем будущее. Планов громадьё.
Я свято верю — мы туда дойдём».
Смеется Вечность: «Подсобить хочу.
Бросай мешки, а я озолочу».

* * *

И снова чудо обновления,
Я просыпаюсь: за окном
Стоят могучие деревья
С молоденьким, как пух, листом.

Такая нежность в этих кронах,
Такая сила бытия,
Что, может быть, смогу и я
Листом проклюнуться зелёным.

* * *

«Счастливой книге» С.С. Коновалова

В открытых окнах по ночам
Гуляет ветер...
Всю ночь горит моя свеча —
Вдруг Бог заметит!
Я начинаю новый день
Внутри столетья.
Не я отбрасываю тень —
То солнце светит.
Мне никому не объяснить
Сейчас и после,
Как я хочу светить, светить
Всё ярче, больше!
Свет разгорается в ночи
С величием солнца...
А если две горят свечи,
То мир спасётся?
А если три, а если пять?!
И Бог бесстрашно
Через меня готов познать,
Как жизнь прекрасна.

* * *

Гале Григорьевой

Пять тысяч лет я отдаю в подарок
И три из них — до Рождества Христова.
Случилось так, что я была писцом,
Свидетелем, участником, невольным
Историком судёб и сúdeб
Всех событий мира...
Пока, признаюсь, мне не надоело

Всё видеть так, как я же написала...
Историю рождает каждый взгляд
На жизнь со стороны,
И время, тайную уловку лжи,
Рожаем мы, беременные страхом вечной жизни.
Пять тысяч лет я отдаю в подарок
И много больше, если пожелаешь.
Себе оставлю лишь звучащий посох
Да старую котомку, дно которой
Дырявее любого решета,
Но хорошо просеивает звёзды.
И нет названья у моих богатств,
И я не чародей, не летописец —
Я этих звёзд глаза, душа и руки,
И объяснить тебе не в силах я...
Бери, что хочешь — мне моё оставь.

* * *

Раскалённый и одинокий
Древний камень в песках горячих...
Тело выпито раньше срока,
И глаза от жары незрячи...
Я всю ночь на священном камне
Пролежала в пыли озноба,
Всю себя рассказав стихами
По ту сторону слова...

* * *

Пространства зелёное платье:
Бессмертны его фасоны,
Крылаты его объяття
И очи его бессонны.

* * *

Горячий ветер золотых пустынь
Приносит раскалённое дыханье...
А при дороге чёрный древний камень
За тысячу столетий не остыл...

* * *

Живая слышимость Луны
Вчера опять пошла на убыль...
Звук пили только птичьи губы
На тёмном вдохе тишины.
Душа земли плыла в ночи,
И Свет звучал, как хор тревожный,
И птицам было невозможно
Спеть эти лунные лучи:
Звук только пили птичьи губы
На тёмном вдохе тишины.

* * *

В меня спустился певчий царь
И сел на веточку сознания...
И закружилось мирозданье,
Заполнив призрачную даль...
Озвучивая ход планет
И шёпот звёздного восторга,
Парил сквозь золотое горло
Звучащий Свет...
Лелеял, озарял, искал,
Ласкал, кудесничал, резвился,
Каное легким в ночь умчал
И золотом во мне пролился...

Смеялся Пушкин

Сегодня утром смеялся Пушкин
В соседней комнате. Громче всех...
Гремели грозы, резвились пушки,
Кружились звёзды под этот смех.
Меня бесстрашно спасало чудо:
На темной лестнице свет зажгли!
Смеялся Пушкин — как бил посуду:
Я заплатила его долги.

6 июня 2013г.

Блоку

По вечерам, над ресторанами,
Роня свет живой Луны,
Проходит жизнь с улыбкой пьяною,
Как будто незнакомы мы.

Я, как любовник, ею брошенный,
Ловлю огонь её очей,
Под насыпью, во рву несокошенном,
Со смертью изменяю ей.

Как призрак, без примет и имени,
Теку в обманчивую даль.
И верю, как живой: обнимет там...
Аптека. Улица. Фонарь.

16 января. Утро в Австралии.

10 часов 15 минут — 10 часов 25 минут.

* * *

«Берёзовую рощу» Левитана
Мы съели вместе с радостью голодной.
Был очень вкусен свежий крем сметанный,
Как облако воздушное над Волгой.
Сияние пейзажей, страсть багетов,
Смех Чехова, добавленный в палитру...
Над Плёсом увядающее лето
И имя Левитана как молитва.

31 августа 2012г. Плёс «Берёзовая
роща» — торт на празднике в музее
Левитана

Прощальное

Разматываю нити вещей снов,
Плету из них обманчивое чудо,
В котором жизнь, сбежавшая оттуда,
Похожа на простое ремесло...
Совсем не так струится синий дым
Густого шёлка вокруг моих коленей...

Моей походки время не отменит,
 Оно спешит — я властвую над ним.
 Нас не спасёт разлуки дар земной,
 Бессмертно всё, что с нами не случилось...
 И дерево росло, и вечность длилась,
 Как крылья за измученной спиной.
 А вещей снов отсроченная месть -
 Лишь удобренье для моих восторгов...
 К тому же этой смесью лечат горло,
 Когда душа звенит, а не запеть.
 Бессмертно всё, что с нами не случилось...

* * *

Стекланный сон разбился — не собрать.
 Не все осколки отыскать сумела...
 Прозрачный мальчик, тоненький, вне тела,
 Поймал и стал стекляшками играть...
 Он строил замки из моих разлук,
 Искал в моих морях своих драконов...
 Мы были с ним бесстрашно незнакомы,
 Как линия, не помнящая круг...
 Он рос, как дерево, пил небеса,
 Не торопился жить — он знал, как надо...
 И дорожил единственной наградой:
 Стекло в кармашке — мой осколок сна...

* * *

П.Б.

Мой спутник по белым ночам,
 Мой рыцарь печальный.
 Горит среди леса свеча
 Мерцаньем венчальным...
 Живой, обжигающий свет,
 Крылатые тени...
 Мой спутник. мой рыцарь. поэт —
 Душа в нетерпенье...

Молчит заколдованный бор,
Тропинки запутав,
И наш золотой разговор
Кончается утром...

И выхода, кажется, нет,
И все слишком ясно...
Мой спутник, мой рыцарь, поэт —
Все будет прекрасно.

* * *

Бессонницы священное число —
Арабская цифирь в расчетах мага...
Ночь плавится, как на огне бумага,
И в щель дверную время утекло.
Счастливый суфий — жил в каких веках?
Остался книг тяжёлых запах пыльный.
А сами книги, очевидно, сгнили
Иль как иначе обратились в прах...
Любовью протекая, как рекой,
По той далёкой, тёмной, жадной жизни,
Как он наткнулся — точною рукой
На мой бессонный золотой покой
И угадал, весёлый и святой,
Арабскую цифирь как вход в отчизну.

Игра в прятки в пустой комнате

Играли дети в прятки. С простотой,
Которая, как мудрость, в них бесценна:
Как не найти иголки в стоге сена —
Так не найти их в комнате пустой...
Играли дети насмерть с пустотой.

* * *

Так недоступно зелёные сны столетий
Таяли в окнах моих голубых окраин.
В кронах деревьев плакали птичьи дети,
А дерево думало, что дети так шумно играют.

Всё наполнялось неожиданно вселенским чудом:
В каплях дождя плыли письма от Океана,
В розовом облаке плакал земли золотой рассудок —
Слишком серьёзной казалась ему наша общая рана.

Камни лелеяли солнечный дар свободы.
Где в них таится сердце — ящериц спросим...
Два-три поэта писали ночами высокие оды,
А остальные всё больше про нищую осень...

И шелестели крылами в моём откровеньи
Странные птицы в хрустальных манишках, во фраках...
Жизнь целовала меня от мгновенья к мгновенью...
Зря я была отстраненно холодной... Заплакать.

* * *

Шёл август. Плодоносил сад.
Стрекозы небо целовали.
Туманы застилали дали.
Бесстрашно плодоносил сад.
Шел август. Сорок лет подряд.

* * *

Небольшое стадо божьих коровок
Пасётся на лугах моей радости.
Другой пищи они не признают.
В урожайные годы
Небесного молока
Бывает вдоволь.

* * *

Процеживаю небо счастьем глаз,
А стрекоза разыскивает вечность
На бреющем полете...
Для неё — меня не существует,
Я богаче: она мне — радость.
Даже в вечной жизни
Её я не забуду...

* * *

Ползёт улитка по листу,
Целуя усиками вечность...
Мне одолеть её версту
Не хватит жизни...

* * *

Целует сумрачные сны
Невнятный шёпот звёздной доли...
Так свет сочится в мрак подполья
Лучами первыми весны.

* * *

Мгновения обугленная нить
В бесцветный ветер времени вплетает
Тот аромат, который вечность знает:
Его лишь в смерти можно повторить.

* * *

Инне Пакета

Таинственно разыгрались
Лиловые сны пространства.
Уснули змеиные дети
На паперти синих лун...
И никому не ясно,
Откуда явились ветры,
Умытые Океаном,
Которого нет на земле...

* * *

А прочитать послание жары
Не смеют даже мудрые деревья:
Обугленные листья пышут жаром,
Измученные жаркие стволы
Заплаканы слезинками смолы —
Земля сжигает нашей злобы жало.
И мы опять всем на Земле должны,
Но в нашу честь и муравьи не верят.

* * *

Здесь тучи с рассеянным взглядом бездонным
 Бродят в небе, а после — дождя не бывает...
 В окно Ферапонта стучусь, но молитвы не помню,
 И белая ночь, белой птицей в глаза заглянув, пролетает.
 Крылатые сны шелестят у меня в изголовье,
 В них кисти художник в озёрах отмыл от лазури...
 В окно Ферапонта стучусь, а молитвы не помню.
 И белая ночь держит солнце рассветное в клюве.

* * *

Серебряный покров Нивены
 Сулил в начале января
 Морозов кружевную пену...

* * *

Живой реальностью разлук
 Измучены душа и память...
 Все расставанья — в воду камень,
 Но на воде не вечен круг.
 Жизнь в разделенье — тёмный жар.
 Нам и себя-то не заметить...
 Сейчас нашёл — вчера сбежал —
 Чем будущее нам ответит?
 Нас держит золотой крючок,
 Наживка — страх перед бессмертьем.
 Нам этот страх страшнее смерти,
 И он определяет срок —
 Короче некуда — поверьте.
 Здесь место наших вечных мук:
 Мы убываем, убываем...
 И муравьиной жизни круг
 В сравненье с нами вечность знает.

* * *

Евгению Морозкину

Одолевая ночь — чернее боли,
 Построив дом у вечности в углу,

Откуда и сбежать я не смогу —
Уже не гость — хозяйка поневоле.
Похожий труд не одолел Сизиф,
Но я трудилась с тихой жаждой мести:
Дом на песке обрушится на месте!
И вместо дома получила миф.
В нём жизнь идет, как в Книге Бытия,
Счёт потерям и тайнам, и причинам...
Меня в нём узнают два-три мужчины,
Которых, как себя, отвергла я.
А миф растёт, наматывая срок,
Им причастились те, кто здесь и не был...
Меня искали тайной среди строк,
Не разглядев звезды в безлюдном небе...
Я ускользнула, мифу вопреки.
Мне жизнь опять спасли мои стихи.

* * *

Выгуливая память в зеркалах,
Изъеденных глазами незнакомцев,
Не мной себе пропетая хвала
Вдруг засияла лучезарным солнцем.
Стекала плоть и облекалась в тлен,
А светоносность сути проступала,
Где ничего не требуя взамен,
Большое солнце в маленьком сияло.
Я бросилась вдогонку... Только тень
На месте солнечных лучей смеётся...
В неловкости судьбы дымится день
И в зеркалах гуляют незнакомцы.

* * *

В моих стихах запуталась судьба:
Не я её — она меня вела,
И там, где во весь голос я не пела,
Моя судьба мою не была.

Молитва

Мой страх, жестокосердие и невежество —
Вот всё, что могу предложить тебе, Господи,
В обмен на непреходящую радость жизни.

Возьми, Господи, то, о чём Ты много раз просил
Со смирением нищего, а я не слышал Тебя...
Сейчас я сам прошу: возьми, Господи,
Мой страх, жестокосердие и невежество
И верни мне крылатую лёгкость души моей...

Из Любви, пришёл я, Господи, в Любовь я и уйду,
Но не нахожу я Любви в себе самом, блуждая
В потёмках своего страха, жестокосердия и невежества...
Не побрезгуй, Господи, ещё раз этим даром моим.

Верни мне, Господи, то, что Ты никогда не терял,
А я умудрился заживо похоронить под спудом
Своего страха, жестокосердия и невежества:
Верни мне, Господи, меня самого...
Не прошу, Господи, — меняю
На свой страх, жестокосердие и невежество...

Всё, что накопил я, Господь мой, без сожаления
Отдаю тебе только сейчас: вчера ещё жалко мне
Было, Господи, этого безумного богатства моего:
Страха, жестокосердия и невежества.

Неутолённая радость жизни, полёт души,
Любовь и я сам — прими этот дар, Господи!
Это всё Твоё! Спасибо, что дал взаймы...
Аминь!

Ночь на 28 декабря 2006г

* * *

Володе Тетельбауму

Я вышивала вещей сон
На вечном полотне:
Катилось солнце колесом
С умытым радостью лицом

И улыбалось мне.
Я вышивала всё подряд:
Гладь озера, ручей,
А в озеро глаза глядят —
Меня чарует этот взгляд
Сиянием лучей.
Я вышивала вздохи волн:
По голубому — свет.
И Океан был страстью полн,
И было ясно: очень он
Любил меня в ответ.
Сбывался сон, тянулась нить:
Свет ткал себя и ткал...
Я догадалась — вечно жить
Никто мне не мешал.

* * *

За мной ухаживал один
Немного шумный господин.
Зато в шинели генеральской.

Всё басом, всё шумел, жужжал
И явно что-то обещал,
Но я боялась его ласки.

Он сердится, перечит, врёт
И он без усталости поёт,
Но знаю я, что всё напрасно:

Боюсь я блеска эполет
И всё отмахиваюсь: нет,
Я просто очень не согласна.

Лишь появляюсь — он запел:
Гудят все семь шмелиных тел,
А честь отдаст, совсем мне лихо:

Он жало выпустит вот-вот.
Момент поймав, нашла я ход —
Мне просто стать пришлось шмелихой...

* * *

В расплавленном на солнце шоколаде
 Торжественные пальцы омывая
 И языку рассказывая сказки
 Бразильских снов, старух и стариков,
 Я постигала через сладость нёба
 Какое-то забытое наречье,
 Шершавых букв неровности и силу...
 Рабами на плантациях трудились
 Коричневые пальцы, истекая
 Тяжёлой, вязкой, шоколадной кровью:
 Как много солнца в плитке шоколада
 И памяти о том, чего не вспомнить.
 Как хорошо, что брезговать не стала
 И облизала пальцы...

* * *

Великому Будущему Океану

Я встретила с пришельцем наяву:
 Он был красив негде, отстранённо —
 С какой планеты? Где? Когда рождённый?
 Ответа на земле я не найду...
 И встречи он со мною не искал:
 Он просто был — наполненно, нетленно,
 Живой воды таинственный бокал,
 Где в каждой капле память всей Вселенной.
 Я погрузилась в его воды трижды...
 Он осторожно мыслью приласкал.
 И с той поры сон обречённо вижу:
 Лечу к звезде по имени Байкал...

* * *

Столпотворились синие медведи
 На золотой опушке.
 Жизнь сбежала из старого ручья.
 Последней каплей напился желудь (и откуда взялся?).
 А дальше — больше:
 В зелёной кроне золотая птица,
 Невиданная в этом полушарье,

Красиво пела о столпотвореньи
Медведей синих...
В чём всему начало?
В ручье? В медведях?
В золотой опушке?
В последней капле?
В жёлуде? В росточке?
В зелёной кроне? В птице? —
Как прикажешь...
Конец лишь неизвестен —
Нет конца.

* * *

Почти пародия

Январило. Ярилось Ярило,
Индевели и сосны, и ели.
Ели, ели трещат в самом деле,
Только снег на реке как побрило.
Водоёмно с утра глубинели
В темных омутах мёрзлые черти...
Январило. Метались метели
И душа коченела бессмертьем.

* * *

рот наклонив к излучине слова,
пытаюсь лизнуть языком,
пытаюсь...шершавую плотью,
живой лопатой достать, дотянуться,
хотя бы сбоку чуть-чуть обслюнявить,
слизнуть по буквам... пы-
таюсь!
Так жизнь загостилась в моей попытке —
жива и сегодня...
но смертью голодной угасло слово.

* * *

В зелёной радости огней
Апрельских первых трав
Проснулся к жизни старый пень
И оказался прав.

* * *

От Океана пахло потом —
Он выполнял свою работу
Всем напряженьем мощных мышц...
И билась солнечная мысль
В тугое брюхо кашалота.

* * *

Если в доме пахнет хлебом,
Значит, в доме пахнет раем.
Кто в раю домашнем не был —
Тот бездомным умирает.

Руе (англ.) — рожь. Читается: рай

* * *

Ночь одна, как тысячи
Всех ночей до этого,
Чёрная владычица,
На неё не сетую.
Радости все горестны,
Все надежды — по боку,
Контур новой повести —
Очертанье облака...
Все восторги ложные,
Тайны все замучены.
Рифмы невозможные
Наизусть заучены.
Сто ночей бессонницы
В ночь одну сливаются.
Будет долго помниться
Чёрная красавица.

* * *

В доме должны быть красные свечи,
Поздней осенью в стылый вечер,
Когда дух, никем не замечен,
Идёт по лестнице вам навстречу
И на старом венгерском наречье
Что-то бормочет по-человечьи,
О, не бывайте слишком беспечны:

Не зажигайте белые свечи...
В доме должны быть красные свечи.
Старого духа тёмные речи,
Старого духа зябкие плечи...
Если зажжёте вы красные свечи —
Их пламя время текучее лечит.
Время, стекающее с пальцев вечных
Можно увидеть при красном свете...
О, я надеюсь: вы не беспечны —
Во всех канделябрах красные свечи.

* * *

Опять всплывает старый кит —
Седое, древнее пророчество.
Зовёт? Молчит? Или бормочет что?
Зачем я сплю, а он не спит?
Мой сокровенный Океан —
Лишь рама для китовой силы.
В нем ритм приливов и отливов,
Живая сила Инь и Ян...
Баюкаю седую мглу
И лунный свет хребта китова...
Баю... — Без музыки и слова...
Пою. Не знаю. И могу.

* * *

В каждом таится открытая рана
Злой одинокости...
Этому поздно, этому рано —
Страшно над пропастью.
Сны обещаний безжалостно выжжены
Собственной робостью.
Сами себе и чужие, и ближние:
Старые новости...
Ждать — не дожидаться другого, из прошлого
Оклик безжалостен...
Поздно ли, рано ли, дорого, дёшево —
Нет, и не жалуйся!

Протирая старую бронзу в гостях

Норе Крук,
австралийской поэтессе

Бронзовая смелость
Старых пыльных тайн
С чем-то во мне спелась —
И возник Китай.
Ветер Поднебесной
Рассказал без слов,
Как была невестой
Двух китайских снов.
Жаловал приказы
Первый — как мне жить.
Отказалась сразу я его любить.
Был второй бесстрашьем
Лебединых крыл,
Ни о чем не спрашивал —
Он меня любил.
Бронзовым приветом
Из эпохи Сун
Сон счастливый, где ты?
Я сейчас усну.

Норе Крук

Большие деревья сквозь ночь растут,
Их корни пьют серебро
Далеких лун на краю минут,
Где время давно прошло.

Большие деревья целуют день
На тысячи лет вперед...
Кого спасёт их святая тень?
Где семя их упадёт?..

Большие деревья уходят прочь:
Все сроки — у них в крови.
Они приходили, чтоб нам помочь,
Не выжившим без любви...

* * *

Нездешней музыкой в ночи,
Избытком человеческой речи
Звучали губы, пальцы, плечи,
Отбрасывая в ночь лучи.
А я была в плену у вас,
Я так стремилась вам навстречу
Лучами губ, и рук, и глаз —
Избытком человеческой речи...

Старица

Вот и золотое дно
Дня, прожитого беспечно.
Затаился синий вечер
С тихой песней заодно.
Недопитое вино
В сине-золотом бокале,
Две жемчужинки упали —
Две слезиночки — на дно...
Большой правды не дано.
Догорает синий вечер
Дня, прожитого беспечно,
С тихой песней заодно.

* * *

Себе

Что делать с этой музыкой? —
Обрушит весь этот мир непрочный, — не спасёт...
Иль насмерть каждой нотой захлестнёт,
Или во сне, как памятью, задушит...
Закрой рояль. Ключ утопи в реке.
И будем жить, не нарушая лада...
Но знай, что если не вернусь из сада
Однажды осенью — и ждать не надо:
Кто-то играл в туманном далеке...

РОМАНС

Не теряйте звезду. Я целую холодные пальцы
Музыканта, сбежавшего в старую песню разлуки...
Разминулся с собой и бредёт одиноким скитальцем,
Только клавиши помнят его наречённые руки...

Не теряйте звезду. У её отдаленных окраин
Среди синих лучей заблудился мой голос высокий.
Так себя и находят — другого пути не бывает:
В старых песнях иссякли и тайны, и смыслы, и сроки...

Не теряйте звезду. Я целую холодные пальцы
Музыканта, забывшего ноты вне звёздного дома...
В чёрном небе рояля звезде навсегда отражаться...
Эти руки, мой голос, звезда — мы так странно знакомы.

* * *

Случилось чудо в январе:
Купала розы в ноте Ре,
Но помнила, как до того
Бродила в сказке ноты До.

Играл знакомый пианист,
И попросила я на бис
Сыграть заветное, одно...
И он сыграл мне ноту До.

И зажила я до начал,
До смыслов, до любви, до встреч...
И не рояль, а мир молчал,
Пытаясь жизнь во мне сберечь.

И в продолжение зимы
Из ноты Ре, из роз январских
Звучало трепетное Ми
И пахло миндалям и сказкой.

И не было ни в чём греха,
А просто падали преграды,
Живой росточек ноты Фа
Был марту снежному наградой.

Как тихо отступала боль,
Как разливались свет и нежность,
Как полнозвучно пела Соль —
Надежды сбывшейся подснежник.

Июнем юная земля
Целует сны короткой ночью,
И в них ликует нота Ля,
Поёт во мне, любовь пророчит.

И всё: проси иль не проси,
Сбегай, спасайся, протестуя:
Вершиной гаммы нота Си
Как страсть в уста меня целует.

Любовь и жизнь — опять одно:
Их музыка вспоила смыслом,
И я целую ноту До
В седых усах у пианиста.

* * *

— Я тебя снил...
— Какой печальный сон:
Я в нём была английской королевой.
— Ты боевого сокола жалела,
Когда склевал твою перчатку он...
— Я помню кровь: он ранил палец мне.
— И ты его тогда поцеловала!
И было счастьем для меня во сне
Поднять твоё лебяжье покрывало...
— Но сон был долгим...Помнишь, что потом?
— Я помню холод бешеных кинжалов,
Когда приник к тебе он жадным ртом...
— И мести я твоей не избежала...
— Но он ушёл. И сокол улетел.
Перчатка кровью голубой алела...
— И стала я английской королевой,
Едва проснувшись... Ты того хотел?!..

* * *

В великом постоянстве перемен
Опять не я захопываю дверцу.
Как от меня те звуки далеки...
Но жизнь целует беспощадным скерцо
В четыре очарованных руки...
Жива. Боюсь. И никуда не деться.

*Попытка помочь себе
в безрадостном декабре*

И, наконец, я насладилась солнцем
За этот, наступивший вдруг, июль...
Вчера я вышла замуж за японца
И поселились мы у мыса Бурь.

Наш дом был полон света и простора,
На башне ветра у прибрежных скал
Вели мы по-японски разговоры,
Но лишь по-русски он со мной молчал.

Английский был нам навсегда не нужен:
Друг друга понимая дальше слов,
Был праздником любви японский ужин
И смыслом жизни русская любовь...

Как на курорт, тайфуны, ветры, шквалы
К нам прилетали, чтобы погостить...
Их буйство, дерзость, сила не мешали,
Нам от души их, как друзей, любить.

Летели дни, и в каждом было солнце,
И не было ни мрака, ни зимы...

Сто лет назад я вышла за японца:
У мыса Бурь жизнь праздновали мы.

21 декабря 2006 г.

* * *

Умели расставаться на века
С таким весёлым, лёгким, жарким смехом,
Как будто прощя нет — взять и уехать,
И в нетерпенье поднята рука...

Закутаться в блестящий тёплый мех,
Скользнуть вокруг прощальным быстрым взглядом,
И лошади, разбрасывая снег,
Рванули с места, скрывшись за оградой.
И всё... И даль дорог, как сон пустой
Позёмки, колокольчиков, озноба...
И белые, бесстрастные сугробы
Пленяют отрешённой красотой...
Но только бы он глаз не увидал!
И губ холодных не посмел коснуться!
И только бы к утру живой очнуться!
И пусть бы лошадей ящик загнал!

* * *

Они оставались. Поэтому им
Было чуть-чуть попроще...
А я уходила в зелёный дым
С утра зашумевшей рощи...
Им был непонятен мой каждый звук
В той ветреной партитуре...
Такое бесстыдство таких разлук
Они не прощали дуре...
Я знаю, что это у них любовь —
Как могут меня спасают.
А я им в ответ крылатую бровь:
Без слов, а вызов бросаю.
Им не дано меня поместить
В старую песнь-шкатулку...
И я обещала их тоже любить
До первого переулка.

* * *

Молился ромашковый луг на закате:
На запад они открывали объятия
И пили лучи золотой сердцевиной
И знали: любимы!
Любимы!
Любимы!

* * *

Тане Кузнецовой

Солнце бьется в земной гортани,
 И никто ничего не знает...
 Отплываю от всех Испаний,
 Все Америки — закрываю.
 Голос мой, соколёнок ясный,
 Научился в пути молиться:
 Кровь небес не течет напрасно,
 Не разбавить её водицей.
 Мне давно не бывает страшен
 Отдалённый туземный берег:
 Папуасов отмыть от сажи,
 Подарить им белые перья...
 И: «никто ничего не знает»,
 Написать на всех мониторах,
 И себя, как дар открывая,
 Человеком стать... — жаль, не скоро...
 Солнце бьётся в земной гортани,
 И никто ничего не знает...
 Все Америки — закрываю.
 Отплываю от всех Испаний.

* * *

 Ангелу Ваших книг —
 С.С. Коновалову

Над Вашим письменным столом,
 Чуть ноги свесив,
 Диктует книгу — новый том
 Чудесный Вестник.
 Снег серебрится за окном,
 Синицы песня...
 Над Вашим письменным столом
 Нездешний Вестник...

* * *

Александре Завьяловой

Матушка-водица,
Кланяюсь низко
Стеблем придорожным.
Тайна твоя близко —
Узнать невозможно...
Госпожа водица,
Ты откуда, кто ты?
Чей кувшин разбился
Для твоей свободы?
Царица-водица,
Пробудись от слова:
Памятью умыться
Я твоей готова.
Сестрица-водица,
Капельку за каплей
Пить и не напиться:
Тайна не иссякнет...
Матушка-водица,
Госпожа водица,
Царица— водица...

* * *

Михаилу Титову

Медь золотая старой трубы...
Не залатаешь чёрной дыры...
В детстве беспечном Бог подозвал —
Музыкой вечной Бог наказал.
Богу играешь, небу твой плач —
Должность такая — Божий трубач...
Медь золотая — плачущий рай...
Не залатаешь... Только играй...

* * *

Володе Крайнову

Дышала жизнь на заднем плане сна,
 Как незнакомцу: холодно, в затылок...
 День шёл сквозь сон: до тошноты постылый,
 Навязчивый, как ранняя весна...
 То сон, то явь смеялись мне в лицо,
 Но там, в затылке, холодно, спокойно
 Трудился кто-то молотком отбойным
 И разбудил!.. Подлецу из подлецов...

* * *

Льву Натапову

Тень золотого льва
 Падала, как восторг.
 Юною нотой Ля
 Тихо звенел восток...
 Гриву роскошных снов
 Робко вплетая в явь,
 В лодке с одним веслом
 Я достигала дня.
 Новорождённый взгляд:
 Утро, окно, постель...
 И золотого льва
 Рык открывает дверь...

* * *

**Евгении Лисицыной,
рижской органистке**

Открытую книгу зелёных пророчеств
 Листал шумный ветер холодного мая.
 Звучанию древних отечеств и отчеств,
 Как музыке старых органов внимая,
 Я шла вдоль колючей стены междометий:
 Меня окликали то ахи, то охи,
 Но я постаралась молчаньем ответить
 На мелочный вздор наступившей эпохи.
 В посланье оконных проёмов и шпилей

Читала я книгу о рыцарской доле,
И было понятно: здесь насмерть любили
И путали часто свободу с неволей.
Не в звоне мечей тот напев еле слышный,
Что землю вспоил утешительной лаской,
И шпили соборов не ветер колышет,
А музыка старых органов прекрасных.

Рига

* * *

И. П.

Глубокий сон под буквой Ять
Невнятен образом и смыслом...
У времени себя украсть
Случилось быстро.
И плачет лёгкая душа
В плену заветов...
Жизнь только тем и хороша,
Что здесь, об этом...
Печаль пространства помнит свет
Ушедших смыслов...
Спит Ять, которой больше нет,
Жизнь молча смотрит тебе вслед:
Ты был так близко.

* * *

В.П.

Всю жизнь ты вспоминаешь танец
Двух ангелов над колыбелью:
Был первый — Вечности посланник,
Второй — учил ему не верить.

* * *

Телескопам КРАО

Сзади меня возникли из тумана три белых ангела...
Не как рисуют их в детских книжках:
Юношами Бога...
Наполнили они своим дыханьем
И уплотнили странные тела,

Похожие на башни телескопов.
 Всё в их покое — устремленье к небу:
 Прижаты крылья, голова, как купол,
 Закинута...
 В глаза смотреть — кому?

Астроному

**«Когда я наблюдаю, я вижу:
 дохленькая такая галактика,
 ядрышко еле-еле, — а я её вижу!»
 В. И. Проник**

В центре самых далёких, едва различимых галактик
 Заблудилась душа, огорчённая собственным светом...
 Всех вопросов к Создателю детский запас не истратив,
 Трудно жить лишь с одним, так давно прозвучавшим
 ответом.

* * *

Тамаре

Перелистав лишь две страницы
 В Священной книге Бытия,
 Попробуй у себя учиться,
 Начни самой себе молиться,
 Тогда в тебе соединится
 В единый образ ты и я.

* * *

девочке Гале Хотяновой

В какие весёлые шкуры желаний
 Одеты китайские песни разлуки...
 В живой полосатой уютной пижаме
 Тигрёнок Йо-Ма целовал мои руки.

И падали ветры зелёного сада
 В зеркальную гладь окоёмов дворцовых.
 Давно всё, как пылью, покрылось досадой:
 Тигрёнок Йо-Ма вырос тигром суровым.

И я никому не посмею признаться:
С Тигрёнком Йо-Ма я всерьёз пошутила:
Царапать, играть и так больно кусаться
Тигрёнка Йо-ма это я научила.

* * *

Володе Тетельбауму

Как больно мне меняют оперенье...
Так дерзко, так бесстрашно-горячо
Защипать крылья огненным лучом...
И я молитвой укрощала пенье.
Звенит душа, луч тянется, в ночи
Гудят крыла, наполненные светом...
И в том, в ком мой полет совпал с рассветом,
Мой новый голос, как орган, звучит...
Как больно мне меняют оперенье...

* * *

Настойчиво сквозь сон скребётся мышшь...
Смешно: надёжны дедовские стены.
Так самым громким шорохом Вселенной
Тебя не разбудила твоя жизнь...

* * *

Всё хорошо, всё просто, всё легко,
И Млечного пути свет с молоком
В меня струится песнею неслышной...
Во мне гостит несовершенный Бог —
Он лучшая из всех моих дорог:
Во мне с надеждой совершенства ищет
И без меня познать себя не смог.

* * *

Без страха, сомненья,
Лишь только смущаясь немного,
В ладони Его возвратить свою душу, как песню.
В священном сиянии жизни пропеть себя Богу
И вспыхнуть звездой в золотых закромах поднебесья.

* * *

Таинственная свежесть синих роз,
 Волнение эвкалиптов на закате
 И Океана розовое платье,
 Скрывающее слишком дерзкий рост:
 Австралии священные объятия,
 И кажется: всё — сон, всё не всерьёз.

1993г.

* * *

Живой кусочек карнавала —
 Бразильский танец джакаранда.
 Мой юный спутник Карл Наварра
 В лиловом, дерзкий и нарядный.
 Несёмся буйным ветром нежным
 По старой улице Маквори...
 Слезинкой зависть неизбежна
 В торжественных зрачках магнолий.
 Как дань священного обряда,
 Затерянного среди столетий,
 В безумном буйстве джакаранда
 Приснится старикам и детям...
 Лишь строгий взгляд араукарий
 Прервёт круженье карнавала...
 Прощально прокричав «Ура им!»,
 Сбежит мой спутник Карл Наварра.

Письмо из Австралии в Россию

На день я живу вперёд
 Вас, оставленных далёко.
 Океан мне водит в окнах
 Волн волнистый хоровод.
 Ваш закат и мой восход
 Радостно играют в прятки...
 У меня здесь всё в порядке —
 Было там — наоборот.
 Здесь у времени свой ход:
 По законам непреложным.

Там я старше, здесь — моложе,
В общем, всё наоборот.
Эвкалиптов синий дым
В полдень — здешний праздник зноя...
Небо вечно голубое...
Робко счастлива под ним.

Эвкалипты

Цветы склонялись мне в ладонь
Пушистыми головками.
Сжигал оранжевый огонь
Всё тусклое, неловкое,
Что я несла в себе как сор,
Густой тоской облитая,
Но сжёт всё пламенный костёр —
Букет мой эвкалиптовый.

* * *

Из русской зимы в австралийскую осень,
Где солнечный март не исходит капелью,
Где в старых лесах осторожные лоси,
Играя, бодают большие деревья,
Где травы проснулись, но снежная нега
Ещё укрывает их, как одеяло:
Сугробы пушистого белого снега —
Лет тридцать такого в лесах не бывало...
А я осторожно по снежному насту
Иду к эвкалиптам, которые помнят,
И волн океанских глубинное счастье
Опять меня новой жизнью наполнит.
Мне бенксины рады — мы были знакомы,
И я признавалась в любви к милейлукам...
Мне странно, что я и в Австралии дома,
Как будто не знала с Россией разлуки.
Во мне равнозначны две родины детства:
Мечта и реальность — лишь так я едина...
И мне от Австралии некуда деться,
Во мне и Россия непобедима!

* * *

Искре и Льву

Плакали и пели франжипани:
 Рай я покидала ровно в восемь.
 Океанских волн живая память
 Мой прощальный сон с собой уносит.

Эвкалипты целовали руки,
 Признаваясь в откровенной страсти,
 В солнечном кружении милейлуки
 Сбрасывали кожаные платья.

Джакаранды раскрывают душу,
 Бенксии бегут за мной рядами,
 Тёмный шёпот золотого буша
 Застревает в ветках каннингамий.

Стая неутешных попугаев
 Умоляет разноцветной песней:
 «Сдай билеты! Рай не покидают!
 В нашем хоре голос твой уместен!»

У самой себя меня украли:
 Как вернуться мне назад — не знаю...
 Прорасту в ряду араукарий:
 Буду сниться золотому раю.

Голубые горы, Тропа Дарвина,
 Австралия, 31.12.2008 г.

Скульптурным работам
 Ларисы Смагаринской

Из ожидания любви
 Возникла линия. И память
 Всплеснула древними крылами
 В крови.

Из невозможности запеть
 Явилась линия восторга...
 Плоть лишнее в себе отторгла:
 Взле-теть!

Из невозможности объять
Случилась линия покоя...
Единым светом стали двое
Си-ять!

Из невозможности разлук
Открылась линия начала..
И жизнь согласьем отвечала
На вещих линий вечный круг.

Начало февраля 2013 г.
Австралия

* * *

Сквозь сны Тасмании текут дороги,
Мы уплываем в золотистый дождь.
Ты и сейчас меня как будто ждёшь
В Мидпойнте, оглянувшись на пороге.
Мы растеряли множество забот,
Вплывая в сны лесов живого мертла.
Смеялась осень ненасытным ветром,
Рисую радуги наоборот.
Мы были общей радугой в судьбе,
Открывшей нам объятия Тасмании,
И плыли в тёплом радужном сиянии,
И всё казалось — ты приснился мне.
Запутанное золото дорог
На старых картах нас не огорчило.
И, как стихи, тебя я заучила
На память, без помарок, назубок.
Сквозь сны Тасмании наш сон плывёт
Весь в яблоках, весь зацелован чудом,
И нас там нет, и мы в нём вечно будем:
Пусть, как корабль, в Бичено он войдёт.
Ты стой на палубе, не пропусти
Обетованный берег ожидания,
В лесах Тасмании живёт предание
О том, что будет с нами на пути.

Самолет «Сидней—Абу Дабь—
Москва». 24 мая 2010 г.

Песня

Когда ко мне под окна прилетала
Невиданная птица кукабара,
Я не жила в Австралии тогда:
Туда во сне ходили поезда.

Сейчас под сенью двух араукарий,
Птенец летает, очень кукабарий,
Я открываю дверь большого дома
И всё вокруг до счастья мне знакомо...

В одном из снов обратного билета
Не оказалось в кассе этим летом,
Смеется, пролетая, кукабара:
Не я её — она меня узнала...

Когда ко мне под окна прилетала
Невиданная птица кукабара,
Я не жила в Австралии тогда :
Туда во сне ходили поезда...

Разговор с фаллосом

И я у него спросила:
— Когда ты узнал впервые
Свою великую силу?
— В младенческих снах далёких,
В снегах суровой Сибири
В величии одиноком
Ко мне приходило пламя,
И было оно повсюду.
Я видел его свеченье,
Игру затаённой жизни...
И было оно покоем
Наполнено без остатка...
И мудрость была глазами его золотого века.
— А дальше? Ты много тратил?
— Я память о том покоем,
В котором танцует пламя,
Совсем потерял, лишь юность

Моя на порог ступила...
И мудрость глаза закрыла...
Но пламя горело мощно,
И думал я: так и надо
Огонь извергать и тратить,
Не зная тоски священной
О том золотом покое,
В котором ликует пламя...
Я был только бледной тенью,
Себя самого сжигая,
Лишая себя священства -
Тоски по такому лону,
Где пламя поёт в покое
Живой красотой и силой,
Без тёмной безумной власти
Сокрытого в нём огня...
Ты всё у меня спросила? —
И пламя вошло в меня.

* * *

Блаженство — жить в твоём сердце:
Просторно, уютно, надёжно...
Для плача и для полёта
Всегда в нём найдётся место.
Крыла в нём раскинув на ночь,
Целую его осторожно...
Блаженство — жить в твоём сердце:
Спасибо тебе за это.

* * *

Небо никто не понял.
Руки тяну навстречу.
Песней моих ладоней
Кормится звёздный вечер.
Льётся душа невинно
В свет золотого слова...
Но с небом мне быть единой
Только в сердце другого...

* * *

Слишком тяжёлая ноша
То, что ты прожил...
Пытка привычки — опыт-
Ближнему не подарить...
«Я же его не брошу!» —
Так и болеешь прошлым,
А я заклинаю: жить!

* * *

Не позову тебя в завтра...
Сети на берегу чини...
Старые сети, дырявые,
Но зачем-то тебе надо
Сидеть и зашивать эти ячейки,
Сквозь которые утекло не меньше
Двух Тихих Океанов...
Чини свои сети, прищуривайся на солнце,
А я буду писать на песке прибрежном
Странные письма...
Прочтут их две-три медузы,
Шершавый от времени краб
И ещё — кто захочет...
Это мой подарок волне океанской.
Такая у меня работа: кормить
Океан письмами.
Волна унесёт их с собою,
А мне и не жалко...
Чини свои сети, ладно,
Не позову тебя в завтра...
Оно у меня в глазах.
Просто тебе пока некогда
Посмотреть на меня:
Ты чинишь очень старые сети
На берегу Атлантического Океана.
Не над нами ли смеется
Шершавый от времени краб?
Починил?..

Переводы

Понимала — надо сесть за учебники английского языка. Давно лежат, ждут. И друзья недоумевают: «Когда начнёшь учить английский?» Оправданий у меня нет...

А вечером убрала учебники со стола... Но совесть мучает... И пока шла борьба между ленью и совестью, открыла интернет, нашла стихи на английском, выбрала первое, которое показалось не слишком длинным...и решила переводить! Вот так, дерзко, сразу...

В Австралии мне подарили электронный словарь — почему не попробовать...

С подстрочником мучилась долго, но «копание» в словаре не раздражало. И это радовало. Пе-ре-ве-ла! И вчитываясь в содержание, удивилась: это же близко мне! Кого же я перевожу?!

Так состоялось знакомство с Маргарет Кавендиш, герцогиней Ньюкасл на Тайне, интереснейшей женщиной и поэтессой 17 века (1623-1673). Этой же ночью это «случайное» знакомство переросло в глубинную личную связь. Случилось стихотворение:

**Маргарет Кавендиш,
Герцогине Ньюкасл на Тайне**

*Триста сорок лет тому
Умирала Герцогиня
И моё шептала имя,
Непонятно почему.*

*Посмотрела наугад
В двадцать первое столетье,
Я поймала этот взгляд
И успела ей ответить.*

*На столе священной грудой
Листья жёлтые стихов,
Жар фамильных изумрудов
И прозрачных пальцев лёд.*

*Запах мускуса и перца,
А в зеркальной полутьме
В мир иной открыта дверца,
В мир, увиденный во сне.*

*Ночь домчится до рассвета
На гарцующих конях,
Вещая душа поэта
В рифме навестит меня.
Тот английский — мед текущий,
На устах пчелиный рой...
Память о тебе измучив,
Дверь найду, а ты открой.
Ночь на 4 марта 2013*

Перевела ещё несколько её стихотворений, а потом перевела Алжернона Суинберна. Конечно, в переводах нет очень близких лексических соответствий, не сохранена и ритмика оригиналов. Они, скорее, вариации на тему этих авторов.

Переводы из Маргарет Кавендиш

*Душа природою одета
В покровы тонкие судьбы,
Не прочно всё, не вечно это
И скоро обнищаем мы.
Смерть, как удачливый старьевщик,
Лохмотья наши подберет,
Но кто-то, любящий и вечный,
Нас в нашей нагоде найдёт.
Отмоет раны, всё очистит,
Нарядит в новые шелка...
А срок придёт: в покровах нищих
Опять бредём издалека.*

Мужчина к своей любимой

*Напрасно слёз не проливай,
В твоих глазах мне ад и рай:
Лишь взгляд один — и мне конец.
В твоей печали я мертвец:
Мне душно, как в могиле тесно,*

Но улыбнёшься — я воскресну!
Ты любишь — Бог на свете есть!
Ты ненавидишь — дьявол здесь!

* * *

Если атом в малости ничтожен —
Он внутри материи умножен
Силой исполинской, страшной, вечной.
Сколько их?! Сочтёшь ли бесконечность?!
Неделимы: качество, количество и вес —
Малость умалилась до небес.

Прощая тех, кто судит мои стихи

Так много говорю я о стихах,
Но эта книга лишь моё дитя...
Меня судить за это — преступление,
Как птицу за чириканье и пение.
Я птица! У меня птенец в гнезде!
Он так проворен, быстр, и он — везде:
Он норовит взлететь, и он боится,
Он дерзок, робок — так легко разбиться!
Пока нет силы под его крылом —
Мой голос для него и хлеб, и дом...
Меня судить за это — преступление:
Я рождена быть словом, криком, пением...

Перевод из Алжернона Суинбёрна

Утратив страхи и надежды,
За наш короткий сон земной
Мы Богу благодарны прежде,
Чем вечный обретём покой...
За то, что смерти всё покорно,
За то, что прах не станет формой,
Что тощий ручеёк проворный
Наполнит Океан собой.

Часть 7 *Давно это было*

Касьян и Катерина

Когда они умерли, Касьяну было 99, а Катерине 94. А когда полюбили друг друга — никто не помнит. Люди всегда про них говорили: у этих — любовь. А в этом люди никогда не ошибаются.

Началась война, и Касьян ушёл сражаться. А вернулся, потеряв мужскую силу. Катерина знала это и пошла за него. Жили душа в душу. Однажды собрались и поехали в город, в дом ребенка. Выбрали самого маленького, слабенького, самого некрасивого — меченого — с родимым пятном на лице. Теперь жили втроем, и люди про них говорили: у этих любовь.

Мельница была у Касьяна, на ней и работали всей семьей. Но Касьяна раскулачили: мельницу отобрали, а за использование наёмного труда (сыну было 15 лет) Касьяна, а с ним и Катерину отправили в лагерь. А мальчишке всё подробно объяснили про кулаков, на которых он, приёмш, работал. Сколько лет или десятилетий провели в лагере Касьян и Катерина — никто не помнит. Вернулись домой вместе, вернулись к сыну, который ждал и любил. Жили, работали, радовались внукам и умерли, когда Касьяну было 99, а Катерине 94.

1987 г.

Как трудно было...

Умна, доброжелательна, кокетлива, прекрасно одета. Хотелось понять секрет её молодости и обаяния. Мы сблизились. Я пришла

к ней в дом. Оказалось: она живёт с дочкой — дебильной, больной девочкой. Это оглушило.

Явился и новый вопрос: откуда в Ольге такая сила? В чем её источник? Познакомилась с её мамой. Она рассказала мне о пережитом. “Милочка моя! Вы не представляете, как трудно было в войну! Комбинацию купить негде! Приходилось покупать крепдешин и отдавать вышивальщице...” — она задумалась, заново это переживая, а я хватала ртом воздух...

Медленно стала открываться и Ольга. Источник её силы — могучий, животный инстинкт самосохранения. Когда этот инстинкт срабатывал, она — честный, умный, доброжелательный человек, могла предать с грацией и легкостью неповторимой: продолжала историю своего рода.

“Милочка моя! Вы не представляете, как трудно было...” — старушка рассказывает мне очередную страницу своей истории и варит кашу внучке своей — ребенку с бессмысленным взглядом и нечленораздельными звуками вместо речи.

1986 г.

Мир спал...

Сонная тишина вползла вместе с туманом, пролилась в овраги и устроила себе гнезда до рассвета. Притихли травы, и по самой кромке лета прошелестели сны птиц — мир спал. И память тысячелетий разматывала золотую нить, которую утром сожжёт солнце и наша суетливая правда.

Муравьиная легенда

Я сидела у открытого в сад окна и читала... Тихий и настойчивый шорох — присутствие чьей-то жизни — заставил меня оторваться от книги. Несколько тысяч муравьёв тащили по подоконнику древнее, измученное временем, прекрасное кольцо. Я узнала его. Много лет ты хранил это кольцо в муравейнике под старым дубом, в непроходимом лесу, за тысячи километров отсюда. Тогда в лесу, десять лет

назад, я горько плакала, когда ты не захотел надеть мне его на палец. Но это могло разрушить замысел Божий о нашей жизни, и мудрые муравьи рассудили по-своему.

Все эти десять лет они катили кольцо ко мне, передавая из рода в род, погибая целыми семьями и племенами. В их царстве за это время минули тысячелетия, но жила, не умирая, обновлялась легенда о кольце, о моих слезах, о словах, которые я тебе говорила. Легенда была их верой, их любовью и надеждой, их титанической задачей, самым большим устремлением и трудом... Они жили и умирали под знаком этого кольца, этого пути ко мне, к моей любви, моему осуществлению. И они не сомневались, что кольцо будет мне в пору.

Теперь кольцо лежало на подоконнике около моих рук и оставшиеся в живых представители титанического мудрого племени смотрели на меня с надеждой. У меня не было выбора: осталось вспомнить уже забытое и ненужное желание. Я заплакала от благодарности и удивления и обреченно надела кольцо на палец — судьба, какая бы она не была.

Июль-август 1984 г.

Псалтырь над покойником...

Тяжёлый сон пробежал по коридору: в доме кто-то безнадежно попытался выспаться днем. На столе открытые газеты и журналы ёжились, топорщились, изрыгали правду каждой страницей.

Спасительно прижала к груди томики Пушкина и Платона — держать оборону. А за стеной справа и слева шелестели страницы, и к вечеру началось. Кто-то тихо, потерянно плакал. Кто-то яростно кричал: “Нет! нет!..” Кто-то смеялся — и кожу сдирали этим смехом. Потом тишина. Я читала Пушкина.

А в полночь за стеной сухо и страшно щелкнул выстрел. И опять тихо. Только ветер, бесстыдно открывший форточку, ворочал в соседней комнате свинцовые страницы газет и журналов.

“Вновь я посетил, — читала я вслух монотонно, как псалтырь над покойником, — тот уголок земли, где я изгнанником...”

Ноябрь 1987 г.

Платонов

С вечера наползает туман. Гасит звёзды, плотным кольцом окружает дом, а утром на ощупь ищешь дорогу в монастырь и день целый плаваешь в этой белой, сгущенной влаге, в которой мир теряет последние приметы реальности.

А как жить с шестым номером «Нового мира» на твоём рабочем столе? «Котлован» А. Платонова решила не читать, но, открыв журнал, чтобы прочесть Шмелёва, перелистываю «Котлован». Страшная вещь, в которую втягивает магическая сила платоновского языка, который и языком-то в привычном понимании назвать не смеешь. Какое-то пульсирующее, пророческое безумие, грань, оголённая сверхчувственность.

А самая страшная мука оттого, что не можешь, не дано представить, вообразить, как бы всё это воспринял несколько лет назад, как бы перерезал себе вены этой прозой, если бы она давно вошла в наш обиход, в нашу читательскую копилку, в наше читательское сознание, если бы эти книги были изначально доступны. Сейчас же это ещё один глоток яда! Того яда, которым можно исцелить и убить: дело в дозе да в индивидуальности наших душ.

Буду читать вечером Сенеку. Пришло время, когда я больше и больше становлюсь похожей на людей XV века. Увы, не во всем. Но книг много мне уже не надо. Так, как не было надо им. Чем больше книг, тем больше суемудрия. А мудрость истинная умещается в немногие книги.

Мне не дали в свое время прочесть Платонова. Сегодня я его не читаю, чтобы выжить. Когда художественное произведение до такой гипертрофированной степени становится эхом сегодняшнего дня, когда язык прозы мастера всасывается в твою кровь через воздух, которым ты дышишь — это художественное произведение переходит за какую-то мыслимую, возможную грань. Мне страшно, хотя, может быть, это говорит только о моей слабости.

22 октября 1987 г.

Перед жизнью

Я три дня не выходила — писала. Стихи шли стеной, лавиной — напор стихии, и противостоять ему было бессмысленно. Три дня: несколько тысяч строк и ещё больше слов я перелопатила, перекидала — труд каторжный и счастливый.

Через три дня надо было выйти в город, к людям, к делам. Вышла, первые часы никак не могла справиться с болезненным восприятием звуков, людей, необходимостью смотреть, говорить, отвечать — дрожание внутри той самой кадмиевой пластины, страх и даже физическое ощущение себя не такой, неприкаанной что ли — как будто болезненное вхождение в другое измерение, когда тебе обдирают кожу и душу — жуткое дело, пока привыкнешь. Но и привыкаешь не до конца — всегдашнее ощущение себя, как пришельца. Тебя тянет туда, в своё измерение, где тебе привычнее, спокойнее и уютнее.

В моменты вхождения, при разговоре с людьми, даже своими, чувствую и как бы со стороны вижу (что пугает!) свою нервозность, непопадание, торопливость — как бы страх постоянный: не найти контакт, не попасть в нужный тон, в нужную ноту, страх, что сейчас откроется — ты не отсюда... Эти минуты, когда вижу и чувствую себя и мир как бы со стороны, всё чаще. Надо ли этого пугаться? Что это?..

Жадная тишина

Жадная тишина обрушивает свои крылья на тёмную гладь озера. Песни ушли — всплески старых глубинных рыб.

Слов не спасу и дыханье камышей слушать напрасно — губы сомкнули... Тишина перерастает в безмолвие и становится мукой. До памяти так молчал мир, когда слово ещё не стало необходимостью, когда звуки на недосыгаемой высоте проносились мимо, пронизывая лишь даль неба.

Слов не спасу и дышать перестала. Но птица кричит, возвращая память и тишину, в которой различаю луч рассвета. Тихо. И покой возвращает словам жизнь.

Старые сосуды не умирают — они уходят в безмолвие земли, чтобы потом обернуться тишиной дыхания...

Александр Сергеевич

Два человека стояли в этот вечер за плечом актрисы Антонины Кузнецовой — Александр Грибоедов и Юрий Тынянов. После нашего молчания и наших аплодисментов они уходили в разные стороны — Тынянов уносил с собой нашу благодарность за то, что вернул нам всем Грибоедова — живого. А Грибоедов уходил в память, откуда можно было его окликнуть: Александр Сергеевич... Двойной нежностью окрашенное имя, совпадение, в котором случайности для нас нет.

Александр Сергеевич, Вазир Мухтар... — актриса слушала своего собеседника, разгадывала его мысли, жесты, желания, и мы были этому счастливые свидетели. С первой минуты появления перед нами Грибоедов примеривал на себя смерть. И мы знали, как давно это началось: ещё с Сенатской площади, а может быть и раньше, ведь Грибоедов после декабря 1825 года весь — итог. Итог того, что было с ним до этого и что будет с ним после января 1829 года. И в его переглядывании со смертью нет ни жалкого страха, ни юродства, есть только высокая правда о себе, о мире, о людях, о судьбе. И не существует другой правды. Смерть наступит страшная, но она меньше и незначительнее того, что он уже знал о ней.

Вокруг этого нежного, страстно сдержанного человека кружится огромный мир, страшный и противоречивый. Актриса уводит нас в него, чтобы мы содрогнулись. И вслед за этим, как спасение, приходят к нам имена Пушкина и Кюхельбекера, Нины, приходит музыка Грибоедова и стихи. Он читает отрывки из своей южной трагедии. И жанр, и место действия обозначены наперёд — он всё знает. Ему и сожалеть не о чем. Когда знаешь — выход всегда один. И только творчество — мука тайная, эти горячие листы бумаги лишают его спокойствия: поэт, которого не признали... А он знал, что стихи превосходны. И это самое жестокое знание его.

Не хрестоматийный образ желчного человека в очках со сдержанной улыбкой, автора «Горе от ума» — живой Александр Сергеевич Грибоедов — великое русское имя, человек с живой совестью и нежным сердцем, который замолчал в себе столько стихов, подданный

России, поэт, которому, чтобы жить, нужны были книги и читатели, государственный человек, талант которого был никому не нужен, давний наш незнакомец — оказался сегодня вечером так близко к нам, что мы слышали его дыхание.

Актриса Антонина Кузнецова уходила со сцены последней, после Тынянова и Грибоедова. Хотелось вернуть её...

С этим тревожным желанием я и зашла к ней в артистическую уборную, где другие люди уже благодарили ее за Александра Сергеевича Грибоедова и ещё за что-то, что остается в нашей душе после встречи с подлинным искусством.

Николаю Рубцову

Встал однажды, вышел за околицу, дошел до соседней деревни, и оказалось, что путь бесконечен: за этой деревней — другая, за ней — Россия.

Каждая травинка стала вдруг слышна, каждая птица садилась на ладонь, каждая береза на пути дарила ласку... Пронзительную нежность, нежность до боли, рождала такая дорога... А из нежности вылилась песня. Стали понятны, ощутимы, слышны тысячелетия: курганы и погосты, согретые солнцем стены белых церквей. Стала родной каждая изба, и не было на дороге прохожих — каждый был встречным. Злые ветры, туманы, звезды и цветы, непролазная грязь и журавли в небе — всё самое скромное, неприметное, будничное, переливалось в песню, которую рождала дорога, дорога к самому себе.

Как дерево на краю родного села, которое никогда не забудешь, Рубцов словно возник из нашей памяти, как забытое слово, которое всегда было в нас. И вернулся он в нашу память, осветив её до глубины. Мы увидели себя, свою русскую душу, увидели то, с чем успели разминуться когда-то. Слиянность его судьбы и строки, слиянность его с дорогой и Россией мучительна, и неразрывна: он искал дом, искал укромный уголок на этой дороге. Но у таких дорог нет конца. Светло и больно звучат в нас его строки, оживляет память и душа. Плакать и петь хочется от бесконечности этой дороги.

Встал однажды, вышел за околицу — и началась песня, в которой сумел напомнить нам самую главную, самую простую и самую трудную истину. Так что же нам делать? «А ты, говорит, полюби и жалея».

Сон в Петербурге

«Здание двенадцати коллегий легавой вытягивалось в тумане. Катер шёл быстро, но легавая не отставала», — эту фразу я поймала во сне, во сне же удивилась, заставила себя проснуться и крючками записала её. Потом уснула и слышала продолжение этого рассказа, но уже ни слова не помнила. В ту же ночь написала замечательную поэму — прочла её от начала до конца. И в ту же ночь Седов прочёл мне пять своих стихотворений, из которых помню рифму в последнем: Марсель — отсель. После таких сновидений просыпаешься нищей...

На Патриарших прудах

Это случилось на Патриарших прудах. Собственно, с Москвой и всегда так: за названием сохраняется больше, чем за самим местом. Да и вся великая русская литература навечно поселилась в этих старых московских названиях, как в особнячке, откуда её уже не выжить. И память места освещает наши поступки и слова неожиданным светом.

Шум Москвы доносился словно издалека. И лебеди, и редкие прохожие — все были как-то пронзительно одиноки. Спутник мой был молчалив больше обычного, а я больше обычного спокойна. Встреча эта тянулась уже годы, хотелось мне полной свободы от своего спутника — хотелось невозможного. В такие минуты казалось, что встреча эта совсем не наша тайна: какие-то люди из прошедших или будущих столетий непостижимым образом откликнулись в нас, столкнули нас и не дают покоя. И вот теперь привели нас на Патриаршие пруды.

Я говорю, спутник мой молчит. И слова мои неожиданно начинают обретать иной смысл, а он слышит их по-своему. Какой-то вязкий туман начал сгущаться вокруг. Лебеди казались черными в этом тумане, Москва отступала всё дальше, и листва на глазах желтела

и облетала. И вместо того, чтобы молчать и смотреть друг другу в глаза, мы продолжали нагромождать вокруг себя этот хаос, доходящий до ужаса. И словно третий петух пропел в последнюю минуту, у предела. Спутник мой поднялся — пора идти.

И мы, как из бурелома и бездорожья, сквозь туман, застилающий путь, медленно побрели к Москве, с трудом узнавая дома и машины, перекрестки и памятники. Патриаршие пруды остались где-то далеко-далеко, в другом мире, в другой жизни. А спутник мой, кивнув на прощанье, оставил меня в объятиях бронзового Чайковского, музыку, которого я не люблю.

Это случилось на Патриарших прудах. А там всегда случается то, что должно случиться.

На Ворониче

В окно нашего дома на Ворониче постучали. «Кто там?» — «Вы не знаете, где живет Прасковья Александровна Осипова-Вульф?». Вопрос показался трудным, хотя до усадьбы Прасковьи Александровны было несколько десятков шагов. Всё-таки мы показали дорогу двум путникам и не решились спросить у них ни о чём. И они ушли в белую ночь, минуя погост, на котором второе столетие покоилась Прасковья Александровна. Ушли к её дому. Не стоило их останавливать.

В конце концов, каждый сам знает, кого он ищет... А Прасковья Александровна вполне могла оказаться дома для этих двоих.

Посади дерево

Эту осень не с чем сравнить — такой не было на моём веку. Каждый день загорались в окрестных лесах все новые костры рябины. Тихо, неслышно утекал свет из березовых рощ... И всё застенчивое, смиренное, пронзительное великолепие русских лесов возбуждало душу к жизни. А музею нашему как раз в это время выделили одну-единственную подписку на Ключевского. Радость-то какая! Только сдать надо за Ключевского 15 кг рябины. И читай! Радуйся!

В лес пошли все вместе, детей взяли с собой. И объяснили детям по дороге, кто такой Ключевский, как нужны в музейной библиотеке книги этого историка, как долго ждали этой радости... И главное объяснили детям: 15 кг рябины за Ключевского — это мрачный, зловеющий бред. Это то, что навязано нам, что превращает нашу жизнь в череду каких-то фантасмагорических, бредовых действий. Сейчас мы всем коллективом Музея фресок Дионисия примем участие в таком кошмарном действии, потому что деваться нам некуда: другой возможности читать сочинения историка мы не имеем. Дети слушали внимательно и обещали рябину рвать аккуратно и деревьев не ломать.

Измученные, изуродованные деревья рябины встретили нас у опушки леса. Вошли в лес. Налево и направо лежали срубленные деревья, поваленные как попало, с омерзительным, скотским безразличием ко всему на свете. Земля была усыпана пламенеющими ягодами, как кровью полита. Я видела, как каждая мать защищающим жестом прижала к себе своего ребенка. Бред нарастал, обнимая нас со всех сторон. Все объяснилось просто: за подписку на многотомную серию «Сказки народов мира» надо было сдать 100 кг рябины. За рябину же можно купить мохеровый шарф, китайские сосиски, немецкий унитаз и много других, безусловно, полезных и нужных вещей...

Рябину на Ключевского, Ключевского на английский детектив... Это мы себя размениваем, душу свою, землю, родину. И считаться не приходится: кто больше — кто меньше, мы все — участники. И всех нас объединяет больная совесть.

Страшно мне. И ничего не надо. Фантасмагория начинает раскрываться в другую сторону, когда сводишь свои потребности, своё участие в жизни до минимума только потому, что не хочешь этих обменов, этой нечеловеческой, непосильной для души платы.

Дети! Обещают переиздать Карамзина! Когда-то в руках мечталось подержать!.. Но сейчас мне — не надо! Мне — не надо.

Мальчик постарше спросил: «А что делать? Как быть? Как жить тем, кому ничего не надо ценой совести?»

Мальчик! Я не знаю.

Мальчик! Иди и сажай дерево! Только боюсь, что этого уже мало...

1990г.

Эпоха Мин

В дверь антикварного магазина воронкой всасывало толпу. Я попробовала войти, а в это время оттуда вышел человек, который держал в руках небольшой бумажный сверток. Мы столкнулись, сверток упал и на глазах начал терять форму... Люди расступились, из магазина выскочил продавец и запричитал: «Господи! Эпоха Мин... Редчайший чайник... пять тысяч!..».

Пять тысяч — это те деньги, которых у меня при себе не было. Не было их и вообще. И быть не могло. Я решила объяснить это бывшему теперь владельцу антикварного чайника. Подняла глаза и увидела человека, который снился мне десять лет в долгих снах, о котором я мечтала, которого мне назначено было любить...

— Послушайте... — всё казалось продолжением сна. — Я могу выплачивать по десятке в месяц — пенсию чайнику эпохи Мин...

Он засмеялся. Он засмеялся! Значит, это, действительно, он.

— Ерунда, Вы не виноваты, а я могу себе позволить разбить заварной чайник....

Сейчас он уйдет!

— Послушайте, есть еще способ... — сон продолжался?... — Женитесь на мне!

И я рассказала ему сбивчиво и убедительно о своих снах, о том, что уверена: это он — и он будет счастлив.

Он выслушал и отказался вежливо и просто. Даже не сказал, что подумает. Ему, я видела, очень хотелось решить про себя, что я сумасшедшая. Но это было не так — он знал это. И ушёл. Он был оттуда, из сновидений, но там всё было настоящее — там он не покупал чайники эпохи Мин.

Он женился на женщине, которой нёс чайник в подарок, и был несчастлив — у нас оказались общие знакомые, и я знала.

А я верю в сны — ведь он же был! И верю в то, что посуда бьется к счастью. Правда, к счастью бьются дешёвенькие фарфоровые чайники, осколки которых лежат на полу ещё теплыми от кухонного тепла, от тепла твоих рук...

А чайники эпохи Мин надо хранить в музее.

Китайский ветер

На именины ко мне пришла старуха: подарила старую китайскую шкатулку, ключи к ней и слова: «В этой шкатулке хранится древний ветер. Наверное, китайский. Поступай, как знаешь. Я так и не решилась выпустить его на волю и тебя предупреждаю: будь осторожна».

И началась моя мука. Шкатулка не давала покоя ни днём, ни ночью. Кто мне дал право держать ветер взаперти? Но если я его выпущу, а он... — и моё воображение не знало границ (и китайских тоже). Когда мука стала непереносимой, я поднесла шкатулку к открытому окну, зажмурилась и открыла её. Ничего не произошло. Взглянула: на дне лежало зеркало, укутанное пылью столетий, а на нём китайский иероглиф сообщал: «Простите, но я давно улетел».

Сейчас шкатулка набита моим добром: запахи любимых духов, квитанция от телеграммы, которую мне не послали 20 лет назад, коралловые бусы и ключ от сундука, где живут мои песни. А в зеркало я до сих пор не посмела посмотреться.

6 марта 1980г

Откуда они берутся...

«Для меня главное в перестройке — чтобы мыло не пропало». Все хохотали. И она опять подала эту реплику, но уже как шутку: сделала вид, что пошутила...

Откуда они берутся, такие женщины? Откуда в ней эта суета, непрерывная погоня за тряпками, легкость в суждениях, неумение справиться с нехитрыми обязанностями инженера-проектировщика тяжёлого машиностроения?!

Один, из своего военного детства, запомнил голод, другой — смерть ближнего, третий — страх перед бомбёжкой, а она запомнила вшей. Это был ужас, напасть, бедствие. Справиться невозможно — мыла не было.

«Для меня главное в перестройке — чтобы мыло не пропало», — шутила она, и все хохотали.

Откуда они берутся, такие женщины? Одинокие, неприкаянные, загнанные, перепутавшие всё на свете: смех и слёзы, любовь и ненависть, жизнь и смерть...

1986г.

Всё будет хорошо

7 ноября Миша сломал Зое челюсть. Увезли сразу в реанимацию. А Миша переселился к матери. Старушка была стара и слаба. И, когда Миша раздевал её, обыскивал, деньги требовал — ей было плохо. Но она терпела, ждала, когда Зоя выйдет из больницы — не оставлять же Мишу одного. Зоя вышла зимой, и старушка повесилась у себя в ванной.

Похороны и поминки — всё легло на Зою. Женой законной она Мише не была, но достойно приняла у себя всю его родню — две сестры было у Миши — Соня и Маша. Соня пила, пили и её дочери... В общем, поминки получились славные. Стали жить дальше. Но Миша не мог остановиться.

А раз пил — значит, и дрался. Зоя чувствовала себя ещё слабей после больницы. Ей нужна была передышка. И во время очередной драки она умудрилась вызвать милицию... Мише дали год лечебно-трудового профилактория. Можно было радоваться: и год — не срок, и надежда есть, что вылечат его там. Только очень уж далеко отправили — в Казахстан...

Вот тут-то и начался настоящий роман у Зои с Мишей. Но, правды ради, надо сказать, что через месяц после отъезда Миши прилепился к Зое Дима. А почему нет? Дом у Зои свой, хозяйка она отменная, все у неё в чистоте и порядке, когда не приди — накормит. И вкусно. Мужуку без такой жизни никак нельзя. Но Дима так

— временный ей помощник с водой да с дровами. Это и сам Дима знал. А Мишу Зоя не забывала... Да и не могла забыть.

Уже первое Мишино письмо потрясло Зою. Оно было огромным: на четырёх листах, исписанных с обеих сторон. И как исписанных! Никогда ведь раньше не присылал Миша писем Зое — не было такой нужды. А здесь... Она влюбилась в его буквы, такие округлые, четкие, разумные и одновременно франтоватые. Против её — корявых и неумелых — эти были красивы. А красоту Зоя ценить умела и тянулась к ней всю свою жизнь.

Зоя читала и обливалась слезами: письмо было про любовь, как в книжках, как в кино — только ещё лучше. Писал Миша, что всё осознал, что «поганка он и лошадь Пржевальского, потому что только лошадь Пржевальского так пьёт, как он пил». Но теперь всё, хватит. Писал, что *таких* трудолюбивых, аккуратных и красивых женщин просто нет на белом свете, просил прощения, обещал золотые горы, когда вернётся. Про золотые горы Зое не понравилось...

С ответом она мучилась долго. И написала, что лично ей золотые горы ни к чему и нечего на них буквы тратить — всё равно не поверит. Писала о своей жизни, только о Диме не упомянула, а дальше и не заметила, как пошли слова про любовь. Упивалась она этими словами, вкладывая в них все неосуществленные свои желания, — поэтому и выходило красиво. И пошла переписка! Два, а то и три огромных письма приходило от Миши за неделю. Почти в каждом он уговаривал Зою не дурить: Зоя хорошо понимала, о чем Миша речь ведет... И ещё уговаривал сходить к нему на квартиру и *поискать* в подъезде да во дворе кошку Машку: жалко, пропадёт животинка, ведь не знает, куда её хозяин делся... Зоя на все его просьбы откликнулась: первую (не дурить) — не заметила, а кошка не отзывалась.

Миша писал, как Зою во сне видит, да как соскучился, да как заживут, когда он вернётся... “Цветы у меня дома погибли, наверное, но мы новые посадим, такие же красивые, как мы с тобой...” Обещал, что в кино будут ходить, что во всём он помогать станет, просил беречь себя и “не гнуть ни на кого свою дорогую лично для меня спину”.

Зоя плакала от радости, неведомой ей до этого — радость была от новых, прекрасных слов, но нутром бабьим чуяла, что рисовать картины будущего счастья не стоит. И рисовала!

Часто присылал Миша отдельный листок, на котором была обведена его могучая рука с короткими, толстыми пальцами. Страшная рука. Желанная рука. И Зоя тосковала о нём особенно после таких писем.

Так однажды и в дорогу собралась. Добиралась несколько суток. Приехала, подошла к забору, а оттуда животный, обдирающий кожу рёв. Оказалось, не туда попала: здесь женский профилакторий. А мужской — рядом, в двух шагах. Но не дали им свидания, не дали! Нет у них штампа в паспорте, не зарегистрирован государством этот брак! Стояли друг против друга за решеткой, но как же хитро она была устроена эта решетка: даже до руки не дотянуться, не дотронуться, в щеку не поцеловать... И всё тянул к ней руку Миша, всё тянул... И Зоя тянула свою навстречу — изо всех сил... А потом ударил Миша милиционера, зарычал, как зверь, и начал бросаться на решётку, рвать её зубами и руками... Да она-то железная...

Тяжело вспоминать Зое эту поездку. Только деньги истратила. Опять пошли письма. И чем ближе срок Мишиного возвращения — тем жарче слова в письмах, тем безумнее планы на будущее... А Зоя посылает Мише в бандеролях с сигаретами свои надушенные носовые платки, и шлёт Миша в ответ поэмы об этих платках... А недавно вдруг попросил в церковь сходить, помолиться за него и ещё на могилу к матери съездить: попросить у неё прощения от его имени. Зоя, конечно, всё сделала.

Но в церкви робела: не знала, как себя вести, волновалась, и слова все путались в её молитве. А на могиле что ж — там всё просто, там она знала, что сказать. Через месяц Миша вернётся. Никто его там не вылечил — это Зоя, съездив туда, знает точно. И хорошего не ждет. Но любит Мишу и говорит мне: “Мы одним Богом созданы”. Истинно так! А Миша пишет: “Скоро вернусь, и всё будет хорошо на этой проклятой земле...” Дай-то Бог!

Горнист

Одолели второй перевал, вползли на него по тёщиным языкам, и внизу справа открылось море. Без горизонта, без конца и начала — тёмная даль воды. По узенькому шоссе между глубокими оврагами свернули с дороги и медленно въехали на территорию бывшего пионерского лагеря.

На площадке, замкнутой двумя оврагами и скалистым обрывом к морю, стояли заколоченные домики, лагерь уже несколько лет был закрыт, и сейчас в нём должна была начаться реконструкция. Зелени было много. И я её сразу ощутила, как что-то чужое и даже враждебное. Всё было переплетено в одну зелёную стену: стволы, ветки и кроны сплетались лианами и вьюнами, корни обнажённо выступали на поверхность, также сплетаясь друг с другом, цепляясь за почву и камни. Всё держалось друг за друга, пожирало друг друга, и зелень клубилась, как дым, как непролазный ковёр, которым лучше любоваться издали. И только аллея стройных кипарисов уходила вверх по склону отрешенно и одиноко.

Жить здесь предстояло две недели. Пять полубеспризорных собак выбежали нам навстречу с беспорядочным и незлобным лаем. И уже через два часа, когда меня угощали за столом вином и фруктами, стало темно, неуютно, и стоило выйти на крыльцо, как мир наполнился незнакомыми звуками. Падали жёлуди с дубов, шуршали в траве ящерицы, где-то в отдалении глухо шумело, билось о берег море. А чуть позже завыли шакалы, кинулись им навстречу с лаем собаки. Наступила ночь.

Спалось тревожно. Просыпалась, прислушиваясь к звукам за окном, привыкала к ним, училась узнавать, но время от времени ночь нарушал звук странный, неузнаваемый, безнадёжный: будто бы кто-то неумело и неуверенно играл на трубе.

Утро яркое, солнечное поглотило без остатка мою настороженность и страхи. День у моря успокоил и разнежил, но вечером опять раздался звук трубы: мелодия неуверенно начиналась и тут же обрывалась. Обитатели лагеря, пять человек, укладывались спать рано. И я слушала ночь в одиночестве. Никто не делил его со мною. Недолгие прогулки по вечерам с каждым днем становились спокойнее и

длиннее. Звук трубы раздавался то здесь, то там. И иногда виделась в конце кипарисовой аллеи чья-то легкая белая тень. И опять труба начинала и обрывала свою песню. Так проходили дни и вечера.

Однажды в сумерках увидела я бегущего к обрыву мальчика, в руках которого блестела новенькая труба ... Пригрезилось? Но в ту же секунду раздался тревожный звук, и минуты две жила в воздухе мелодия — беспорядочная, странная, смятенная. Чтобы быть музыкой, ей чего-то не хватало. Я поверила в мальчика и с того вечера встречала его часто, но только издали, не умея разглядеть его лица. Он метался из конца в конец лагеря, и в этих его передвижениях было что-то болезненное и недетское.

Никто, кроме меня, его не видел, хотя звук трубы слышали все, но не придавали ему значения. А я стала поджидать его в конце аллеи, в самых укромных уголках лагеря. Иногда мне казалось, что он подойдёт совсем близко и я увижу его лицо. Мелодия становилась всё длиннее — иногда он играл пять минут. И чем внимательнее вслушивалась я в его мелодию, тем тревожнее становилось на душе: музыки не было. То незнакомая птица кричала, то кто-то плакал, то ветер шумел, то смех раскалывал тишину... Но всё это не соединялось, не переливалось друг в друга, не рождало музыки. Мальчик дразнил меня, лишал покоя и мучился сам. Прижимая горн к губам, он словно старался вспомнить что-то и не мог. Да он сумасшедший! Я подумала об этом однажды и больше не смела сомневаться. Сумасшедший маленький трубач метался на обрыве над морем, прятался в кипарисовой аллее, стоял под окнами покинутых деревянных домиков.

Кто он и откуда взялся? Не я же его придумала... Как он играл, как пытался вспомнить музыку, как хотел освободить её из плена то-ски, бессознательности и страхов... Но ему это было не дано.

Две недели прошли. Сентябрь кончался ливнями и ветрами. Пора было уезжать. Две недели у моря обернулись не негой и отдыхом — сумасшедший маленький трубач не давал мне покоя. От моря, солнца и неги южной ничего не осталось в моей душе. Хотелось музыки, но все звучало отдельно. Ползли по склонам оврагов корни деревьев. Клубилась зелёная стена за окном. Вдалеке шумело и роптало море. Сторожили ночь шакалы и собаки. А сумасшедший маленький

трубач вспоминал музыку, как я вспоминала стихи... И каждый из нас был наедине со своим одиночеством и своей трубой.

Уезжать хотелось. Когда выехали за ворота лагеря, я впервые увидела маленькую гипсовую статую, облезлую и полуразбитую: на невысоком постаменте стоял юный горнист, прижимая к губам горн. Я пожелала ему счастья.

26 сентября 1994г.

Ушла радость

...Потом ушла радость. Неслышно, незаметно... как ребёнок, который измучился с нами, дотянулся до ручки двери и выскользнул в сад, никому ничего не сказав. И не сразу хватились... Когда хватились, поняли, осознали, забеспокоились, начали искать причины: писать статьи, диссертации. И страшная картина открылась: нельзя человеку, Земле нельзя без радости. Ниточки, связи потянулись в разные стороны и пока думали, как поступить и что делать, пока обсуждали самые чудовищные проекты, начались болезни. Собственно, и не болезни, так — какое-то общее недомогание: слабость, головные боли, сердце сжимает, дышать трудно. И всё время кажется — это конец.

Новые проблемы, поиски причин... Конечно, все очень быстро связали с радостью, с её отсутствием. Правда, не все верили и бросались в разные стороны, искали спасения. Словом, круг всё расширялся, чтобы однажды замкнуться намертво. Люди брели по жизни, как тени. Ослабленные, измученные постоянным недомоганием, когда непонятно что болит, и сил нет... Жизнь не остановилась, но обрела кошмарный, фантазмагорический режим. Работали заводы и фабрики, дети ходили в школу, влюбленные — на свидания. Но словно время потекло мимо — как вода внезапно уходит из русла реки и на дне остается только грязная илистая жижа. Объяснить это трудно, но картина способна поразить ужасом любого, кто сумел бы увидеть её со стороны. Мы же все внутри этой картины, и поэтому нам не так страшно.

Скорей на работу, в монастырь! Быстро мы поняли, что на территории монастыря нам спокойно и хорошо. А потом это поняли и

остальные. И началось! Кинулись по другим монастырям. Где-то находили то, что искали, где-то нет. Писали об этом, спорили, опять защищали диссертации, проводили симпозиумы. Общественность требовала в целях сохранения человечества как вида, сделать наш монастырь действующим, с таким количеством насельников, какое только способна вместить крохотная территория. Мужским или женским? Кого допускать, а кого нет? Чем кормить? Продукты из зоны, лишённой радости, со временем окажутся смертельными — гудел мир, решал, настаивал...

Утром еле поднимаюсь, усталая и разбитая, измученная непонятно чем. Серое небо, тускло все и мрачно. На работу! Подойдёшь к монастырским вратам, откроешь их, а над монастырем голубое чистое небо, сияет солнце, весело цветут цветы и стелются травы. Деревья настоящие: во всей своей красоте и силе... И сам ты сильный, бодрый, радостно-спокойный, мудрый и любящий. Всё тебе по плечу. Выходишь навстречу измученной, задыхающейся толпе туристов и принимаешь на себя всю их печальную, серую, изнуряющую вялость. Уходят, говорят: как в раю побывали.

Смотрю в окно кельи: птица, как подкошенная, рухнула в траву. Почти мёртвая, обессиленная. Час прошёл, и она на полном взмахе молодых крыльев сделала круг над монастырем и исчезла в сером непроглядном мраке всего остального мира. Кто-то у неё там остался, кому нужна помощь.

Ночь на 8 декабря 1987 г.

Камень-валун

В одной деревне очень часто стали умирать люди. Вдруг заболевает человек, помучается недолго и умирает. Все только головами качали: почему это так? Молодые ведь стали умирать — не бывало раньше такого. Спросили у старика, который жил на краю деревни и лет которого — не сосчитать. «Сами себя убиваете! — ответил старик. — Природу губите. А природа — продолжение человека. Закидал кто-то из вас навозом ручей — жди беды, жди болезни». Посмеялись люди на слова старика: «Природа богата — на наш век

хватит. А уж ручьёв этих и не сосчитать». И продолжали жить, как привыкли: разрушая всё вокруг себя.

Шло время. Оскудели реки, исчезли ручьи, лесов вокруг деревни почти не стало. Осталась роща еловая — весёлая, но небольшая: ровно тридцать елей. Однажды перед Новым годом все жители деревни, а осталось их тридцать человек, взяли топоры, пилы и пошли в рощу: елки добывать для своих детей.

«Опомнитесь, — встал на их пути старик, — предупреждаю вас: как только срубите последнюю ель — в камни превратитесь». Опять посмеялись над стариком люди и принялись за дело. Мороз был — работали быстро, весело. И вот осталась одна ель — самая могучая и прекрасная. Долго бились с ней, но, наконец, и она рухнула на землю. И в ту же секунду все жители деревни превратились в камни. Тридцать огромных серых валунов лежали на месте бывшей рощи.

Заплакал старик, пошел в деревню, собрал детей и рассказал им всё. Великая боль опустилась в детские сердца. Но поняли они, как страшно наказывает природа тех, кто идёт к ней со злом. И в новогоднюю ночь пошли дети по деревням и городам огромной страны своей и стали рассказывать людям обо всём, что случилось в их деревне. Они предупреждали людей. И люди, видя горе и слёзы в глазах детей, верили им. И каждый обещал весной выйти, и посадить дерево, и жить по-другому.

А старик остался один в деревне. Он разложил огромный костёр и бросил в него тридцать снежных комков. Долго горел костёр. А когда огонь погас, то на месте костра оказалась огромная, нарядная, увешанная игрушками ёлка, а вокруг хоровод: тридцать жителей деревни, живые и невредимые, и рядом с ними их дети. Все пели, плясали и веселились. А невдалеке лежал огромный серый камень-валун, про который учительница говорила, будто ледник притащил его сюда.

Великий Новгород

За века новгородской вольницы, торга, новгородского вече, то есть мощнейшего выброса энергии человеческих страстей, в определённых точках Новгорода был накоплен такой громадный заряд

энергии, что и сегодня, когда я проходила по этим местам, меня настигал девятый вал бушующей человеческой стихии. Пространство и сознание не разламывается, не распадается на куски в этих точках Новгорода только за счёт церквей. Их одиночество, их фантастическая стойкость, особенно на месте Ярославова Дворища, невероятны. Они и стоят так близко друг к другу, плечом к плечу, чтобы не дрогнуть под напором этой бушующей человеческой стихии.

Новгород — странный город. Какое-то своеобразие психофизической организации его граждан, неумяная мощь и сила, которая взрывает, ломает все изнутри. И Новгород был бы взорван и сломан изнутри, если бы не эти церкви-стражи, церкви-воины, которые защищали новгородцев от них же самих. И если бы не новгородские святые, которые своим подвигом уравнивали эту стихию новгородской вольницы. И если бы не София — Премудрость Божия, ее покровительство... Я еле живой осталась, проходя через Ярославово Дворище. Меня едва не смыло в Волхов волной налетевшей человеческой стихии. Это продолжалось мгновение, но новгородского воздуха тех столетий я успела глотнуть и обожглась им навсегда.

27 августа 1993 г. Новгород

Ещё одна благодарность Пушкину

Хочу сказать спасибо Александру Сергеевичу Пушкину ещё за один подарок, сделанный им незаметно и навечно: он подарил нам XIX век. Ни одно столетие в нашей истории мы не знаем так живо, так по-домашнему, с такими подробностями. И не потому, что идём во времени следом, а потому что есть Пушкин. Самая полная, точная, любимая записная книжка нашей памяти — XIX век. Адреса — назубок, за каждым именем знаем человека, за каждым событием следим с волнением — участвуем. Москва, юг, Михайловское, Петербург — исхожены нами вслед за ним. Кюхельбекер, Дельвиг, Пущин, Жуковский, Нащокин — близкие, родные люди. В XIX столетие мы пускаемся без боязни: знаем, как проехать, в какие дома стучаться, узнаём людей, которые выйдут навстречу, знаем, что сказать им и что спросить.

Пушкин обогатил, утяжелил, насытил нашу память подробностями, которые впитала душа, — они навсегда. И всё, что было потом — вторая половина того столетия — это всё равно путь по его следам, на его голос. Придет XXI век, XXII, но и в душах тех людей XIX столетие будет отзываться гулом его шагов и всё повторится: адреса — назубок, имена — на память. Какой роскошный, сказочный, какой неоценимый подарок, какие неограниченные возможности, чарующая даль для памяти. Без Пушкина мы бы помнили XIX век иначе, любили — иначе. Я почти каждый вечер бываю там, и мне хорошо. Спасибо.

Грецкий орех

У каждого была грядка в нашем монастырском огороде. Я посадила грецкий орех. Все смеялись. И я смеялась над собой, но верила, что дерево вырастет. Прошло два года. Дерево выросло, а на нём орехи. Я их узнала: 31 декабря каждый год я покупала грецкие орехи, заворачивала каждый в серебряную фольгу и листок с обещанием счастья. А теперь они росли у меня в огороде. Толпа стояла вокруг дерева молча. Вологодская область, Кирилловский район... Откуда грецкий орех?!

«Больше ничего не сажали?» — спросил милиционер. И попросил: «Попробуйте». Я сорвала орех, открыла его: в самой сердцевине лежал тоненький зелёный листок, на котором чьим-то забытым почерком с наклоном и нажимом было обещано: то ли ещё будет. Каждый сорвал себе по ореху.

И тот же милиционер спросил: «А это что?» Длинные тощие ветки неизвестного растения тянулись ввысь, кучками собираясь на грядках.

«Это топинамбур, — объяснила Марина Сергеевна, — растение из Южной Африки».

«Понятно...» — сказал милиционер. Все разошлись. А дерево моё осталось: светятся в темноте серебряные шары, и в каждом — счастье.

А вчера на вершину ореха прилетел попугай говорящий и просит меня купить шарманку и обещает: «То ли ещё будет!»

Часть 8
**Яков
и франжиспани**

Моё чувство родины давно принадлежит небу.

Моя благодарность родине принадлежит России.

Полз жёлтый шмель...

В январе 2010 года случились три строки... Завершения не было. И ровно год они жили где-то в пространстве, в укромных уголках моего сознания, сопровождали меня над Океанами по пути в Австралию, настойчиво стучались иногда в мой сон: надеялись...

13 января 2011 года, ровно через год, я дописала их. Большое облегчение, радость, освобождение. Кому-то немедленно прочитать... Кому? Людей, которым есть дело до моих строк, очень мало. В сознании большинства моих преданных друзей моя поэзия живет где-то на обочине их замечательного отношения ко мне. И даже те из них, кто является талантливыми филологами, специалистами, в ответ на мою давнюю просьбу присмотреться к моим текстам внимательно, с точки зрения профессионалов, конечно, обещали и, конечно, ничего не сделали.

Но мне надо немедленно прочитать кому-то! Иначе я захлебнусь, расплачусь, не справлюсь. Была ночь. Один слушатель у меня был: «Послушай, пожалуйста, Господи. Это для Тебя». И я прочла Ему:

*По самой кромке бытия
Полз желтый шмель с глазами Музы,
Беременный нездешним грузом,
А роды принимала я ...*

Засыпая, помню только одну фразу в ответ: «Жужжит твой шмель, как живой...».

Утро. Зуд прочесть человеку, хотя бы одному, не проходит. Есть у меня золотой запас для таких экстренных случаев: композитор Евгений Морозкин в Москве. Но он сейчас на занятиях, преподает. Утро у меня сегодня случилось позднее.

И тогда звоню Ире Николаевой, единственному человеку, философу, кто попытался осмыслить мою поэзию. Звоню в Москву на мобильный. В трубке Ирин голос из небытия, из глубокого, снегопадного, непогодного сна: «Да... Что?.. Кто?..». Обмирая от неловкости, быстро говорю: «Прости, это я. Мне надо прочесть. Это коротко». Чётко и быстро читаю. В ответ без паузы бодрый, проснувшийся, ясный голос Ирины: «Я как раз думала, что все мы немного акушеры... Не зря Сократ говорил: «Я повивальная бабка у истины». Здорово! Ты молодец!» Разговор закончен. Это не я молодец. Это жизнь.

Мне радостно

С некоторых пор я праздную день своего рождения в масштабе Вселенной. И чувствую, что это правильно. Я на своем месте: мне всё понятно: кто я, зачем, откуда, куда. Мне радостно, я уверена в своем бесконечном будущем. У меня нет необходимости множить итоги по мелочам, угадывать желающих присоединиться к моему празднику. Вокруг — галактики, планеты, туманности, шаровые скопления. Не только потому, что у меня на стенах висят их астрономические портреты, но и потому, что реально они все участвуют в этом событии. И это касается каждого человека. Стоит лишь осознать это — и жизнь отзовется в тебе тысячекратно.

Конечно, позвонят и многие люди: многие помнят, любят, желают счастья. За этой памятью тоже немало: тепло человеческое, но его с годами все меньше: у людей сил меньше... Я это очень понимаю. А праздник в необъятности Вселенной всё расставляет по своим истинным местам и возвращает всё к подлинным масштабам: ты для Вселенной не меньше, чем Галактика, а много больше. Не

смеешь не ответить на это радостью, преклонением и ответственностью перед жизнью.

P.S. Кстати, с этих пор и отсчет времени у меня пошёл в обратную сторону.

Попасть в цель

Я несколько раз попробовала слово *шмель*, но стихотворение так и не дописала. Через несколько часов на вершине белой соломенной шляпы, надетой на раскрытый золотой зонтик, олицетворяющий солнце в петербургском климате, через несколько часов я обнаружила на шляпе нечто черное, несуразное и пугающее. Все окна наглухо задраены: холод и дождь давно и беспросветно. Что это? Откуда? Оно шевелилось. С опаской рассмотрела в лупу и не сразу догадалась, что это какой-то несуразный, недоовощенный шмель из моего стихотворения. Вынесла его на балкон. Стало страшно: я так неумело, так безответственно вмешалась в творение...

Дописать стихотворение я не смогла, и по моей вине маленький уродец измучился, не узнавая сам себя. Во мне не хватило подлинной силы творца, чтобы попасть в цель мгновенно. Я едва не разрушила мироздание — прости, Господи!

И Ты это знал!

Почему мне всю жизнь было так тесно: в любой ситуации, в каждом дне, в своих планах, ожиданиях, ощущениях будущего, в любви, в церкви, в молитве, во встречах...

Только в творчестве, в общении с природой и маленькими детьми иногда эта теснота сбрасывалась, как одежда, которая давно трещит по швам, и возникало ощущение безмерности и свободы. Ненадолго, как глоток свежего воздуха: чтобы выжить. Почему мне было так тесно? Как в ящике, который почему-то называется жизнь...

С годами душа так измучилась этой теснотой, так просила меня вернуться к моему подлинному масштабу. А я всё не понимала её зова и просто меняла одно устремление на другое, меняла названия и видела, как вокруг кто-то меняет практики, медитации, учителей,

Тибет на Индию, Гурджиева на Ошо... Я не понимала, что все они тоже мучаются, бессознательно пытаюсь обрести свой подлинный масштаб... Чаще бессознательно. Сознательно — немногие. И этот масштаб в размерах ящика держался за счет моего маленького я, которое изо всех сил надувалось, привставало на дыпочки, подкладывало под себя горы умных книг — пыжилось, чтобы убедить меня в своей всеобъемлющей значимости и величии.

Достижений было немало. Даже настоящих. Но размер ящика оставался; то есть, ещё при жизни, ещё совсем молодой, ещё в поиске я уже примерила на себя этот размер: небольшой деревянный ящичек, который потом, когда-то, останется только закрыть крышкой — и вбить гвоздь... Тесно! Тес-но, Господи... Где Ты? Страшно!

И вот в один благословенный во всех веках и всех мирах день я, действительно, оглянулась в поисках Господа. Почему Он есть, а мне тесно? Ведь для меня реально было Его присутствие. Его дыхание. Реальным был разговор с Ним на протяжении жизни, реальным был Его голос в моих стихах, во многих событиях моей жизни... Но тогда почему мне так тесно?!

И я увидела: всю жизнь, во всех призывах, молитвах, разговорах с Ним, в благодарности, в любви к Нему — я принимала Его в передней. Звала Его и выходила к Нему в переднюю... Вдруг ясно увидела и осознала: всю жизнь я принимала Бога в передней...

Мои жилые комнаты — моя глубина — это было закрыто для Него моим маленьким, всеильным я... Это оно из последних сил удерживало мой масштаб в нужных ему размерах... Мне стало страшно. Плакала я горько и неостановимо. И мое маленькое я вдруг сделалось убогим и обрело своё место, всё реже пытаюсь с тех пор превзойти свои полномочия. Ведь я его разглядела и назвала подлинным именем: гордыня...

А до этого мне казалось, что с этим у меня всё в порядке: не хуже, чем у людей. Наверное, что-то есть... Может быть... А как иначе? А иногда даже — не может быть... Такая игра с этим понятием, которое редко кто по-настоящему понимает в себе как грех, — происходит внутри у каждого человека. Но это именно игра. И заигрываются безвозвратно.

...Увидев Бога у себя в передней и ощутив ужас происходящего, я мгновенно сбросила груз со своих плеч и увидела перспективу: вселенское развитие своего пути. Я даже физически ощущала, как менялся мой масштаб. Меня как бы растягивало в разные стороны изнутри, и видела я себя почему-то маленькой девочкой, бегущей по пыльной каменистой дороге навстречу Христу, который только произнёс: «Не мешайте детям приходиться ко мне». И я бегу изо всех силёнок, у меня уже крылья за спиной: я так хочу уткнуться Ему в колени, хочу, чтобы Он погладил меня по голове, и навсегда знаю, что мой бег-полет не закончится в веках.

Господи! Ведь мы бессмертны! И Ты это знал!

29.06.2011 г.

Страстной Четверг

Страстной Четверг. Чтение двенадцати Евангелий. Что поражает до глубины души, до ужаса? Ни одного слова Иисуса никто не понимает. Ни один человек не понимает подлинного значения Его слов. Ни один. Ни в реальности Евангелической, ни две тысячи лет спустя: Христос говорит, как в бездну. У одного человека и была минута прозрения за мгновение перед смертью: разбойник благоразумный. За мгновение перед смертью это, очевидно, приходит ко многим. Но всё-таки это не осознание, а скорее, озарение.

Реальность Христа становится необходимой, насущной только при возвращении Ему космического, вселенского масштаба.

Как я измучивалась последние годы тем, что Христос становился привычным — и в церкви, и в жизни. Его образ был уже так приспособлен к обыденному звучанию жизни, к её мучительной обеднённости... Так ежесекундно, болезненно ощущалось, что нужен прорыв, переход на другой уровень, что я вполне «духовно» и благополучно могу устроить заживо погребение для своей души.

Должна сказать, что это был самый тяжёлый труд в моей жизни. Самый тяжёлый. Сколько страхов навалилось, сколько правил, таких узаконенных, канонических... Перешагивать через них — не грех ли? Нет, бóльшим грехом ощущала я для себя чудовищную разобщённость

между таким правильным, вполне «духовным» течением моей жизни и подлинной сутью своей, которая стучалась, прорывалась ко мне с детства — через творчество больше всего. Становилось понятным, что рассчитывать на озарение перед смертью — не мой путь. И еще раз: реальность Христа становится необходимой, насущной только через возвращение Ему космического, вселенского звучания. И это невозможно без возвращения этого звучания, этого масштаба себе самому.

Убирать напластования, искажающие твой масштаб, убирать паутину с сознания трудно. Почти после каждой Страстной недели у меня есть записи в рабочих тетрадах. Там эта мука и этот труд обозначены. Раз или два за эти годы пережила распятие и смерть на Кресте Бога через свою прямую причастность к этому. Давало это толчок для роста сознания? Да. Но ненадолго. Паутина обыденности захватывает быстрее, чем растет сознание. Ведь свет застилает глаза больше, чем тьма. А ты в свете, ты здесь, в храме, ты молишься, ты постишься...

Хорошо, что подлинная моя суть, душа моя возвращала меня на путь поиска. И опять мука. И опять Страстная неделя. И я хочу воспринимать это как реальность своей жизни, по-другому я не могу...

Но... Увы — последние годы ниточка моего реального, подлинного бытия Страстных дней была связана только с предательством Петра. Отречение Петра является моей реальностью, моей правдой. Мне неважно, какое отношение это отречение имеет к Петру — я знаю, какое отношение оно имеет ко мне... Что я ощущаю грехом?

— Каждодневно предаю свою Божественную природу.

— Не имею подлинной, созидательной дерзости.

Христос приходил, чтобы сказать нам, кто мы есть. А мы даже мысленно не дерзаем понимать, кто мы, насколько мы нужны Богу, насколько опыт каждого из нас необходим для развития Вселенной. Мы только прикрываем себя правильными словами и понятиями, которые давно стали фиговыми листочками, оправдывающими наше мучительное, жалкое самоуничтожение себя, земли и жизни вообще.

Я знаю, что мне надо прорваться туда — к себе подлинной, по всем параметрам равной Богу. И мне не равенство важно. Хочу трудом своего сознания, своей души восстановить свою природу. Ничто

меньшее меня не удовлетворит. Знаю я, как это делать? Да, кое-что знаю, что-то придет.

Главное — не принимать размеры своего кругозора за размеры всей Вселенной. Аминь!

1992 г.

Есть Небо!

Наконец-то есть Небо! Ночью с 14 на 15 августа идем на смотровой телескоп. Волнуюсь. Два года не приезжала, не была, но как помнила, как ждала этих мгновений...

Наташа — астроном. Спасибо ей. И два её племянника: Сева и Гаврюша. Всеволоду — 16, Гавриилу — 11 лет. Так случилось, что и раньше только с этой компанией ходили мы смотреть на шаровое скопление в Геркулесе, на Вегу, Арктур, на любимое мое скопление X и H в Персее... И я, и мальчишки помнили это. И без меня на телескоп не ходили: ждали.

Крошечное пространство телескопа, роскошь крымского неба, по которому в ту ночь летели персеиды (поток метеоров из Созвездия Персея).

Начинается действие: Наташа долго наводитесь, а я жду, волнуюсь — и мальчишки не отходят от меня ни на шаг. Мне так важно: что же происходит в небе. Я так ждала этого мгновения, но понимаю, что не менее важно и то, что происходит на крошечной площадке телескопа...

Маленький Гавриил тянется к моим рукам, буквально проливается в них всем телом: «Погладьте меня по голове... Еще, еще... У меня голова болит...» И я глажу его, делаю ему какой-то космический массаж и стараюсь не пропустить ничего, происходящего в этот момент в небе. А мальчишка готов прикинуться ко мне всем своим существом, и я вынуждена поставить барьер, соблюдать дистанцию, чтобы он не упал в меня, как в небо...

Пока руки мои массируют эту умную лохматую головенку потенциального ангела (лишь бы уменьшительным Гаврюша не лишили его сути имени) — надо мной нависает почти двухметровый шестнадцатилетний отрок, который, не прерываясь почти ни на секунду, басит мне то в одно, то в другое ухо какие-то свои замечания, наблюдения,

шутки. Он так много шутит! И шутит он именно со мной. Он претендует на мое внимание, он требует... Не может он, как Гавриил, подставить мне свою голову, но он наклоняется надо мной, льнёт каждым словом, каждой шуткой, каждым движением души.

Летят Персеиды, льется свет звёзд, и я успеваю поздороваться с моей двойной Мицар и Алькорд. Вот скопление в Лакуне, Юпитер — дух захватывает. И ни на секунду не отрываются от меня пацаны... Звёздный поток летит сквозь всех нас... И когда, прикинув к окуляру, я вижу пульсирующую, бесконечно родную моему сердцу, зажигающую мою кровь, мое дыхание, красоту звезд X и H в Персее — я начинаю плакать. И мальчишки замирают на секунду, а потом придвигаются ко мне еще ближе: Гаврик держит меня за руку, руки Севы у меня на плечах. И вижу я, что все мужчины этой Вселенной стоят рядом со мной, в очередь, и всех надо успеть погладить, взъерошить им волосы, выслушать, пошутить. И это так!

О чем я плакала? О невыносимой красоте неба? Об этих мальчишках, которым уже в детстве так не хватило тепла? Обо всех мужчинах Вселенной? Или о себе самой, в которой так мощно соединены земля и небо, а я так и не сумела отдать, воплотить эту мощь. Мальчишки спрашивают: «Из-за чего вы плачете?» — «Из-за красоты», — отвечаю я.

И мы идём по темным аллеям Обсерватории, притихшие и усталые от того действия, которое случилось сейчас во всех наших мирах. Прощаемся. Я их целую. И дальше иду одна. И всё тело моё пронизано светом звёзд.

А дома до утра я молилась за всех мужчин Вселенной и каждому опускала в ладонь поющую звезду.

15 августа 2007 г.

Год Жёлтого семени

Татьяне Сак

Восьмая железная дверца в маленькое трепетное сердце с громким стоном захлопнулась, и страшно очаровательный волшебник по имени Я выбросил и этот ключ в бездну океана отчаяния. В это же

мгновение раздался хруст: надежда любви разлетелась вдребезги и оранжевыми осколками рухнула с полки сознания...

Огненноликий Ангел через увеличительное стекло дрогнувшего от боли далекого Сириуса пристально рассмотрел маленькое сердце, закованное в заплаты железных дверей, и усилием воли решил не заплакать, а засмеяться: все-таки восемь сантиметров трепетного сердца были еще свободны от ржавого опыта прошлого и по-прежнему могли и хотели любить.

Огненноликий Ангел вдохнул всем существом мудрость живого цветка будущего и понял, что под сознанием, на нижней полке, живет серое чудовище страха и руководит страшно очаровательным волшебником по имени **я**. Огненноликий Ангел почему-то призвал на помощь весёлых гномиков радости и смело заглянул на полку под сознанием, прямо в глаза серому страху. Чудовище сморщилось и превратилось в горстку серой пыли, которая пошла на удобрение в следующее мгновение распутившейся во Вселенной розы по имени Чудо любви. И тут же все железные дверцы на сердце превратились в лепестки розы, и наступила Эра долгожданного счастья.

*9 число месяца Лунного Скорпиона
в год Желтого космического семени*

Иллоис...

Эта птица давно и успешно прошла сквозь 86 Солнц в разных мирах. Оставалось одно, главное: 87-е.

А мальчик часто играл с птицей: она жила на дереве у его дома. И он ничего не знал о предстоящем испытании. У них был условный язык. Она всегда слышала, когда он издавал особый звук, как бы называл ее по имени: Ил-л-ло-ис...

И в день испытания, когда она прошла уже Седьмой огненный круг и приближалась к Солнцу, чтобы пронзить светило последним целованием и возникнуть там, на обратной стороне совсем в другом образе: родиться, наконец, навсегда, — в это мгновение, когда она последний раз услышала биение своего птичьего сердца, когда явилась отвага жить, жить, пройдя через солнечное горнило, жить вечно,

растворив себя в солнце — в этот священный миг она услышала его отчаянный зов: «Илооисс... Раскалённый солнечный зрачок уже втягивал её своим жаром, но у неё ещё было мгновение для выбора... «Илооисс...» — звал мальчик.

И она, нарушив свою правду, свой путь, может быть на тысячи жизней вперёд, за один вздох от вечности, повернула назад. Раскалённым камнем рухнула вниз, в своё гнездо, опалив зелёную крону огромного дерева, под которым её ждал мальчик.

«Вы знаете, Иван, после того, как утром сделала *Большое Дерево*, зачесалась и покраснела эта линия на правой ладони. А потом и на левой...». «Судьба меняется», — ответил мне мой Учитель Цигун. «Странно, я воспринимаю наши занятия Цигун, как танец. Все 2,5 месяца я будто бы танцую какой-то священный танец: мысли, которыми мы обмениваемся, наши внутренние диалоги, разговоры в машине, сны, sms-ки, в которых столько ростков поэзии. И даже вот эта возможность сказать вам все это». Иногда после таких разговоров мой Учитель пугался сразу на два дня. А может быть, это был не страх? И просто эти два дня он бродил в каких-то одному ему доступных мирах, в лабиринтах забытых снов. Но через два дня он возвращался другим. Он явно что-то знал, а может быть, помнил...

Танец нашего Цигун становился всё более наполненным и объёмным. Звучала глубинная взволнованность, как набегающая океанская волна. И мне всё больше хотелось стать песней на пороге тишины... Каждое утро я получала от него сообщение, как заклинание: «Ладонь из звёзд, укрой меня», — писал он. Или пел? «Дыхание камней, иди ко мне». «Вода, я здесь, родная кровь». В этих песнях-заклинаниях было всё, что есть на Земле и где-то в вечности. Не было только одного слова. Я и сама не могла его вспомнить, только понимала, чувствовала, что его нет.

Танец наш продолжался. За нами, вместе с нами уже кружились тысячелетия: какая-то наша прежняя общность, наше достояние, наш багаж. Был он странным и не очень тяжёлым. Я чувствовала, как лёгкой светлой струйкой вытекает карма, как вода, перемешанная в одном стакане...

И как только во мне просыпались более глубинные пласты нашего общего прошлого, мой партнёр в танце Цигун скрывался за завесой страха. Так я это называла, понимая, что это называется иначе. Его возвращения были светлыми, но я всё чаще наблюдала битву между мальчиком и женщиной. Иногда не на жизнь, а на смерть. И мне всё чаще хотелось, чтобы победил мужчина...

Однажды, во время упражнения *Большое Дерево* мы оба соединились с одним и тем же деревом, невиданным никогда на Земле... И целый час, пока мы были этим деревом, из гнезда в кроне вылетала невыразимой красоты птица и всем своим существом устремлялась к Солнцу. Но чей-то знакомый голос, льющийся из соседнего дерева, звал: «Илоонис... Илоонис...» И птица, рискуя Вечностью, падала в гнездо, опалив крону моего дерева...

Завтра он выдаст мне удостоверение о том, что я прошла первую ступень Цигун.

Я приснилась Египтянину

В 518 году до Р.Х. я пережила самое страшное предательство за все мои последующие жизни. Было мне 33 года. И связывала меня с очень большим, мудрым, великим человеком любовь такой чистоты и силы, что люди приходили смотреть, как Нил менял глубину отлива, когда мы шли вдвоем по берегу и обменивались мирозданием в каждом взгляде, в каждом слове, в каждом жесте.

Он отрёкся неожиданно, не объясняя причин. Подозреваю, что это было связано с его дальнейшим жреческим служением, с переходом на новую ступень, где он во многом не имел выбора, а вернее, сделал свой выбор. Да и никакие причины, даже самые высокие, я не смогла бы услышать и принять в тот момент — я была уничтожена.

Моё доверие на уровне счастливого ребенка было растоптано на много жизней вперед. Боль пронзила и не отпускала. И никогда больше я уже не поверила в любовь, никогда не позволила себе любить безоглядно. Любовь осталась для меня навсегда синонимом самой сильной боли. Во всех последующих встречах в других жизнях я заранее предвкушала только сладость боли и разрушала отношения с

каким-то безоглядным упоением. Это была моя месть. И по-другому я не могла и не хотела. Но причины этого тогда не знала.

И только в этой жизни я стала постепенно понимать, как я измучена, как ненормальны такие отношения и как я больше этого не хочу. Я стала видеть, что все мои любовные истории похожи друг на друга и имеют, скорее всего, какую-то глубинную причину. И причину эту я не знала. А натолкнули меня на эти мысли мои собственные стихи. Перечитывая свои стихи о любви, я понимала, что, на самом деле, это стихи не о любви. То же говорили и особенно вдумчивые мои читатели.

И вдруг в сентябре 1994 года случилось стихотворение:

*Я приснилась Египтянину
Тридцать тысяч лет назад.
Был он главный жрец при храме,
Помню я его глаза:*

*Солнце полдня с Нилом слитое,
В холоде крылатых век
Тайна духа, в страшной битве
Ускользнувшего от всех.*

*Но отрёкся чёрным словом он —
Выжег этот сон огнём...
И ночами невесёлыми
Вспоминаю я о нём...*

*Нить всё тянется и тянется:
Тридцать тысяч лет назад
Я приснилась Египтянину,
Помнит он мои глаза...*

... Оно вызвало у меня недоумение, испуг, прошло буквально мурашками по телу. Я не понимала, не могла почувствовать его природы, его корней: откуда оно?

За месяц до этого мне пришлось переночевать в храме XVIII века в Терехнях (Псковская область). Храм кладбищенский, в склепе под храмом похоронены родители М.И. Кутузова. Причём тело Иллариона Матвеевича полностью нетленно.

В храме нет света. Иконы в серебряных окладах. Это была великая ночь в моей жизни. Много я там почувствовала, многое мне показали

воочию. И, затеплив свечу, со слезами молилась я той ночью о своей женской судьбе, о её необъяснимой тяжести, о своей великой, неосуществленной женственности. И перед тем, как уснуть на брошенной в приделе старой перине (там шел ремонт), я задала вопрос: «А есть ли на земле мой человек?» Было 4 часа утра. А в 8 утра отец Георгий едва разбудил меня. Стучал в дверь долго: пора было начинать службу пророку Илии.

Я открыла дверь, он внимательно посмотрел в лицо и сказал одно слово: «Молодец». Я причастилась и уехала оттуда обновлённой. Но не успела рассказать отцу Георгию сон: в ответ на мою просьбу мне приснился мужчина с гладким, чисто выбритым лицом, очень выразительным и аскетичным, шею его с одной стороны пересекал мощный шрам, и голова была бритой. А через месяц случилось это стихотворение «Я приснилась Египтянину».

Долгие годы оно оставалось для меня загадкой. Но когда я читала его на вечерах, то чувствовала странное волнение. И только 26 августа 2009 года мне удалось вспомнить все, что произошло со мной в 518 году до Р.Х. Шесть часов длилось это воспоминание. И все шесть часов я в муках и рыданиях прощала того человека, отпускала его, благодарила, отпускала и свою боль.

Это стихотворение было путеводной звездой в том великом путешествии в моё прошлое, в недра моего подсознания, где тысячелетиями копилась боль моей души и при каждом удобном случае была востребована, демонстрируя свою мощь и неизбежность. Только сознательным прощением той ситуации я смогла заставить эту боль уйти, раствориться. Я показала ей, что больше не нуждаюсь в её услугах, в её опыте.

Счастливая и свободная от этой части своего прошлого села я вечером в поезд Симферополь — Санкт-Петербург. Я могла и хотела любить. Мне больше не было страшно.

21 июня 2010 г.

Для прочитавших Хазарский словарь Милорада Павича

Я открыла глаза на 126-й странице Хазарского словаря Милорада Павича, написанного сразу на всех языках, в том числе и на

существующих, с живым участием не только букв и легионов ангелов, которые стоят за каждой буквой, поддерживают её, обмывают, когда водой с мылом, а когда и слезами (если буква особенно загрязнится человеческим прикосновением мыслью, слюной или нечистым языком).

Но не только буквы имели честь создавать этот словарь, но и пробелы между ними, которые сами по себе священные, стоит только внимательно взглянуть в страницы самых древних книг на Земле...

Открыв глаза на 126 странице Хазарского словаря и проснувшись на 285, я присудила Павичу (хотя при чём тут уже Павич?) сразу все Нобелевские премии по литературе с 1990 до 2190 года включительно, оставив только один пробел в этом календаре, одну клеточку, на всякий случай, для себя самой...

На 348 странице стало окончательно ясно, что сетей ловцов снов мне не избежать. Конечно, у меня были свои тайные уловки, знаки и умения, но я умудрилась оставить их дома, как сбережения, которые люди держат про чёрный день.

В полной незащитности я попыталась проскользнуть между 364 и 365 страницами Словаря в пахнущий дойной коровой кожаный переплет, до дыр зализанный обнищавшим ветром затравленного людьми времени...

Но в мой сон, как в гостиную, успел войти человек, от беседы с которым я не могла отказаться никогда, ни при каких обстоятельствах: это был Милорад Павич, с которым мы разминулись в 1929 году, 15 октября, чтобы встретиться сегодня. Числа не называю: оно успело сбежать в щель между 364 и 365 страницами Словаря, одолжив, без моего ведома, мою походку...

Дуб

Он живёт на большой поляне за городом Белогорском. Одна его половина смотрит в сторону двух огромных белых скал уже 800 лет.

Я подхожу к нему с закрытыми глазами. Так глубже встреча. Не дойдя нескольких метров, остановилась, как перед барьером... И это не было его предупреждение — это было его приветствие, приветствие силы.

Я ничего не могу рассказать о нём. Его размеры, форма — всё поражало. Но общалась я с его сознанием. Оно было огромным, сияющим и очень спокойным. Ни один город не обладает таким сознанием. Он допустил меня. Именно поэтому во мне в те 40 минут не было хаоса мыслей, эмоций, знаний. Моё очищенное сознание общалось с его.

Впервые в жизни я была так полна и тихо плакала от этой полноты. Я училась. И Дуб был моим Учителем. В какое-то мгновение поняла, что его сознание сливалось с сознанием Бесконечного — между ними не было преград. Этому он меня и учил. Здесь, на Земле, он живёт 800 лет, но проявлен он здесь из какого-то другого мира. И, общаясь с ним, я побывала в том мире. И там тоже моя учёба была глубокой и настоящей. Сказать спасибо — ничего не сказать...

P. S. *Теперь вижу, что на картинах древних китайских художников деревья написаны не художниками, а деревьями... Каждое писало себя. Художник не мог писать, пока не становился деревом. Дерево — это совсем не то, что мы о нем думаем и знаем. Кланяюсь Дереву.*

СОЛОВКИ-СОЛОВОЧКИ

Рассказы местных жителей

«Ворон Яша. Наглец. Огромный. Ключи из мотоциклов воровал. Шапки срывал и летел рядом. Было открытие сезона. Пристаёт, в микрофон кричит. Председатель сельсовета Тиранов выступает, а Яша орет. На горе милиционеры стоят. 11 штук. И поймать не могут. Мужичок какой-то поймал и под охраной милиционеров в сарай понес. А он из подмышки орёт птичьим матом, в котором кую можно узнать.

Крест ставили на колокольню — гайку украл: крест кривой.

Иду по дороге. Яша навстречу, крылья за спиной, вразвалочку... Хоть здоровайся. Выучил расписание пароходов и выпендривался перед туристами, а потом клевал больно».

Интересно, что этот ворон Яша помнит из той, лагерной жизни на Соловках?

* * *

«Кошку на столе застали? Отучить не можете? Прибывается кошка на некоторое время за ухо к столу, и больше вы её на стол не затащите — так цыган Буздылин делал. А он с животными умел обращаться. Однажды у него лось в силос попал. Так он сел напротив: «Ну что, попался... Трам-там-там (непечатно)». И долго так с ним разговаривал. Рассказывал, как компас украл, потому что у него спирт внутри. А жену у него *кочевряжиной* звали. Есть *клухи*, *шалашовки* а есть *кочевряжины*.

И ещё о животных помню: у соседа моего свинья была. Кормил хорошо, а не толстела. Ходила за ним следом, даже на партийные собрания. Натаскивал её на грибы...»

Соловки — отдельная страница в моей жизни. И, конечно, не эти рассказы потрясли меня там. Отсылаю вас к моим стихам о Соловках

Рискнёшь

— Рискнёшь? — сочувственно спросила старуха.

— А у меня есть выбор?

— Выбор есть всегда.

— Если не рискну?

— Проиграешь заранее, прямо сейчас.

— А рискну?

Старуха засмеялась беззубым ртом:

— Много раз рисковала?

— Это — третий. Первый — в молодости, в полном неведении, как в пропасть. Второй — в ранней зрелости, от избытка сил: всё по плечу. И вот сейчас... За много лет впервые.

— А сейчас отчего?

— От спокойной уверенности: в любом случае не проиграю. Опыт дороже результата.

— Твоя правда, — улыбнулась старуха. — Хотя риск большой.

— Да в чём же риск? — удивилась я. — Два взрослых умных человека...

— Вот-вот, — подхихикивала старуха. — Готова взять на плечи и нести?

— Не очень-то ты мудра. Посмотри, какие каждодневные подвиги он совершает ради меня. А каждодневный подвиг цены не имеет по сравнению с одноразовым героизмом. Не я его несу, а он без усталости решает мои проблемы и пытается понять меня.

— Не ради тебя он делает, а ради себя, для обретения собственной значимости. А думает, конечно, иначе... Ну, решила если, так давай. Я на твоих башмаках сама красные шнурочки завяжу, чтобы узел был настоящий, чтобы не развязались в дороге...» — наклонилась и... Откуда ни возьмись, явились у меня на ногах прочные старые башмаки с весёлыми красными шнурками... Когда я открыла глаза, уже никакой старухи не было. «Привидилось что-то», — смутно подумалось и ушло.

В соседней комнате спал он. Всю сложнейшую вязь пройденного им пути я распутала в его пользу. Иллюзии давно не были моей главной специальностью. Мне радостно было отдавать. Впервые в жизни я понимала, что любовь стала моим состоянием, а не точкой приложения по отношению к определённой человеку. На его месте мог быть кто-то другой. Просто знаки судьбы сейчас указали на него... Я знаю, что мне нечего бояться, у меня ничего нельзя отнять...

Когда через короткое время я опустила этот груз с моих плеч, недоумению моему не было предела. «Так не бывает!» — боль была короткой, но пронзительной.

Я услышала свой смех в неподходящую минуту... Старуха сидела передо мной с довольным видом.

— Только так себя и предают. Это — классика. Но к тебе это не имеет отношения: это его выбор. Ты пыталась нести его по пути к нему самому. Но по этому пути ходят своими ногами...»

— Кто ты?

— До сих пор не узнаешь? — старуха удивилась. — Я — это ты. Собственно, меня нет. Есть только ты.

— И ты знала?

— И ты знала. Я тебя поздравляю.

— С чем?

— Ты вела себя очень отважно, как настоящий воин. Не всегда правильно действовала, но отвага и чистота помыслов были безупречны.

— Но я ему не помогла...

— Как знать, может быть, ты продлила его жизнь... Закрывая глаза, он будет слышать только твой голос, видеть твой образ. Ему от этого не спастись. Твой голос пробуждал в нем проблески силы. Без этого ему теперь не выжить. Ты теперь его сила. Ты поделилась с ним силой, а это умеет далеко не каждый... Не печалься о нём. Радуйся за себя. Попытка подвига приравнивается к самому подвигу. Ты честно старалась, хотя и знала всё наперед.

— Это ты знала...

— Меня нет — есть только ты, — старуха засмеялась и положила мне на ладошку искусно свёрнутые в тонкое колечко красные шнурки. — В другой раз наденешь на палец — и всё получится.

Кто же он?..

Вошла в парк. Навстречу бежали две громадные злые собаки — злых всегда видно. Испугалась. Повернула назад, но навстречу шел мужчина. «Можно я с Вами пройду. Боюсь собак». — «Можно-то можно, да на мне кровавые раны. Почуют — порвут. Меня тут недавно покусала соседская, тоже из-за кровавых ран: почуяла. Руку прокусила — кость торчала. И ногу порвала. Кровищи было!»

Делать мне было нечего, и мы пошли рядом. Тропа одна, никуда не свернёшь.

«Я сам собачником был, двух собак держал. По восемь лет каждую. Только мои команды знали. Да я с месяца со щенком год на его подстилке спал: то поить, то подтереть. А уже когда он вырос — любого зверя брал. И по кровавому следу, и в норе работал». (Этот кровавый след я опять отметила.) «А как его звали?» — задала я невинный вопрос. «Кир. Имя Царя Библейского». — «Да, знаю». — «А тут и знать нечего: вся Библия на истории евреев, слово в слово.

Я в Саянах вырос, в Сибири, в старообрядческой семье. С 10-ти лет на славянском языке бабушке Библию читал. В четыре

яруса иконы в каждой избе были. Вошёл, три поклона не положил — выгонят. Строго все было». — «Вы бы написали о таком уникальном детстве. Это сегодня бесценный, редкий опыт». — «Да что писать? Как я в 13 лет охотником стал, первого медведя завалил? Я с тех пор уже 50 их завалил... А Библия, да, это интересно.

Я когда в аспирантуру поступил, нашёл возможность читать в разных переводах. Я, дурак, взял и в аспирантуре четыре языка выучил... Ну, меня, конечно, КГБ и повязали... Где только не побывал... Во Вьетнаме был, в Афгане, в Чечне... Батальон мой, 160 человек... 97 ребят на поле оставил, а остальных вывозил «вертушками». Когда ранило (выкинуло с машины на камни) — у меня позвоночник в 24 местах был сломан... Ну, хирурги, госпиталя... Один уже здесь, на Фонтанке, говорит: «Женат?». — «Нет». — «Женись». — «Зачем?» — «Чтобы детей успеть увидеть. С этим не живут».

Понял я, пересмотрел свои отношения с жизнью и решил: жить мне учиться надо с этим. Живу... А деревообработкой занялся — первые места на международных конкурсах брал. Когда в цех в Колпино пришел, на громадных площадях 18 человек работало. А через год у меня уже 3 тысячи рабочих было...».

Он понял, что я уже подошла к дому, который мне нужен. «Вам сюда?» — «Да». Он чуть заторопился: «А в Иране, после ранения, полз на штыковом ноже 10 км. Воткну нож перед собой, подтянусь (показал движение) и дальше ползу... А ещё...» — «Спасибо Вам большое. Я уже пришла. Всего хорошего». Он с сожалением глянул и пошел.

Маленький, страшненький, с реденьким зачесом волос на лысине, но глаза странные: голубые, пронзительные... Старалась в них почему-то не смотреть... Явно не хватило ему героического в жизни, мужских подвигов и поступков. А может быть, это всё правда? Или это болезнь многих современных мужчин: хотеть одного, а делать другое? Мечтать о поступках и не совершать их... Так и не поняла, кто же мне встретился в парке...

Бродят по земле никому не нужные мужчины: то ли герои, то ли фантазёры, то ли сумасшедшие, но все явно не нашли себя ни в подвигах, ни в любви, ни в чём-то главном, зачем мужчина здесь, на земле. И причина простая: не умеют любить женщину...

Под сенью старой араукарии

Правда моего пространства измучена неуловимостью моих ожиданий. Я вкладывала в эти ожидания совсем не тот смысл, который прорастал потом в лиловых страхах и изъеденных молью сомнениях. Я не узнала ни одного из своих ожиданий, и они дружно и радостно искажали моё отражение в зеркалах жизни. Выход был: я вышла из них полотенце для сожалений. В первый год жизни им вытирали детей после купания — это была прививка от чарующей безликости ожиданий. А я всегда помнила, что где-то существует моё подлинное пространство. Может быть, оно в великой беспечности знакомой звезды, сцедившей по каплям свой свет в золотую нить сказок моего внутреннего детства, пусть начало его и теряется в веках, как в кронах старых могучих деревьев теряется память о первом семени...

Поискам моего пространства была посвящена жизнь. И было много находок. Но однажды в моей жизни появился человек, с которым я смогла разделить завтрак. Тогда и выяснилось, что у меня талант, дар, великое умение — Завтракать...

Сразу после пробуждения я полна смыслами, сутью, узнаванием, присутствием себя самой в каждом мгновении, ко мне ещё стучатся откровения ангелов, воспоминания чисты, ненаписанные страницы книг проступают сквозь небытие симпатическими чернилами, и можно успеть что-то считать, зафиксировать, уловить. Я полна ожиданием чуда от предстоящего дня, полна надежд на любовь, на праздник жизни. Я ещё верю, что человек рядом обретет крылья, возьмёт за руку...

Всё это богатство я подавала к завтраку с гостеприимством волшебницы вместе с натуральным несладким йогуртом с овсянкой, тасманийским медом и кусочками папайи. Скажу ещё, что человек рядом (назовем его N) умудрялся спрятать на столе маленький диктофон и записывал, записывал, боясь пропустить хотя бы одно моё слово, мои интонации, а попутно и своё — ведь он тоже участник этих завтраков, хотя и забывший надеть крылья... После такого завтрака мы выбирали кафе и ехали сразу обедать, а иногда и ужинать...

Чем кончаются такие истории?

Н скоро понял, что ему достаточно на всю оставшуюся жизнь диска с записью наших завтраков, наших пиршеств и фейерверков. Этот диск стал его сокровищем, а умение создавать прошлое и мучиться им было главной способностью Н. Он и сейчас слушает этот диск с нашими завтраками, а я вспомнила об этом попутно...

Именно Н во время завтрака рассказал сон, в котором жили-были трое друзей: я, время и пространство. И однажды время пригласило меня в гости к пространству. Вот в эти мгновения и состоялись все мои главные обретения, и поиски моего пространства завершились счастьем.

И случилась эта история на Rhodes St., в доме под сенью старой Араукарии.

Иероглифы времени

Он сидел напротив и ел кашу. Я положила ему много, чтобы рассмотреть его лицо, на котором морщинки были прописаны китайским художником. Со всей ответственностью перед собственной старостью он наносил эти бороздки времени, и у него хорошо получалось. А моё лицо расписал китайский мальчишка, который только учился искусству писать иероглифы, часто хулиганил — и у него получилось весело — поэтому и возраст мой неопределим.

А он долго ел кашу и свято верил в собственную старость. Чудак!

Праздник моего огорчения

Тот, кто никогда не увидит меня во сне, навсегда останется праздником моего огорчения. Я стучалась в его сны с постоянством сорокадневного дождя и с надеждой самой рыжей на Земле кошки: родиться в другой жизни чёрно-белой красавицей. Не в этом ли причина его жестокой бессонницы? Он и сейчас ворочался в постели, мечтая о том, чтобы завтра пошёл дождь — самая комфортная для него погода. И, засыпая, видит тощую рыжую кошку, которая каждое утро трётся о его ноги, когда он выходит из подъезда.

И каждый раз он думает, что она хочет ему о чем-то рассказать, и каждый раз сама эта мысль представляется ему невероятной...

Тот, кто никогда не увидит меня во сне, просыпается у меня на плече: праздник моего огорчения, пока я этого хочу

Пала

*Ты хоть не пала?
Пала, батюшка, пала:
Господь посетил — пала.*

Из разговора

За два дня до моего 60-летия груз накопившихся житейских и жизненных проблем казался неподъёмным, особенно житейских. Когда их много, я теряюсь до отчаяния. Творческие, духовные, даже жизненные — мне решать гораздо легче. Мои 60 лет меня никак не занимали, не вызывали даже малейших эмоций или сожалений, или размышлений — я давно живу в своём пространстве, в своей арифметике, где 0 является только поводом начать всё сначала. И чем веселее 0, тем осмысленнее и радостнее повод.

В тот же день, 13 января, собираясь с утра на подвиги решения тех самых житейских проблем, я торопилась (чего почти никогда не делаю). А главное — мучительный вопрос, десятилетиями не дававший покоя, опять явился во всей своей красе: надо было приспособить недавно подаренную мне подругой дубленку к остальному гардеробу, к моему состоянию и еще ко многому. Дублёнка была дорогой и качественной, а всё остальное — сапоги, брюки — никак не хотели совпадать с ней, явить гармонию и этим очень облегчить моё напряженное состояние. Семь пар брюк я перемерила очень быстро. Одного взгляда хватало, чтобы увидеть в зеркале все несообразности, несоответствия и, как результат, почти уродство. Десятилетиями я не имела возможности одеваться в соответствии со своим внутренним состоянием, своей поэзией, своими мыслями. Кто через это прошёл, знает, что это такое.

Итак, результат моих переодеваний только усилил тот хаос, ту дисгармонию, которая последние недели одолевала меня. И я подошла к зеркалу, чтобы совершить каждодневный ритуальный подвиг: сказать себе, как я прекрасна.

А дальше — хроника, отчёт даже не по секундам, а по долям секунд... Нога моя правая неожиданно ступила на гимнастический крутящийся круг на полу, он поехал и, меньше чем через мгновение, я уже наблюдала свой полет... Летела я на спину на пол с какой-то страшной силой и скоростью! Этот полёт я не забуду. И в этот раз Господь спас!

Приземлилась на левую руку и левую ягодицу, но удар был очень сильным. Мгновенно, сразу после удара, первая мысль и вслух: «Надо выходить замуж за миллиардера Прохорова...» Кто знает меня, тот поймёт, что мысль эта ни при каких обстоятельствах не могла мне явиться...

И, как в замедленной съёмке: с трудом встаю, плачу, тру ушибленные места — я ничего не понимаю, я в прострации, но вслух всё это время идет неостановимый монолог: «Почему за Прохорова?! Ах, да, я видела интервью с ним по телевизору. Ему 45 или 47 лет, кажется, он не женат. Но нет (продолжаю плакать и быть в прострации) — не в этом дело... Я видела, как он нуждается в помощи. Да... очень нуждается. В чем-то неглуп. И это хорошо... Но ему едва ли кто, кроме меня, поможет... (плачу громко). Столько лет разницы? (Плачу, тру ягодицы). Это ерунда... Меня только покормить, да косметолог, да массаж. Уж я-то знаю, чего я стою (плачу горько). Ведь ясно, что я моложе его... стоит взглянуть на него...». Уже сижу на диване и рыдаю. И вслух сквозь рыдания: «Сила моя в естественности, которой сейчас так мало в мире... Да, бедный Прохоров... кто тебе ещё поможет?! Как же его зовут?! Не помню. Неважно... Он потому не женат, что чувствует, в чём его спасение — ведь не дурак... Одежду мне купим, письменный стол, рыбу качественную буду есть даже раз в неделю. Но не в этом дело... (Плачу тихонько, как щенок — скулю). Просто помогу ему, можно сказать, спасу... И будем счастливы... Я точно знаю»...

Монолог резко оборвался: посмотрела на телефон. Надо куда-то звонить, что-то выяснять про ушиб, про сотрясение. И всё — жизнь двинулась дальше.

А вечером раздался звонок из Москвы: «Госпожа Патракова, фонд (не расслышала) объявил литературный конкурс... Спонсор

конкурса Михаил Дмитриевич Прохоров выдвинул условие...». Я перестала дышать, перестала слушать — даже мне было трудно поверить — оказывается, главное — это вовремя подумать и лучше всего в полёте... Чем все закончилось? Я пока не знаю. Сегодня только 14 января.

С Новым годом!

P.S. Прошло два года. Ни в каких конкурсах я не участвую. Смешно это. Но несколько раз выступала за это время. Недавно в Москве, в ЦДРИ. Раз 40-50 назвали большим русским поэтом. Великим. И, как водится, гениальным. Умнице смеётся. Душа, умница, не реагирует. А вот книгу новую издать не могу — реагирует. Пока ещё. Телевизор выкинула в окно 29 лет назад — скоро юбилей.

А тут в гостях включаю и узнаю: оказывается, почти пол-России тоже собирается «выйти замуж за Прохорова». У меня это желание явилось на фоне удара и сотрясения. У России — свои причины... Но, как и я тогда, она из самых глубин отчаяния верит и надеется на счастливое совместное будущее...

Вот такая странная история. А, может быть, действительно: ...и стол письменный купим, и рыбу качественную даже раз в неделю... И ему помощь: из миллиардера в человека обернётся... Чего не бывает в нашем сказочном зазеркалье...

19.02.2012 г.

Хроники моей жизни

На пламени души звезда горит

(из старого стихотворения)

«Таким образом, господа, звезда, за рождением которой 200 последних лет наблюдали астрономы нашей обсерватории, рождена! Она вспыхнула! И с этим событием мы можем поздравить и себя, и всех коллег, которые вели эти наблюдения до нас. Приветствуем новую звезду в Галактике Белое зеркало», — Ричард Хаб заплодировал, а за ним и остальные: радость была всеобщая. Бил Маенс, глава Астрономической Академии Галактики Андромеда, вышел из-за стола, обнял Ричарда:

«Спасибо за новость, Ричард. Академия и в этот раз обращается к Вам с просьбой, вернее не к Вам, а к Вашей дочери: попросите её дать имя этой звезде. В прошлый раз у неё так хорошо получилось...» Ричард улыбнулся: «В прошлый раз это была игра: я в шутку пообещал домочадцам приз за лучшее имя для звезды. И Ирс назвала её именем свой любимой куклы. Но боюсь, Бил, в этот раз могут быть проблемы: ведь дочке скоро 5 лет...» — «До её дня рождения ещё есть время, я ведь помню эту дату, Ричард. Может быть, она согласится?» — «Хорошо, Бил, я поговорю с ней».

Дома он вошел в комнату дочери: «Ирс, Академия и в этот раз обращается к тебе с просьбой... 200 лет мы наблюдали рождение новой звезды в Галактике Белое Зеркало — это очень далеко от нас. И вот в эти дни звезда родилась! Она вспыхнула! Теперь ей нужно дать имя. Ты сможешь?» — «Я подумаю, папа». — «Думай, но не очень долго». На следующее утро Ирс приоткрыла дверь в кабинет отца: «Папа, я согласна, но мне надо несколько дней, чтобы поговорить со звездой». Ричард улыбнулся: он уже ничему не удивлялся. Он просто принимал мудрость дочери как должное.

Через три дня Ирс влезла в комнату отца через окно: «Папа, звезду зовут Риса». Отец и дочь смотрели друг на друга. Ричарду очень хотелось спросить у дочери, как она это узнала. Но он молчал. «Ты хочешь спросить, как я это узнала?». Ирс смотрела ему в глаза. «Ты угадала». — «Может быть, я тебе расскажу, но потом...» — «Когда потом?» — Ричард боялся вспугнуть откровения дочери. «Потом... если огонь не уйдёт. Он ведь редко приходит...» — «Хорошо, родная моя красавица, — Ричард хотел сказать умница, но почему-то сказал красавица, — я буду ждать». — «Папа, ты береги эту звезду Рису». Ричард растерялся: «Как же я буду её беречь? Ведь она так далеко...». Девочка залезла к нему на колени, обняла его и сказала: «Нет, папа, она не далеко, она близко, очень близко», — закрыла глаза и через минуту уже крепко спала. Ричард потерянно улыбался: «Чудное дитя. Божие послание...». Он бережно отнес Ирс в её комнату, уложил в постель, поцеловал тоненькие пальчики и закрыл дверь.

Так у новой звезды в Галактике Белое зеркало появилось имя. Прошло 20 лет. Ирс не утратила своей мудрости, она много и

радостно училась, жила какой-то своей, затаённой жизнью. И никто в семье её не тревожил: все её, иногда странные для окружающих, проявления, не несли тревоги и разрушения. 16 апреля — день её рождения — был праздником для всей семьи. Но лет в 10 она захотела праздновать этот день дважды: ещё и 16 января. «Мне это важно», — сказала Ричарду Ирс. «Хорошо, дорогая моя. Я не хочу задавать тебе ненужных вопросов». — «Спасибо, папа».

Все знали, что Ирс пишет стихи, иногда на её днях рождения они звучали. Но никто не мог составить о них какого-то определённого, глубокого представления: было в них что-то неуловимое и завораживающее. Иногда, словно в шутку, она спрашивала отца: «Помнишь, ты обещал беречь звезду в Галактике Белое Зеркало — Рису?» Ричард улыбался: «Пылинки с неё сдуваю», — и оба смеялись.

Ещё через три года Ирс издала книгу, которая стала сенсацией во всех близлежащих галактиках. Это была книга стихов. Но начиналась она авторским предисловием, вот его текст: «16 января 1950 года в Галактике Млечный путь на планете Земля родилась девочка, которую назвали Ларисой. И в эти же дни астрономы трех Галактик зарегистрировали странные явления в Галактике Белое зеркало. Эти явления были настолько необычны, что на протяжении последующих 200 лет все обсерватории наблюдали процесс рождения новой звезды, и это было захватывающее драматическое зрелище».

И дальше впервые ей удалось очень точно и убедительно показать, что энергией для рождения новых звезд является душа земного человека, её опыт, обретенный за жизнь именно на планете Земля. Слова *Жизнь вечная* приоткрыли подлинное значение, и картина посмертия человека стала такой точной, осмысленной, такой захватывающей... И роль человека в развитии Вселенной впервые явилась во всей полноте, величии и ответственности.

Книга её была больше, чем научный труд, и в то же время это была самая высокая поэзия: у Ирс был доступ к материалам астрономических наблюдений, у неё был доступ к моей поэзии, к моему творчеству, к жизни моей души.

И, накладывая мою жизнь, со всеми её падениями и взлетами на кальку астрономических расчетов, которые велись со дня моего

рождения все последующие столетия моей жизни, Ирс создала фантастически реальную картину, ясно обозначив, как трудно совершенно сознательно, огромным напряжением воли направить весь свой жизненный путь к главной цели — на развитие, на расширение Вселенной. Иначе сказать: захотеть стать звездой.

Сейчас, когда все времена для меня миновали, я иногда с отчаянием думаю, а вдруг бы не получилось? Но это другая история. Откуда же Ирс знала? Тут нет большой загадки. Световое время в разных Галактиках течёт по-разному. И Ирс имеет ко мне самое прямое отношение. Она — та часть меня, а вернее, та часть моего опыта, который я прожила за много времени до своего рождения. Она как бы начала то движение, которое завершилось совсем в другой Галактике рождением новой звезды. Когда-то она передала мне волшебную палочку жизни как эстафету, потому что ей самой, в силу разных причин, не удалось донести её до конца.

Она — я — звезда Риса. Так это выглядит в нашем пространстве. На самом же деле не существует однолинейных связей. Вопросы межгалактической генеалогии гораздо сложнее наших представлений. И всё выглядит так, как здесь описано. Астрономы не сводят с меня очей телескопов, но у меня ещё много дел на Земле.

И не делайте вид, что вы чего-то не понимаете: вы просто не хотите вспомнить...

9 ноября 2009 г.

P.S. *Переписывала и плакала.*

Считаю обязательным упомянуть, что когда писала этот рассказ — дальше рождения звезды своё будущее не видела. Теперь знаю, что не имею права ограничивать свою жизнь этим.

Сгинувшие

Россия, как чёрная дыра, как бездна поглотила жизни сотен миллионов людей: часто недавно родившихся, ещё не распахнувших себя, не прошедших и половину нищенского земного срока, отмеренного себе самим человеком. Туда, в эту бездну, в эту воронку из века в век всасывало миллионы жизней... Ранних, неестественных

смертей в России было столько, что кажется, будто страшному чудовищу скармливали, приносили в жертву, набивая ненасытную утробу...

И к этим миллионам прибавляю десятки тысяч (или больше?) сгинувших в слове: тех, кто писал, писал неостановимо — в горячем любовном бреду, в поисках истины, в ожидании счастья, сбегая от себя, вылавливая мутную рыбу собственной значимости, кто рвался в слово, как в жизнь — жизнь минувшая.

Слово давно стало сетью, всемирной паутиной, и всевластие компьютера — это только жалкая пародия на то, что уже так давно существует. Сколько жизней в России бросали в слово, как в костёр, не понимая, что это самый сладкий способ самоубийства.

В самых глухих уголках России шуршали перья, тупились карандаши: писали, писали, закладывая в слово свою жизнь.

Когда человек научился читать и писать, он отделил себя от целого, от Бога. И тут же отправился в путь, искать себя самого. И сейчас ищет. Часто в слове.

Не позвонил

17 сентября утром отправила SMS-сообщение своему другу в Москву, Володе Шумилову. Ему 60.

«Тебе удалось украсить собой жизнь и осчастливить женщину».

Вечером позвонила, в разгар банкета. «Получил моё поздравление?» Оказалось, не получил. Телефон у него давно другой, а мне и невдомек: я всегда звоню его жене, Ирине, моей давней подруге. Было немного жаль, что он проснулся в день рождения без этих моих искренних слов. Но что сделаешь?

Утром следующего дня звонок на мобильный. Незнакомый неуверенный мужской голос: «Простите, а вы всерьёз так считаете?». «Что именно?» (И я начала обо всем догадываться). «Ну, что мне удалось украсить собой жизнь и осчастливить женщину?» — «Знаете, вам виднее. Простите, что так получилось. Это поздравление предназначалось другому человеку, просто ошибка с телефоном». — «Да, я понял. И вот уже сутки думаю, пытаюсь понять что-то о себе.

Знаете, впервые». — «Ну, я рада за вас. Думайте». — «А когда пойму, можно позвонить?». — «Звоните. Удачи!» Не позвонил.

Пианист

После концерта за кулисами две стайки дам шелестели словами вокруг пианиста и певицы. Ведущий концерта, ведомый самим собой и замученный им же, дважды прошествовал мимо меня с чайником в руках, а я все стояла, переполненная чудом, которое было мне даровано во время концерта, и не знала, как поделиться им с пианистом...

Дамы продолжали шелестеть — грешить словом. Опять, как корабль, не знающий пристани, проплыл ведущий, и пианист почти впопад и очень музыкально отзывался на дамский шелест... И я ощутила счастье невозможности прикоснуться к приятному во всех отношениях миру этих людей и одновременно боль невозможности поделиться с пианистом пережитым впечатлением: мои слова никогда не будут услышаны на фоне привычного для пианиста шелеста.

А я видела огонь, истекающий из пальцев пианиста, когда он играл, а певица благополучно отдыхала за кулисами.

Но за стеной на столе уже ждал коньяк, щебет приятных, заранее угадываемых слов, маленький внутренний спектакль большого корабля, не знающего пристани...

И я пошла к выходу. Певица на ходу смирала меня однозначным взглядом, совершенно правильно оценивая опасность, исходящую от меня, но не подозревая о её масштабах...

И я ушла, не рассказав пианисту главного о нём самом. Уже на улице выдохнула боль нотой *ми* и принесла Богу благодарность за дарованное чудо так видеть и так чувствовать.

Москва, февраль, 2006 г.

Риса

Господи, ты помнишь, когда-то родилась на Земле маленькая девочка Риса. И Совет Волшебников далёкой звезды одной из немислимо отдаленных Галактик Вселенной, звезды, которая вспыхнет

только, когда Риса проживёт на Земле свою долгую жизнь и, наполнившись мудростью, опытом и светом, покинет Землю, Совет Волшебников той, будущей, звезды постановил положить в колыбель девочки Золотой Ветер Удачи, чтобы поддержать её в земной жизни.

Риса росла, и никто не видел Золотого Ветра удачи, но все чувствовали его присутствие...

«Всё у тебя не как у людей», — огорчалась мама. «И откуда ты такая?!» — возмущалась бабушка. «Ты со своими фантазиями ещё наплачешься в жизни!» — сердился папа. «Кто тебя такую... Рису... полюбит», — иногда причитала другая бабушка.

И в школе-то Риса была не как все, и всё-то она делала во вред себе, и «ничего-то она в жизни не добила», — решили все её родственники и знакомые, когда Риса стала уже очень взрослой маленькой девочкой. Она не умела кататься на велосипеде, плавать, кувыркаться, петь... А также — варить суп, точить ножи, передвигать мебель... Бедные родственники не знали, что Золотой Ветер Удачи раскачивал её колыбель так сильно, что слышала она по ночам какую-то странную, неземную музыку, которая будоражила душу и не давала ей смириться с обыденной жизнью. Это Золотой Ветер Удачи заставлял её сочинять песни, в которых поначалу очень немногие чувствовали и слышали себя... Это Золотой Ветер удачи принес ей Вселенский опыт одиночества, боли, нищеты, сострадания, покинутости и страха любви...

И когда девочка Риса стала уже совсем большой, хотя по Вселенскому времени ей было четыре года, когда песни её стали набирать высоту и силу, когда перестали её интересовать слова и представления людей о ней и её жизни, когда главный страх — страх любви — съел однажды старый бродячий пес Осознанности, она вдруг поняла, что то, что она ощущала как трудную, бесконечно одинокую, ни на кого непохожую жизнь, и называется Золотым Ветром Удачи... И надо просто поцеловать золотые крылья со всей возможной благодарностью и любовью...

Когда она поняла это и сделала это, поднялся такой вихрь света, который превратился у неё на глазах в бесконечный фестиваль Ветров: золотые, зелёные, фиолетовые, жёлтые, синие, белые ветры Любви, Встречи, Признания, Изобилия, Путешествия, Дома,

Океана, Дружбы, Мудрости, Учебы. Сколько их прилетело и закружилось вокруг Рисы! Отдельно прилетал даже ветер Австралии... И когда их веселое кружение затихло, у Рисы уже был дом, из которого по всему миру разлетелись все её книги. У Рисы был любимый и очень любящий человек, который оказался не только похож на настоящего мужчину — он просто был им! У Рисы в окне дома океанский прибор звучал оркестром, и она могла им дирижировать!.. На кухне коробка из-под швейцарского шоколада (200 г.) всегда была полна денег, и они пахли шоколадом... А сама Риса играла на берегу Океана с двумя маленькими детьми и научилась наконец ездить на велосипеде, плавать, кувыраться, любить и петь... Петь по-настоящему чудесным волшебным голосом свои волшебные песни. А золотой Ветер Удачи был на заслуженном отдыхе и жил в отдельной комнате с видом на Океан на полном обеспечении хозяйки, любовь, мудрость и молодость которой его очень радовали: не зря он прожил жизнь!

Совет Волшебников был счастлив: грядущее будущей прекрасной звезды Рисы мощно и радостно воплощалось на Земле в жизни маленькой, по-своему героической девочки Рисы...

Вселенная заботится о своём благополучии. Главное — услышать её и не мешать ей!

Аминь!

Памятник Любви

«А родители мои жили, как голубь с голубкой, до 90 лет — не знали, как назвать друг друга... Он её — Канастанья, она его — Кандриян. Уж и не знаю, почему... Свекровь вместе с ними жила 20 лет. Не простая свекровь, а с фокусом. Да нас восемь человек детей было. Отец общество любил до последнего. В деревне ходил к мужикам играть в триньку. У всех мужиков копеечки или в кармане, или в узелке. А мама ему торбочку холщовую красивую сшила. И что характерно... таракана засушенного туда положила — на удачу. Вот какая любовь. Как они боялись умереть один без другого: до 90 лет так и спали щека к щеке, чтобы почувствовать во сне, если что... Как сейчас это вижу и слышу: Канастанья, Кандриян...

Вот в какой любви я выросла», — закончила Антонина Андриановна, которой еще только 83 года и у которой семейная жизнь сложилась совсем иначе. Теперь мне так и хочется назвать её Кандрияновной...

Сколько великих памятников любви рядом с нами, а мы не всегда замечаем... А нежность рождает причудливые имена... Благо, язык позволяет.

Привечание

Антонина Андриановна бежит за мной и суёт, насильно засовывает мне в сумку деньги, которые я ей оставила за молоко. Я пытаюсь отказать, но её вид, почти слёзы, её доводы заставляют меня уступить: «Да пойми ты, ведь надо давать. У меня душа не на месте, когда я подать не могу, особенно тому, кому это надо. Ведь как жили родители? Всю жизнь мама мыла в бане не только своих: 10-11 человек. Соседка Пелагея больных и убогих привечала. У неё всегда их 5-6 человек было. И их мыли. И слепую соседку, и еще кого-то... А это ведь воды натаскать, истопить, всё приготовить... Но иначе не жили... Не могли...» И её захватывающий рассказ о той, уже другой, исчезнувшей цивилизации... Это привечание, этот добровольный, радостный уход за слабыми и немощными...

Люди жили ради Бога. Они вечность понимали, как могли. Для них жизнью на земле всё не кончалось — от их сегодняшних дел до вечности был один шаг. Сейчас движущая сила жизни — страх перед смертью... Это в сознании... А подсознательно — страх перед бессмертием. Действительно, две разных цивилизации. Те люди в России давно ушли, по вере своей обрели в Вечности.

Сейчас много хороших, стремящихся, но таких нет. Кто сознательно, осмысленно живет ради Христа, ради вечности? Единицы. Одного и встретила по-настоящему. И он убогих привечает: больных, увечных. Особенно с большой душой. Не как те старушки в деревнях, но по-своему и так же... К нему звонишь, просишь о встрече, пусть и через неделю, через месяц. Придешь, он тебя и полечит, и вечностью поделится, если ты, конечно, хочешь и можешь принять. У него в жизни мерило каждого слова и поступка: Христос. И

это такое настоящее, что у тебя голова кружится, когда примеряешь это на себя... Он мне говорит: «Зачем ты себя сравниваешь с Иван Ивановичем? Это же ничего хорошего тебе не даст, ничему не научит. Только с Христом и можно сравнивать каждое слово своё, каждый поступок, каждую мысль — вот единственное мерило и школа твоя. И только на этом фоне можно увидеть все свои тени, провалы, ужасы, страхи. Все остальные сравнения себя с кем-то, с самим собой, в лучшем случае заставляют кружить на месте, а в худшем — ввергают в бездну безысходности, отчаяния и вечно несбывшихся надежд, потому что все твои желания соответствуют размеру твоей гордыни. Благодарю Бога, что они не исполнились. Только потому ты ещё здесь, и у тебя всегда есть шанс. Выбери для себя мерило твоих каждодневных поступков, мыслей, желаний. Для меня это Христос. А для тебя?» И моет, отмывает тебя изнутри каждым словом. Для него бессмертие — такая же реальность, как сегодняшний день за окном...

Оглядываюсь: никогда ещё страх смерти не был такой направляющей силой. Те, в XX-ом веке, в его начале живущие, нутром знали: смерти нет. Как бы генетика их была связана с бессмертием. Потом что-то произошло — и человек получил прививку страха смерти...

...Антонина Андриановна заулыбалась, поняв, что я не буду ей возвращать деньги за молоко. Она живёт в свои 83 года по законам, привитым ей в детстве в Ульяновской деревне. Её жизнь не изменила. Она ещё из своего детства знает, что Бог — реальность. А я знаю это из своей сегодняшней жизни, совсем с другого конца. Бог — реальность. Причем единственная. И в этой реальности страха быть не может. Откуда его взять там, где его нет?

Род

Меня окликнули. Я оглянулась. Род! До седьмого колена. С двух сторон. Первое ощущение — благодарность. И мощь! Неслабые люди. И скоро стала различать, из чего соткана эта сила... Гордыня, самоуничтожение, задний ум, уязвимость, неверие, ограничение восприятия, боязнь перемен, недоброжелательность, иллюзии, страхи,

самоуправство — этот поток сбивал с ног, но давал возможность почувствовать всё это и в себе: там, где я не наработала сама этих «сокровищ», мне они достались от кого-то по роду. И мало не показалось.

Но был и другой поток... Терпимость, самодостаточность, жертвенность, творческий потенциал, талант, справедливость, мудрость, приятие, оптимизм, терпение, радость, щедрость, трудолюбие, увлечённость... И я первый человек в роду, кто осознанно увидел свой род и бесстрашно посмотрел на себя сквозь призму рода, и не ужаснулся, а исполнился соучастия и любви, и поднял груз молитвы за род, и со слезами благодарности и причастия к общему пути нёс эту молитву изо дня в день, озаряя вспышками света посмертие предков и расчищая путь потомкам...

И ближе всех оказался мне никем невиданный дед Яков, мамин отец, который ушёл, когда ей было три года... Жизнь этого деда предстала передо мной во всей возможной полноте. И я молилась, и плакала над его ранимостью, уязвимостью, обидой, нелюбовью к себе, над его неспособностью к полному согласию с жизнью, над невозможностью проявить своё творческое начало...

Через две недели этих каждодневных молитв однажды ночью, в темноте, я увидела, как из земли вылетела стая белых прекрасных лебедей, и, выстроившись друг за другом, устремлённые ввысь, они пролетели мимо, осветив меня ослепительной вспышкой белоснежных крыльев. И я поняла, что душа моего деда Якова получила освобождение. И я плакала в ночной тишине земли, переполненная благодарностью. Почти девяносто лет ждал он этого часа...

И стало мне понятно, насколько легче теперь моей маме нести в свои девяносто лет родовой груз. И вижу я, что из всего материнского рода именно мама совершила огромную работу по осознанию своего пути, по уходу от негатива характера и воспитавшей её системы, по осмыслению своей причастности к вечному движению жизни, к Божественной природе своей души. И главное (что полагаю подвигом в её случае) — я вижу и знаю, что мама моя, Александра Яковлевна Галанова, поверила в жизнь Вечную и пожелала для себя этой Вечной жизни. Я знаю, как непросто ей это далось, и знаю, что в тёмных уголках её души ещё есть искорки сомнений. Но в Вечности и это уйдёт.

Я думаю, что мне выпала несказанная удача прикоснуться к душевным порокам и слабостям своих предков и к тому, что составило силу и радость их жизней. Я чувствовала, как напрягался весь материнский род, как старался «выдать на гора», явить из своих недр человека, который оправдает их неосознанные надежды и чаяния, станет светочем всего рода, — для тех, кто остался в прошлом, и для тех, кто сейчас подрастает в этом роду для будущих свершений. И этим человеком стала моя мама.

Кляняюсь роду! Кляняюсь маме! Радуюсь и за себя.

22.03.2012 г.

Возвращаюсь к себе

Игры света над далёкими озерами. Всполохи, переливы серого: небо — как задымлено жемчугами... Вдоль полотна железной дороги красноватые пни поваленных осин...

Собственно, передо мной разворачивалась картина моей будущей книги. Это серое, играющее затаённым светом небо. Остроконечные плотные еловые леса, как крепостные стены, возникали то дальше, то ближе. И вдруг под неожиданно расступившимися облаками изгиб небольшой, но пронзительно синей реки, серые домики, пожухлые рыжие травы — пожухлые, но ещё не бессильные. В окно вагона, как в раму, вставлялась вся эта панорама.

И книга возникала то ли в этом небе, то ли в каких-то моих глубинах, и не было в ней ни ностальгии по России, ни оплакивания её судьбы, ни возвеличивания, ни надежды... Что же было?

Может быть, была весть... Как бы птица пролетела над этим пространством, вобрала его в себя, запечатлела, чтобы потом в своём гнезде на берегу Океана передавать те образы, те картины, те состояния — нести весть...

Небо разворачивало свой свиток: просветы всё шире, ярче, и уже свет шёл без препятствий, и серые купола церквей не сливались с серым небом, не терялись в нем, а словно пытались взлететь.

Всю жизнь я преодолеваю Россию в себе, как барьер, преграду... Без этой преграды не будет моего дальнейшего пути, но всё-таки это преграда... Я не могу больше разгадывать эту неразрешимую

загадку, размышлять о судьбах России, силиться что-то понять — мне давно тесно в круге этих мыслей.

Я не уйду от России — я возвращаюсь из своей малой родины в большую: к себе самой, во Вселенную, к истокам. Мне без этого возвращения тесно, душно, страшно. И Россия — это моя ступень туда, дальше, выше... Важная ступень, но ступень. Я не уйду от её боли, я иду дальше, к себе самой, к своим глубинам. Всё-таки подлинный мой исток — во Вселенной. Я это очень чувствую. Оставаясь только в России, я не реальна, как весь этот пейзаж, меня словно и нет: меня затащит этим небом, как пеплом. И без возвращения домой мне не обрести свою подлинную реальность.

...Небо становилось всё причудливее. Свет уже почти закатного солнца творил чудеса. И дорога от Москвы до Петербурга стала моим обретением России и прощанием с ней.

Хотя никаких билетов ни в какое другое место на Земле у меня не было...

Темнело медленно, незаметно. В окне вагона отражался мой профиль: предельно сосредоточенный и расслабленный — облик странной птицы... Я помнила что-то такое, что заставляло меня не узнавать себя.

Так было с детства: застывала с остановившимся взглядом, и всё моё существо словно пыталось припомнить что-то важное, какую-то тайну, истину, правду, без которой мне не выжить. С годами эти мгновения припоминания становились всё длиннее. И, собственно, сейчас я во многом уже вернула себе ту подлинную глубинную память своего родства с Творцом. Эта память работает во мне — я это чувствую, но рассказать об этом не берусь. А где же Россия?

В небе опять всё выровнялось, серым затянуло, как холстом, и рисунок на холсте едва угадывался. Оголённые силуэты тощих ненастоящих придорожных берез на фоне серого вечернего неба рассказывали о том, что они никогда не превратятся в мощные раскидистые деревья. И их жидкое мелкоколосье ничего не обещало в будущем. Но все эти взошедшие когда-то из занесённых ветром семян, все эти деревца по-своему помнили то же, что и я.

Вдруг за окном на придорожных угорах явился снег, всё забелело, но света не прибавилось. В небе солнце за серой вуалью чётко

обозначилось яркой точкой. По серому в разные стороны от неё побежала розовая дорожка, и этот прощальный соколиный взгляд неба обещал на завтра хорошую погоду.

P.S. Небо ещё несколько раз разгоралось закатным светом — причудливо, широко, неожиданно... И все печали, все размышления вплетались в этот закатный рисунок. И уже трудно было отличить, где это происходит: в этом завораживающем небе за окном вагона или в моей душе, или на страницах моей книги, родившейся в эти минуты — пространство у них одно. И потом: я слишком понимаю, что у России на Земле предела нет.

31 октября 2009 г.

Поезд №24 Москва — Петербург

Генерал

В стеклянный купол моего дома на острие знакомой звезды кто-то постучал. «Опять не через дверь, — подумала я. — Когда я его начу?..» Но встала и пошла открывать.

Один из пятерых любимых ангелов — Иван — держал охапку настоящих сибирских подснежников... «Здравствуй, Риса. Вот, Генерал прислал...» — «Какой ещё Генерал?» — испугалась я. Только сегодня был сон о Генерале... Трижды в жизни размышляла я о нём: в связи с замужеством Татьяны Лариной и с моим детским убеждением в её очень счастливом браке (и это убеждение подтвердил гениальный дирижёр Евгений Колобов своей потрясающей постановкой «Евгения Онегина»). Ещё раз совсем маленький шестилетний ангел Ваня как-то сказал мне: «Замуж тебе надо выходить, Иса... Но надо, чтобы человек был холоший... Лучше бы генелал... Ему будет так интелесно жить, и за тобой он плисмотлит...» Я тогда сначала посмеялась, потом ненадолго задумалась. И ещё раз я читала слово «генерал» наоборот и по звучанию выходило «Ларин йог»... И вот сегодня сон, и этот повзрослевший ангел, и эти подснежники...

— Не надо, Ваня, — испуганно замахала я крыльями: в минуты опасности крылья отрастали мгновенно.

— Ну вот, опять напылила, — недовольно сказал ангел. — Сколько раз тебе говорить: пылесосить надо крылья... Они у тебя раритетные, особенные, а ты плохо за ними ухаживаешь... А цвет-то сегодня, смотри-ка, как у подснежников...

— Ваня, давай я буду жить со своими пыльными крыльями, но без генерала. Он, наверное, и пыли терпеть не может...

— Поздно, — сказал любимый ангел. — Писала записки ветру перемен, плакала в подушку, выщипывала перышки у крыльев — раритет портила от бессилия, любить научилась — теоретически тебя проверили — вот тебе и генерал. Да не бойся ты так, что ты трясешься — даже звезда раскачивается. Не съест он тебя. У него свои проблемы, только ты ему и поможешь...

— Ваня, но он ... мужчина?.. — запинаясь, спросила я.

— А ты бы кого хотела? — любимый ангел сурово посмотрел на меня...

Лишь бы не плакал. Когда я довожу его до слёз — потом не знаешь, как вымести кучи жемчуга и куда их деть: уже всё расшила этим жемчугом и всех одарила...

— Ладно. Давай подснежники. Может ещё год будет цветы присылать, а там посмотрим.

— А вот этого не дождётся, — засмеялся ангел. — Штурм и натиск. Открой купол — мне через дверь неудобно, — и вылетел, не взмахнув крыльями.

В дверь постучали. «Кто ещё?» — удивилась я. Открыла. За дверью стоял Генерал. Естественно, в позе лотоса.

Подснежники стали распускаться у меня в руках, зазвенели, зазвучали, запели... Илежуен?..

Какой ужас: я, кажется, говорю по-французски...

6 февраля 2007 г.

Не возражаю

Годы шли. Пора было получать Нобелевскую премию. Верность моя судьбе, пути, поэзии огорчала даже меня. Долгов накопилось много. От честолубия, тщеславия, гордыни

(и дальше по списку) не осталось почти ничего. А то, что осталось — так, лёгкая тень для развлечения, на развод, как говорится. Пользу свою для человечества я уже осознавала, при том что человечество, конечно же, не подозревало об этом (ведь я не изобрела вакцину от жизни или что-нибудь другое, чего так ждут). Короче сказать, всем условиям на получение Нобелевской премии я соответствовала. Включая и внешний вид: с годами я стала моложе, привлекательнее и в вечернем платье рядом с королем Швеции никто бы не заподозрил во мне не королеву.

Но почему мне никогда не приходила эта мысль раньше? Почему я всю жизнь не удостаивала Нобелевскую премию своим вниманием? Только недавно любимые мои Катя (8 лет) и Васенька (10 лет) вдруг спросили: «Лариска, а у тебя есть Нобелевская премия?» Они явно слышали звон... Я быстро оглядела своё хозяйство: «Нет». «Надо, чтобы была!» Они остановились среди улицы (прохожих было мало) и стали громко кричать: «Нобелевскую премию Лариске! Нобелевскую премию Лариске!» Долго кричали. И сейчас ещё кричат, наверное. И я вдруг не стала им возражать.

Вот так просто я и пришла к этому непростому решению, Господи, - пора мне вручить Нобелевскую премию.

Поезд «Белые ночи».

8 час. 30 мин. утра

19.01.2010 г.

Русская Литература

Страх и восторг вместе, когда реально представляю, что такое классическая русская литература. Какой-то могучий генетический банк, где собрано в слове всё: как жили, какая была Земля, природа, погода, что ели, пили, как любили, рожали, страдали, работали, какие сны снили... Как относились к Богу, к Родине, какими страстями болели. Как исходили гордыней — она же самоуничужение. Небо, звёзды, времена года, семейный уклад, церковная жизнь, война, музыкальные пристрастия, все сословия,

все устремления, отношение друг к другу, к иноверцам, к прошлому, к будущему. Душа, вывернутая наизнанку: все оттенки чувств. Фотографическое описание лиц, животных, самой Земли, её меняющееся дыхание. И вся мука, вся любовь... Всех и всего — к России, в первую очередь. Жаль, не к Богу. Он здесь же, Он присутствует, Он неотъемлем, но как-то растворён во всем сразу: попробуй сыскать...

А вся громада России живёт, дышит на этих страницах, уменьшенная до стебелька, пробивающегося сквозь весеннюю непрогретую землю. Это всё молитва, это всё любовь. Но чем ближе к XX веку, тем больше эта любовь по формуле П.А. Вяземского: «Любовь к России — это ненависть её настоящего положения». Но это потом, дальше, ближе к нам...

А я о великой русской литературе, в которой, собственно, только и осталась живая Россия. Её уже давно нет в нашей реальности. Нет её подлинности, её сути, нет её народа, почти нет языка.

А русская литература и пугает, и потрясает. Так виден замысел: на протяжении столетий с какой щедростью засевалось человеческими семенами это необъятное пространство родины. Сильные, мощные, талантливые, чтобы в этой круговерти выжить и сохраниться хотя бы десяткам, которые войдут в нутро этой жизни, этого слова русского, этой души, и оплодотворят, и напишут, и зафиксируют, и передадут, как эстафету, дальше.

Бессмысленно перечислять их имена. Подойдите к своим книжным полкам — они ещё здесь? И в этих запylённых томиках наша с вами родина, наша душа, измученная жаждой любви к ней, любви, которая почему-то всегда оборачивается ненавистью... Страна нормально живет, только когда народ, весь народ любит её. Люблю ли я Россию? Ответить «да» просто. Вот любить... Особенно без надежды на взаимность, безответно...

В самые трудные времена я за несколько лет раз девять перечитала «Анну Каренину». Разве сюжет я читала? — Читала глубинную правду, стоящую за словом — и выжила. За словом, в слове. Как в детстве выжила на коленях у Пушкина... Нянька моя самая преданная.

Двенадцать

Их было 12. Они стояли друг за другом, сжатые в пространстве и размытые во времени. Из определённой перспективы их можно было принять за одну точку.

10 мужчин. 2 женщины. Первого в шеренге вывели вперёд. Стреляли почти в упор. Когда он упал, эта же пуля прошла навывлет ещё сквозь четверых. Остальных разметало силой её ударной волны.

На одной из женщин эта волна захлестнулась верёвочной петлёй. Один из них, трепетный и нежный, умер в момент зачатия на нарах под Владивостоком. Ещё один, гигант духа, был брошен в общую камеру Владимирского Центра.

Следующий, дух которого неизмерим нашими понятиями, живым был зарыт в золотоносную землю Колымы. Трое, как будто устоявших на ногах, умерли от разрыва сердца в самый момент выстрела, но продолжали казаться живыми, каждый день умирая заново.

12 человек — одной пулей: Пушкин, Лермонтов, Гумилёв, Маяковский, Есенин, Цветаева, Мандельштам, Андреев, Шаламов, Блок, Ахматова, Пастернак...

Это случилось 10 февраля 1837 года...

Пушкина нельзя было убивать. Останься он жив — мы все прожили бы другую историю...

Вестник

Такие люди, как Леонид Андреев изживали какой-то мировой мрак, вселенскую вину в своём творчестве, в собственной жизни... Они были Вестниками Света, Вестниками нового человека, будущего Земли. Но этот свет они чувствовали как призыв, как недосыгаемость, к которой надо было пробираться через жгучую боль, тёмное начало, мрак...

М. Горький вестником не был и И. Бунин, пожалуй, не был. А Л. Андреев был. Он сжигал в себе тёмные человеческие страсти, пороки, наваждения. И сам сгорал в этом. Он был прообразом всех своих героев, а они нагружали его своим опытом, от

которого он не мог отмахнуться, отрешиться. И опять, и опять вынужден был проживать уже многократно усиленные страсти, мысли, устремления созданных им героев. В каком-то смысле, это был замкнутый круг: душа его нагружалась так полно и смрадным огнём сгорала на алтаре этого мученического служения Свету. Трудно подчас обнаружить этот свет в тёмном пламени его души, но он (свет) единственный подлинный герой его жизни и его творчества.

Леонид Андреев работал на очень далёкое будущее — на ещё не наступившую эпоху «Розы Мира».

А есть ли другой пример: *такой* отец и *такой* сын?.. И оба Вестники...

«Вкусность» времени

Напольные часы отмеряют время по-другому. Словно внутри сидит старичок, укравший обломок вечности, и, засунув его в беззубый рот, облизывает, как леденец в детстве, с наслаждением, неторопливо: пусть бы дольше не кончался... Вот эту «вкусность» времени я ощущаю только в присутствии старых напольных часов.

Но, Боже мой, что я чувствую, когда на стенах висят пластмассовые тикающие не в такт с жизнью нашлёпки...

Воссияет в нас...

В любимом Преображенском тропаре я бы меняла одно слово: *и в нас...* Это тонкая подмена, когда свет Христов относят во вне: «да воссияет и нам, грешным, Свет Твой присносущный...», а на самом деле этот Свет должен сиять в нас. Наш собственный Божественный Свет... И Христос приходил нам это показать, чтобы мы стали не последователями-христианами, а нашли себя, нашли Христа в себе. И поэтому тоже получилась из христианства такая трагическая история: когда каждый идет с чьим-то (пусть и Христовым) *заёмным светом*, не зажигая свой — становится ещё темнее.

Музыка ожидания

И услышала я звук шофара твоего, и содрогнулось сердце моё от зова твоего одиночества и боли... Не ткиа, а труа слышала я в призыве твоего шофара: словно рыдала женщина, самая одинокая на земле, потерявшая надежду на нежность и радость в сердце другого... И этой женщиной была я.

Из самых трепетных ожиданий, детских и невинных, приготовила я Хлеб встречи с тобой и посыпала его Солью всех моих слёз, испарившихся от зова твоего... И опустились ворота, и вышла я тебе навстречу, и увидел ты не меня, а лицо той женщины, рядом с которой не стал когда-то великим мужем...

Страх твоего прошлого заслонял моё лицо, мою подлинность, мою надежду... Так стояли мы друг против друга пять земных лет, и таял Хлеб ожидания в моих руках, и таяло сияние вокруг головы моей... А где-то далеко отсюда, на расстоянии трёх Вселенных, продолжал трубить шофар — и ткиа и труа: узнай её! Вспомни себя! Не бойся! Ты долго шёл, ты устал, но услышь, узнай, поверь...

И так без конца: ткиа и труа меняли друг друга, переплетались друг с другом и Ангелы во всех пределах плакали от этой музыки ожидания....

15 октября 2012 г.

Гимн Любви

Книга Татьяны Александровны Еремеевой «Ожидание» — книга о большой любви.

С Татьяной Александровной я познакомилась, когда ей было 98 лет. И только два года назад она перестала работать в Малом театре. А книгу свою начала писать в 85. Я почувствовала, что ожидание любви было в ней огромным. И было это с детства.

Прочла книгу, и стало мне ясно, что только женщина, прожившая большую, яркую, счастливую жизнь в любви и счастье могла отважиться на подвиг создания такой книги.

Татьяна Александровна, действительно, прожила в любви и счастье с интересным мужчиной, великим актером Игорем Ильинским.

Это была настоящая любовь. И в своей книге она создаёт гимн любви, очень чистой любви, может быть, проживая заново то, что навсегда запечатлено в её сердце и в памяти... Художественная книга, на 447 страниц. Я приравниваю её поступок к подвигу. И я бесконечно благодарна Анне Шишко за эту предновогоднюю встречу, за это знакомство с Татьяной Александровной. Оказалось, для меня это было необычайно важно. И вдруг всё встало на свои места.

Сколько лет себя помню, с детства, всегда, постоянно мощное, глубинное ожидание любви. Не замужества, материнства, а именно любви. Когда перебираю свой архив, то в тех детских, наивных стихах и текстах это ожидание любви и счастья сбивает с ног и сейчас. Мне 62 года. Я только-только подошла к глубинному пониманию сути женского счастья, счастья вообще. И я рада, что моё детское страстное желание быть счастливой именно в любви никуда не делось. И жизнь его не убила.

Сейчас я знаю точно, что на моём пути обязательно окажется мужчина, который через много лет, умирая, скажет мне: «Ты сделала меня счастливым человеком». А я поблагодарю его за любовь. И в 85 лет я напишу книгу о любви, о том, как гордыня в сознании изо дня в день вытеснялась любовью, о том, как любовь преображала и человека, и жизнь. Подозреваю, что человечеству никакие другие книги и не нужны.

О любви всегда и везде готовы читать все и всё: от бульварных романов до величайших озарений духа. А я хочу внести лепту своей любви в преображение хотя бы нескольких сердец на Земле своей будущей прекрасной книгой. У меня получится.

Спасибо, Вам, Татьяна Александровна.

Часы Даниила

Есть у меня реликвия, которой очень дорожу. Много лет назад Алла Александровна Андреева подарила мне часы Даниила. Он их носил и в них умер. Есть его фотографии, где на руке видны эти часы — старая «Победа». Часы и сейчас с тем стареньким ремешком, и восстановлению они не подлежат: я носила их в мастерскую.

Но пошли они у меня дважды. О том, как это случилось впервые, я расскажу где-нибудь отдельно. А второй раз они пошли, когда я сжимала их в руке на поминках в театре П.Н. Фоменко. С ними, ожившими у меня в кулаке, я и говорила слово прощания вслед ушедшей Алле Александровне. С часами этими я не расстаюсь, и во всех поездках они всегда со мной, и на всех выступлениях.

Были они дважды со мной и в Австралии. А в этот раз, вернувшись из Австралии, я скоро поняла, что часов нет — пропали. Переживала очень, но быстро догадалась, что просто забыла их в Австралии: в сумке, которую оставила до своего следующего возвращения туда. Так и оказалось. Часы мне выслали. И это была долгая и очень волнующая история: человек в Австралии умудрился написать неточный адрес, улицу не указал, цифры индекса написал «австралийским» почерком — и бандероль пропала. Я отчаивалась, но верила, очень верила, что каким-то чудом часы найдутся.

Чудо и произошло 31 декабря 2010 года. Заведующая моим почтовым отделением в разговоре по телефону пожаловалась своей коллеге на почте совсем в другом городе Ленинградской области, что её «замучила одна странная женщина, которая каждый день звонит и спрашивает о бандероли из Австралии». И в ответ услышала, что почти месяц у них валяется бандероль из Австралии со странным адресом и на имя Патраковой... Так я и получила свои часы обратно. 6 января, в Сочельник я рассказала эту историю с часами по телефону Тане Синецкой. Алла Александровна её хорошо знала, с восхищением относилась к её уникальному голосу и с большим уважением к её человеческому и духовному подвигу.

Таня выслушала мою историю с часами Даниила и рассказала в ответ свою: «Ты знаешь, что у меня редко бывает смятенное состояние, растерянность, слёзы. Вот этой ночью было. Впервые за много лет. И я вспомнила, как уже несколько десятилетий назад в начале своего церковного пути я попала в музей Щусева на просмотр немецкого фильма о Псковско-Печерской Лавре.

Приехали монахи из Лавры, наместник. После фильма они выступали, рассказывали каждый о своём пути, а я сидела и думала: нет, у меня не получится. Так труден духовный путь — не смогу. И так мне

стало тяжело и грустно, что я встала и пошла в туалет, а там горько плакала: «Не смогу. Боюсь». Вышла, спускаюсь вниз по большой лестнице, спускаюсь со своей клюкой, медленно, осторожно. И вдруг слышу за спиной шелест: это монахи идут — воскрылия рясы развиваются. А передо мной уже дверь входная: тяжёлая, массивная. Еле-еле я её открыла и решила для них придержать, пропустить их. Прижала я её спиной, всем телом, стою и смотрю: идёт наместник, улыбнулся мне и прошёл. А за ним монахи, семеро, один за другим. Все высокие, худые, лёгкие, идут, опустив головы. Я тоже голову опустила. Так они и прошли, как бы отдавая мне поклон, а я им.

Вышла я на улицу, и опять слёзы душат: страшит духовный подвиг. Остановила такси, приехала домой, встала на колени у кровати, рыдаю. «Не смогу, Господи, церковный путь пройти. Боюсь». И вдруг рука сама к Евангелию потянулась. Открыла и прочла: «Не бойся. Только веруй». И так легко стало. Сколько лет прошло — никогда больше вот так, наугад, ни Библию, ни Евангелие не открывала.

И вот сегодня ночью эта немислимая тяжесть в душе. Как тогда... только страхи и вопросы другие. И опять слёзы. А рука к Библии потянулась. Засомневалась: открыть — не открыть. Но открыла и прочла: «Даниил попросил время». Ну, думаю, рано значит. Позвонила тебе, а ты мне рассказываешь о часах Даниила».

Пишу я это, а на меня смотрит Навна: большая репродукция с картины замечательной белорусской художницы, имя которой замалчивается, вот и на репродукции его нет. А зовут её Нона Кукель...

Веточка укропа

После посадки в Сингапуре место рядом со мной занял маленький старичок с весёлыми глазами и длинной белой бородой, в которой запуталась тоненькая веточка укропа. Как ни странно, укроп пах. Именно поэтому я ничего не сказала соседу о его благоухающем украшении. Я любила запах укропа. В остальном он был безупречен: идеальный костюм, спокойствие и доброжелательность. С таким спутником можно долететь до Австралии и всю жизнь помнить его, как неожиданный подарок.

Мы познакомились. Разговорились. Как и подобает мудрецу, на которого он был похож, рассказывал не он, а я, отвечая на его незатейливые вопросы.

— Зачем я лечу в Австралию?.. Но как вместить в свой ответ всю жизнь?

И он понял. Очень скоро мне захотелось приоткрыть ему маленькую дверцу в непостижимую реальность моих давних отношений с Австралией. Мне захотелось? Или он легким покачиванием укропной бороды подвиг меня к этому?.. Доверие моё было безусловным, как будто бы я всю жизнь ждала именно этого слушателя.

— И ещё, — сказала я, — много лет назад, в минуты самой изнуряющей, жестокой бессонницы, похожей на битву с драконом, измученная этой битвой, почти побеждённая огнедышащим чудищем, я, словно в поисках спасения, приоткрыла дверь в какую-то комнату, проскользнула туда, успела только оглянуться вокруг и мгновенно уснула. Утром я смутно помнила очень большое, во всю стену окно, слоновой кости роаяль в углу и фиолетовый мохнатый ковёр, на котором я спала.

С того дня, как только дракон бессонницы начинал дышать мне в лицо, я спасительно искала эту комнату, и постепенно она стала обретать более четкие очертания: была она очень большой, у стены стояла рыжая тахта, напротив огромного окна массивный старый письменный стол с компьютером. Иногда там появлялось кресло-качалка, — мне показалось, что мой спутник стал слушать более внимательно и чуть напряжённо, я чувствовала, что он вбирает каждое моё слово.

Шли годы, и я уже точно знала, что это был дом, причём странный: он стоит на берегу Океана на высоких прочных сваях, прилеплен к скале, которая кажется его продолжением. И внутри дома есть ещё спальня, есть кабинет, похожий на библиотеку, внизу кухня, но самое главное в этом доме... — я запнулась, старик смотрел на меня в упор, как бы призывая замолчать, не называть это главное.

Пауза затянулась. И всё же он спросил:

— Так что же самое главное?

— Вглубь скалы, как штопор, ввинчена крутая лестница, и ведёт она наверх, достаточно высоко, и там, наверху, площадка, на которой

маленькая обсерватория с единственным, но очень хорошим телескопом, и сад, удивительный сад на камнях...

Старик закрыл глаза, но я чувствовала его напряжение.

— Так этот дом стал для меня и реальностью, и мечтой — чудом моей жизни. И я возвращалась в него уже не только в минуты бессонницы, но и просто в трудные минуты, находя в нём поддержку и надежду на будущее.

— Кто-то живёт в этом доме? — спросил старик, не открывая глаз.

— Да. Я не сразу это поняла. Но однажды увидела в той большой комнате человека, сидящего за письменным столом. Он сидел ко мне спиной и ни разу не обернулся, хотя и слышал мои шаги. И я всё не решалась подойти к нему. Не помню, сколько лет прошло, прежде чем я могла подойти и обнять его за плечи.

— Кто же он? — спросил старик и пристально посмотрел на меня.

— Не знаю. Суфий, врач, звездочёт — это знаю. А больше ничего не знаю о нем.

Мы помолчали.

— Есть одно обстоятельство, — сказал старик, — о котором вы должны знать.

— Да, знаю: ни одна женщина не может переступить порог этого дома.

— Это правило нарушить нельзя, — он говорил жёстко.

— Правило, которое нельзя нарушить, попирает любовь.

Я вытащила веточку укропа из его бороды, понюхала её и съела.

— Я подумаю, — сказал старик, — но как вы догадались?

— Много лет был только этот дом, а потом появилась и эта ситуация: я видела, как в самолёте по пути в Австралию я встречаю человека, который поможет мне оказаться в моём доме.

— И познакомит с хозяином — суфием, врачом, звездочётом?..

— Да. Но дальше мне ничего неизвестно.

Помолчали...

— А кресло-качалка ваше?

— Да, когда я там бываю.

— Прошу учесть: правило давно нарушено, и обвинить некого.

Самолёт пошел на посадку. Сидней.

— А если бы это была петрушка? — неожиданно спросил старик.

— Я бы ничего не смогла: ни рассказать вам, ни съесть её — ничего. Я не люблю петрушку.

— Господи! Сколько жизней было бы разрушено, не завершено из-за этой крошечной оплошности. Редкая удача, что в том ресторанчике в Сингапуре, где я обедаю, впервые в жизни не оказалось моей любимой петрушки... Но это уже другая история.

Земля Австралии побежала мне навстречу под колёсами Боинга.

Свершилось!

Скоро два года как я вернулась из Австралии, но с тех пор чётко и осознанно жизнь моя потекла в двух параллельных реальностях. В любое время, что бы я ни делала, неожиданно возникает крошечное мгновение той моей, австралийской жизни, во всех мельчайших подробностях: с запахами, движением воздуха, с облаками, с шумом Океана, с такими родными для меня деревьями, зданиями и — в последнюю очередь — с людьми.

Я читаю, пишу, ем, говорю с кем-то, иду по улице — и вдруг настигает это «австралийское» мгновение, как окрик, требующий немедленного внимания. И я умудряюсь ответить безо всякого напряжения и ущерба для себя. Такое впечатление, что австралийскую реальность никто до меня не проживал с такой полнотой и страстью. Вот она и стучится ко мне, не покидает, на что-то надеется: она ждёт меня.

Иду по улице в Петербурге: снег, сугробы, гололёд, а вокруг меня вдруг расцветают франжипани, и Океан дышит в лицо солёной пылью разноцветных брызг...

Это не я вспоминаю — это меня вспоминают с такой силой и полнотой любви, на которую способно пространство, не запечатанное сургучом времени.

Позвали ужинать, и в это же мгновение я оказываюсь на огромных валунах Бичено, на берегу Океана, в Тасмании. И цельность моя ненарушима — это любовь.

Общая память

27 ноября 2008 года, в 22.30 в Королевском саду Сиднея я начала сниться араукарии. Когда 7 дней назад нас впервые представили друг другу, я замерла в удивлении перед величественной простотой этих деревьев. Но почти сразу же появилась и лёгкая, необъяснимая тревога. Природы этой тревоги я не понимала. Что-то стало проявляться только 27 ноября, днём, когда я замкнула вокруг араукарии 6 кругов (три в одну сторону и три в другую). И во время этого ритуального шествия, обратившись к духу дерева со всей искренностью и добротой, я почувствовала его отклик: меня услышали, со мной говорили. Доисторическая, невообразимая память араукарии на мгновения приподняла завесу, и этот мгновенный отклик был для моего сознания прыжком в бездну.

Танцующая для всех джакаранда так радостно приспособливалась и к этой земле, и к каждому дню, и к каждому взгляду... Араукария же несла в себе только себя — слишком далекой, переполненной была её память и не с кем ей было разделить её. И я вдруг поняла: давно живу, осознавая, как что-то во мне необъяснимо тревожит и мучает окружающих. Им не дает покоя моя глубинная память: наши пласты не соприкасаются. Я не встретила человека, имеющего со мной эту общую прародину памяти. Я встретила араукарию. Мы обе взволнованы.

Совсем недавно, каких-то 200 млн. лет назад начался Юрский период. Время нашей общей молодости. Я и сейчас продолжаю сниться араукарии.

Дарлинг Харбор

Необыкновенная прогулка по Дарлинг Харбор — кружение сияющих линий домов, мостов, кораблей, конструкций, флагов, мачт, фонтанов... Перетекание одного в другое... Ничто не подавляет, не выделяется... Небоскрёбы предельно человечны: не давят, не надзирают сверху, а как-то вольно и отрешённо живут под облаками, забрались повыше, чтобы полюбоваться городом сверху.

Иду по Дарлин Харбор, и город ласкает, несёт на руках, передает меня как драгоценность следующему повороту или фонтану, предлагает

присесть, прилечь на траву или куда захочу: на скамейку, на парапет... Не напрягает своим величием или размерами: сталью, стеклом, бетоном... Дарит тепло, свечение, расслабление... Пальмы, птицы, небо, вода — как в раму вставлены в эти стальные конструкции, в этот чуткий бетон, в зеркальные стены небоскрёбов. И всё в этих зеркалах отражается тысячекратно, всё повторяется, множится, ширится... Всё звучит, как орган, как хоральная прелюдия, которую написал не Бах, а Бог. И потому она менее торжественна и более радостна, как игра света и линий. Ими и создан образ этого светящегося города.

В укромном уголке Дарлин Харбор под сенью эвкалипта мужчина и женщина ласкают друг друга. И эта интимная сцена воспринимается не как вызов, а как естественное завершение ласки, которая разлита здесь во всем. И ты не веришь, что это просто хорошая скульптура. Это такой живой символ этого места... Трепещут флаги и паруса, бьют склянки на старой шхуне в виду Морского музея. Разноликая толпа течёт ручейком счастья...

Сидней, март 2010 г.

Объяснение в любви скульптору Ларисе Смагаринской

Звоню ей вечером: «Как дела?» — «Только зашла домой. Возилась с бетоном. Очень устала».

Хрупкая, маленькая...

А в детстве с хлебным мякишем... В полуголодном советском детстве, на краю империи, в Хабаровском крае. Мякиш всегда хотелось съесть. Но необъяснимая тяга к форме побеждала даже чувство голода. Неизбывная, недетская страсть вылепить птицу, зверюшку, дерево...

Не понимала тогда, что это знак: ты приговорён к дару. Теперь живи с ним, управляйся как сможешь... Управлялась. Училась. В Ленинградской Мухинке повезло с учителем — замечательный скульптор, Михаил Вайман, ученик Матвеева. Увидел в провинциальной девочке и страсть, и потенциал.

Этапы, которые Лариса Смагаринская проходила как художник, нуждаются в профессиональном исследовании. А я слышу другое,

рассматривая её танцующие, живые, излучающие любовь работы... Глубинная потребность любить, то есть отдавать. Живёт она в каждом, но не каждый откликается на её призыв и остается верен ей всю жизнь... Это душа рвётся к слиянию с целым, с необъятным. И каждый реализовывает это по-своему.

Она создала сотни уникальных скульптур, больших и маленьких, которые словно проявлялись из небытия: полные жизни, объятые линией, как пламенем, приоткрывая тайны человеческого тела в линии, и тайну человеческого духа в форме.

Как она может?! Кто её научил?!

Сажу на полу в комнате и со всех сторон, со всех стен и проёмов льётся вокруг меня музыка этих линий, этой любви. Плачу от красоты.

А она опять забыла в метро зонтик, в магазине — очки, потеряла книгу, куда-то дела ключи... Близкие привыкли: очень рассеянна. Нет, скорее, очень сосредоточена на том, что происходит внутри. Если бы я могла заглянуть в это таинственное человеческое ВНУТРИ, я бы увидела фантазмагорический фильм, где формы сменяют одна другую, перетекая то в дерево, то в птичье крыло, то в...звук. Всё время идёт поиск и отбор, отбор и поиск — некогда отвлекаться на житейские мелочи. Как умудряется при этом быть хозяйкой, заботиться о внуках и муже?..

«С бетоном возилась», — говорит она и сегодня.

Лёгкость линий и форм её скульптур помножена на тяжёлую, неженскую, физическую работу. Бетон, мрамор, железо, бронза, дерево...

Называю это подвигом послушания дару, смирением перед ним. Не предать за жизнь, много работать, умножая данное тебе, не использовать на потребу, радоваться дару других, дарить, не нажить материального достатка... И не отчаяться.

В её скульптурном саду около дома в Госфорде стоит уникальная пирамида из скульптурных голов австралийцев. Выразительные, запоминающиеся, пронзительные лица. Музей в Канбере отказался принять в подарок — места нет.

Фантастический, неожиданный и по архитектурному решению монумент, олицетворяющий историю Австралии, отказались

принять к исполнению: денег нет. Это ничего не меняет для ХУДОЖНИКА.

Я люблю её скульптурный сад, куда надо ехать из Сиднея полтора часа. И откуда не хочется уезжать. Чтобы поддерживать в порядке скульптуры на открытом воздухе, деревья, газоны, цветы — надо много работать. Очень уставать. Никогда не жаловаться.

Сад её мечты? Её сна? Линии, формы, тайны человеческого тела со всех сторон. И вечное удивление. Поиск себя за формой, за линией, за смыслом...

Лариса крутит в руках кусок пластилина, пока мы разговариваем. И я наблюдаю, как это сродни появлению стиха: внутри уже всё готово, но ты ещё не знаешь об этом, нужен толчок — одно слово, деталь...

«Богом себя иногда чувствую», — вздыхает она.

А я удивляюсь: кем же ещё себя можно чувствовать?!

Сквозь тасманийскую осень

Сквозь тасманийскую осень полторы тысячи километров на машине от Лансестона... Дождь, жёлтые деревья, летят листья, топятся печи, осенние цветы в палисадниках, плантации карликовых яблонь... Каждый дом чем-то украшен. Лошади в пополах под дождём у трактира, козы, овцы вдоль обочины... И ни одной заводской трубы, не считая завода по выпуску бумаги из какашек кенгуру и вомбатов. И куда ни глянешь — радуга. Как-то много радуг сразу помещается в этом небе...

Катятся яблоки, сны сбываются. Потомки английских каторжан принесли Англию в названиях и в характере: в крошечных тасманийских городках по вывескам можно изучать английскую историю.

Укрытая на краю земли океанскими туманами Тасмания спит до сих пор. Земная твердь, перед тем как родиться, задремала на тысячелетия. И в этой дреме была рождена Тасмания: сон Земли о себе самой. Так, до своего рождения, Земля мечтала о себе, радовалась себе. И этой радостью стала Тасмания...

Вздываются дыханием просторных холмов могучие леса. Самая старая тасманийская сосна, с которой я встретилась, имела возраст 1800 лет. И это не предел. Моё яблоко 2,5 тысячи лет созревало в сердцевине могучей сосны и руками умельцев было извлечено оттуда и положено мне в ладони всего за 12 долларов.

Мы ехали. Небо лилось во все стороны, стекая на холмы ручьями света. И какая забота: «Усталость может быть фатальной» — надпись на трассе. А 7,5 долларов за большую миску тыквенного супа, из тыквы, выращенной на этой земле... Проехали озеро Эхо. Белые стрелы эвкалиптов вокруг. А вот и колыбель гор: ручей Каменный рай, озеро Святой Клары, река Наварра, ручей Короля Вильяма...

Такие разные и такие уютные мотели. В одном я прочла на стене: «Дорогой гость! Представь, сколько полотенец стирается за день во всех гостиницах мира. Сколько стирального порошка отравляет наши воды. Сделай свой выбор! Если ты оставишь полотенце на вешалке, мы не будем его менять...»

И из четырёх предназначенных для меня полотенец я использовала только два.

И опять сквозь сны Тасмании, сквозь радуги и яблоки, куда-то к себе самой, в какую-то неоглядную даль свою... И вот точка, после которой только Океан, а дальше Антарктида... Стою рядом с последней на краю земли телефонной будкой и чувствую дыхание такой близкой уже Антарктиды. Захожу в будку и понимаю, что позвонить отсюда мне хочется только Богу.

8 января 2011 г.

Песня

Утром от Кумы в сторону Канберры расстилалась песня... С холмов стекали долины, совершенные в своём движении к покою... Казалось, что Земля дышит, как поёт долгую, протяжную песнь. Долины переплетались друг с другом самыми женственными линиями, а чуть в отдалении, по кругу, мощно, но так же спокойно дышали горы, благословенные в своем постоянстве. И редкие группы

деревьев казались семенами других галактик. Одинокие эвкалипты отрешённо осеяли пространство своими кронами, в которых гнездилась тишина. Песня тянулась нескончаемо, почти сто километров, и хотелось совпасть с её ритмом, дышать им и застыть на этой земле изгибом нескольких линий, целомудренных, как непостижимая милость песни-земли, древнее которой на планете нет ничего.

Песня стремилась к Океану. И где-то там, не очень далеко отсюда, сливалась с ним. И вся Земля была великой песней и посланием издалека-далёко, мимо нас, мимо наших машин, дорог, суеты — она текла мимо, и можно было только раствориться в ней. Поворот на Канберру — пронеслась надпись: «Трасса памяти о пребывании в Куме». Действительно, трасса Памяти.

Тридцать пять запятых и одна точка...

Весёлая дорога среди сосен вывела меня к небольшому озеру, где в сонных глубинах плескались отрешённые красноперые рыбы чужих ожиданий, умудрившихся никогда не исполниться, и теперь они просто вынуждены были превратиться в этих полусонных рыб, чтобы навсегда в зеркалах их глаз отражался ужас непрожитой жизни и чужой тайны, которую странным рыбам пришлось проглотить как наживку, застрявшую в горле, и оставаться с ней навсегда, не в силах никому её отказать, как фамильную драгоценность, о чьей подлинной ценности знает лишь соседка-лягушка, пучеглазо уставившаяся в мои изумруды всем своим удивлением перед моим появлением и моим интересом к царству этого полусонного озера, к его обитателям и их тайнам, хотя среди них, на самом деле, я искала свою тайну, в неё я когда-то спрятала и моё несбывшееся ожидание, требующее сейчас выполнить его и сделать ещё одну попытку осуществить всю его очаровательную нелепость, так как других ожиданий в своей жизни я не припомню: каждое из них было красиво своей неосуществимостью, заранее спланированным поражением, сладкой патокой растекаясь потом в моих воспоминаниях, где оно совершенно не казалось мне чудовищем и только продолжало ткать

и ткать паутину глубинных разочарований: как будто весёлый паук игры заткал жизнь, замуравав её чарующей придуманной красотой никогда не сбывшихся устремлений, а тень от неё потом перетекала в стихи, придавая словам крылатую легкость боли, хотя за ней не было кровавых ран жизни, а только танцевали чуть уставшие балерины кордебалета, и каждой грезилась главная партия в «Лебедином озере», на берегу которого я сейчас и пыталась выловить красноперую рыбу своего давнего ожидания и вспомнить его, и начать, наконец, жить, если только мне подадут знак: хотя бы этот кашель за спиной рыбака в чёрном, кашель, на который я оглянулась, чтобы без всякого огорчения удивиться его взгляду, похожему на настоящую точку на последней странице ещё никем не прочитанной книги, действие которой началось в одной семье, где за обедом персонально мне хозяин подал рыбу.

Австралия, апрель, 2010 г.

Куда ты идёшь, творец?

Я узнала его по затаённому свету его великой русской души. Свет этот был таким настоящим, таким приглушённым. А глубинные еврейские корни всех его предков были различимы иногда во взгляде, иногда в его музыке и еще в чём-то трудно уловимом. Встретились мы в Австралии. Так иногда бывает в жизни: после первых мгновений опускаешься в бездонную глубину незнакомого человека и выныриваешь оттуда с богатством, которое не с чем сравнить — суть этого человека пронизывает тебя своим светом, своей мудростью.

...И бежал мне навстречу маленький босоногий пацан, светился весь в дорожной пыли под солнцем Херсона. «Куда ты бежишь, Шая? почему так быстро? Тяжёл ли тебе опыт твоих местечковых дедов и прадедов?» Не слышит... Бежит быстро, как летит — только сверкают на солнце его тёмно-каштановые густые волосы и жёлтые босые пяточки... Бежит в жизнь. И подгоняет его музыка. От рождения звучит в нем эта сила, которую он чувствует и сладко, и больно: гармония, лад, музыкальное единство всех вещей

на свете, всех людей, природы, его самого... Он слышит звучание самой жизни. И ещё долгие годы не будет понимать, что за нежная сила ласкает его изнутри, заставляя прислушиваться и к себе самому, и ко всему вокруг.

Внешняя жизнь не дарила ласки. Жажда учебы, но только шесть классов и учился: слег отец-богатырь. Всю жизнь работать — это с малого детства стало и необходимостью, и потребностью. Но любая его работа была пронизана творчеством и самообразованием. В детстве же появилась мандолина, с которой он уже никогда не расстался. И через мандолину проговаривал свою удивительную музыку, вернее, часть её, потому что было её так много и хватало на всех: на любимую жену, детей, на каждого человека, с которым сводила жизнь. Не слишком ласковая жизнь...

И шёл мне навстречу солдат. В дорожной пыли, очень усталый, а в мешке за плечами вместе с орденами мандолина.

— Сколько ты так идёшь, солдат?

— Семь лет. Два года службы и пять лет войны.

— Куда ты идёшь?

— В жизнь...

И стал жить дальше, оставляя после себя сады. Потому что в любом деле, за что бы ни брался, звучала эта его внутренняя музыка, этот удивительный дар — слышать жизнь как гармонию, как ласку.

Скольким людям он помог и словом, и делом. Сколько работы, тяжёлой мужской работы переделал он на земле, сколько удивительных изобретений пришло в его мудрую голову. Ни война, ни лишения, ни тяжелейшая работа не погасили в нём этой гармонии: только прибывала его сила, её музыкальное звучание. Столько даров готовы были раскрыться, ждали своего часа! Писал, пел, сочинял, играл, изобретал, выращивал — созидал жизнь и себя самого в ней. Давно не Шая, давно Александр Зельманович, фронтовик, защитник Отечества, работник своего Отечества — не слишком ласкового Отечества...

Я вхожу в удивительный сад. Среди камней, среди каменных стен цветут цветы. Растут деревья в кадках. Соединяются в какой-то причудливый рисунок странные растения. И среди этого цветения

стоят фантастические скульптуры, созданные из цветных пластиковых пробок. Они поворачиваются на ветру. Они свисают гирляндами с неба, украшают стены. Через мгновение становится понятен их смысл: каждая из них изображает древний еврейский символ.

...И идёт мне навстречу по саду человек. Ему только девяносто лет. Он молод, он полон творческих замыслов... И оживает вдруг древняя еврейская история, которую создатель этого райского уголка не знает и знать не может. Всего-то и знания: библейские легенды, рассказанные когда-то отцом, которые воспринимались, как сказки.

Он идёт мне навстречу по своему саду, выращенному на голом месте, и его внутренняя музыка светится во всем существе — в его тонкой деликатности, в смирении, с которым он несёт груз прожитых лет, болезни; отъезд из России тридцать лет назад и многое, многое другое.

— Куда ты идёшь, творец?

— В жизнь. Куда же ещё?

Я смотрю на него с восхищением...

— Хочешь, я тебе сыграю на мандолине? Давно не играл...

Он играет, а я плачу. Я вспоминаю, как первые годы после приезда в Австралию он спрашивал сына: «Покажи мне, в какой стороне Россия?» И часами стоял на берегу Океана и смотрел в сторону России. Но он победил и это: благодарность к Австралии в нём настоящая.

...Он играет русские, украинские, еврейские, цыганские, венгерские песни — репертуар его огромен. А я плачу. Здесь он Алекс Смагаринский, ему удивляются, на его чудо-сад приходят посмотреть, его музыку хотят послушать... А я плачу. От полноты и цельности его судьбы, от его человеческой мощи, его гармонии, от его музыки. Свет его русской души льётся в меня потоком, и мне хочется обнять его мудрую седую голову и попросить её не мучить его такой невыносимой болью и дать ему возможность ещё долго-долго звучать на этой земле.

Государства приходят и уходят, границы меняются, но Земле без него нельзя.

Сидней, 26 марта 2010 г.

* * *

7 февраля 2012 года мне позвонили из Сиднея: Алекс Смагаринский ушёл. Проводить его пришло много народа. И над гробом, вместо прощального слова, его сын прочитал мой очерк о нем «Куда ты идешь, творец?»», опубликованный в № 20 «Австралийской Мозаики» в 2010 году.

«Это лучшее, что кто-то мог сказать об отце».

Для меня это большая честь.

И радость, что в долгий путь я смогла проводить близкого мне человека своим словом.

Послушай...

Памяти Алекса Смагаринского

Ему было 90, когда он впервые увидел в книге моих стихов мою детскую фотографию.

— Что это за девочка?» — чуть встревоженно спросил он у сына.

— Автор книги, Лариса Патракова, это она в детстве.

— Понятно, понятно, но я спрашиваю: что же это за девочка такая?! Сын пожал плечами. — Оставь мне книги, я почитаю.

Возвращая книги через месяц, он опять сказал:

— Послушай, что за странная девочка на этой фотографии? Не пойму.

— Она скоро приедет. Познакомись с ней.

— А ты сделай-ка мне фотокопию с этой фотографии. С трёх других не надо, только с этой. А лучше две фотокопии: побольше и поменьше.

Помолчал. И спросил: «Послушай, а ты так и не понял, что же это за девочка такая?»

Сын промолчал. Как-то этот вопрос стал уже надоедать.

...Одну фотографию он прикрепил на стену, а другая всегда лежала на столе, рядом с ним. Смотрел на неё часто. Иногда по-прежнему спрашивал: «Так и не пойму, что же это за девочка такая?»

И не понимал, почему она ему так интересна и какое отношение это чужое детство имеет к нему самому. И сын не знал, что ответить.

Я приехала. Мы познакомились. И сразу попали в резонанс внутреннего счастья узнавания. Много и легко говорили друг с другом.

«Знаешь, — говорил он, — я не могу насмотреться на твою детскую фотографию. Я ведь много детей видел за 90 лет, разных и красивых очень, но это какая-то особенная девочка, космическая. Она меня так радует».

И я плакала от впервые встреченного понимания моей сути. Но я уехала. А он сказал детям: «Послушайте, она сделала меня счастливым человеком. Я только сейчас, в 90 лет, понял, какой я необыкновенный».

Иногда мы перезванивались. И каждый раз он рассказывал мне о той девочке. О том, что он в ней видит и как она его радует: помогает жить. И по-прежнему не уставал задавать вопрос: «Послушай, ну что это всё-таки за девочка?»

И как будто бы с каждым вопросом внутри у него раскрывался свой новый глубинный пласт...

Ему было 92, а девочке на фотографии — по-прежнему 4 года, когда он ушёл. Я горько плакала: он был мне нужен.

В день, когда узнала о его уходе, внимательно вгляделась в свою фотографию.

И вдруг впервые возник тревожный вопрос: «Действительно, а что же это за девочка?» — как будто вдруг туда, в исток, в неизведанную даль хлынул поток сознания.

В Австралии, разбирая бумаги, оставшиеся от отца, сын наткнулся на фотокопию моей детской фотографии.

«Что же такое он увидел в ней?» — и стал смотреть внимательно, отрешенно...

А через несколько минут услышал сам себя: «Действительно, а что же это за девочка такая?!» И прикрепил фотографию к стене.

Середина пути

«Ночевать будете в Mid Point, — сказал Джон. — Там интересное место...» Всю дорогу в машине мы говорили о Джоне, о его фантастически интересной, какой-то Джек-лондоновской жизни...

И когда до Хобарта оставалось километров тридцать, въехали в городок, где Яков решил остаться и переночевать. Это не был Mid Point, и мне почему-то не понравилась идея Якова. Но мы уже устали, а городок был большой, и Яков рассчитывал, что ночлег и ужин мы найдем легко.

Несколько минут мы кружили в сумерках по улицам в центре, и все, кого спрашивали о мотелях, отвечали что-то невразумительное. «Не найдёте ничего», — сказал ещё один прохожий, и удивлённый Яков решил ехать дальше.

Стемнело. Мы проехали несколько километров и оказались в Mid Point, в том месте, о котором говорил Джон. Он и мотель нам назвал, но сейчас, в темноте и холоде, который мы ощутили здесь сразу же, искать мотель было бы трудно. Да мы и запомнили его название. Просто свернули с Хайвея на какую-то улицу и через несколько метров буквально уперлись в надпись: «Revelation. Кровать и завтрак». Въехали в маленькие ворота. Перед небольшим двухэтажным домиком стояла машина. Маленький двор с клумбами, тишина. Яков позвонил. Вышла старуха с маленькой собачкой на руках. Казалось, что наше появление её не обрадовало, а скорее встревожило. «Переночевать?» — она как-то замешкалась, но потом всё-таки пропустила нас в дом. Здесь же на первом этаже показала два номера: в узком коридоре один против другого. И, внимательно глядя на нас, предложила выбрать.

Я зашла в оба, заколебалась, но выбрала с видом на берег реки. Оказалось, что дом стоит очень близко к воде — только маленький цветочный сад и терраса отделяли от реки. Мы заплатили наличными какую-то странную сумму: слишком большую, как потом мне объяснил Яков (это был единственный мотель за всё путешествие, где нельзя было заплатить по карте). Занесли вещи и ушли искать таверну. Уже в тёплой уютной таверне я стала испытывать тревогу, думая о том, что нам скоро возвращаться в мотель. Ужин был вкусным и сытным. Но картины предстоящей ночи иногда возникали во мне как воспоминания, которых не могло быть, но они были...

«Ты чем-то встревожена?» — спросил у меня Яков за столом. «Кажется, я уже пишу рассказ о предстоящей ночи», — я говорила

серьёзно, но не отказалась превратить всё в шутку, когда он попытался пошутить об этом. Вернулись мы в номер не очень поздно. В доме не светилось ни одно окно. Но когда вошли в ворота, неожиданно зажётся свет, будто бы нас увидели из темных окон дома.

В номере я огляделась внимательно и была неприятно поражена большим количеством дверей, которые никуда не вели. Некоторые были закрыты наглухо, другие, например, в ванной комнате, казались ещё более странными: за ними что-то угадывалось. Но попасть туда было нельзя, хотя выглядели они вполне рабочими — ручки и замки были новыми. В комнате было много старых вещей: вышивки, гравюры. А в платяном шкафу, который скорее напоминал маленькую комнату, тоже были две двери, ведущие неизвестно куда. И там же висел на вешалке старый махровый мужской халат большого размера. Были там и другие вещи, которые я не решилась рассмотреть. Ни в одном мотеле такого не встречалось.

Я предложила халат Якову после душа: в комнате было очень холодно (четыре градуса). Яков мёрз. Но надеть халат наотрез отказался. Он заметил моё возрастающее беспокойство и даже страх. Попытался пошутить над этим, а я опять попыталась поддержать его шутки...

В доме была тишина, но иногда совсем рядом где-то раздавались неожиданные странные звуки — шаги — то лёгкие, то тяжёлые, невнятные голоса, скрип дверей. Собираясь спать, я перед входной дверью, дверью в ванную комнату и дверью в шкаф построила небольшие баррикады из мебели, стараясь двигать её бесшумно. Яков уже не шутил, а как-то очень внимательно наблюдал за всем (как потом оказалось, он неожиданно задумался о значении слова Revelation, но решил мне пока ничего не объяснять). Построив препятствия, я, на всякий случай, придвинулась к Якову поближе и мгновенно уснула.

Утром было страшно вылезать из-под одеяла: окно запотело, в воздухе звенели льдинки. Я встала и осторожно огляделась: многие вещи были не на своих местах: гравюры на стенах, вышитый широкий карниз стал другого цвета, и орнамент был другой. И ещё что-то, неуловимое, было другим. За окном медленно и очень давно, не подозревая о моих страхах и переживаниях, текла река. Скорее

собираться и уезжать и ни в коем случае не завтракать здесь! Скорее в Хобарт!

Я вошла в шкаф, стала одеваться и оттуда спросила Якова: «Который час?». Яков очень удивился: «Ты же две минуты назад спрашивала, и я тебе ответил. Ты забыла или не слышала — за тобой такое не водится». — «Наверное, не слышала». Мне стало не по себе: я совершенно не помнила о разговоре с Яковым, вернее, я хорошо помнила, что никакого разговора не было. Из комнаты-шкафа я смотрела, как он собирается и вдруг увидела боковым зрением, что я стою рядом с ним, и мы обсуждаем детали предстоящего пути, шутим и смеёмся. Я потрясла головой и заставила себя выйти из шкафа.

В последние минуты Яков, как всегда, хватился искать ключ от машины. Его нигде не было. Решил, что выронил его из кармана куртки и пошёл в шкаф искать. Он долго ползал там во всех углах: в шкафу было полутемно. А когда вышел оттуда, я сразу увидела, что на нём были другие ботинки: прочные, добротные, но очень старые, такие носили почти век назад. И сам он был чуть-чуть другой: как будто в нём отпечатался какой-то новый, неожиданный опыт. Я видела, как я подошла к нему, поправила старомодную шляпу, а он с удивлением заметил, что не помнит у меня такого жакета... Я была одета в стиле очень далекого ретро.

Скорее уйти отсюда. «Ты нашёл ключ от машины?» — «А разве я его терял?» Яков достал ключ из кармана брюк, мы вышли из комнаты и пошли к машине. Он совершенно не удивился, что это была другая машина: как будто вчера куплена на аукционе старых автомобилей, давно снятых с производства. Из окна комнаты я видела, как мы разговариваем, укладываем вещи в машину и через несколько минут уедем отсюда.

Старуха вышла из своего укрытия за дверь: «Вы ничего не забыли?» Те двое у машины переглянулись... «Мой махровый халат», — спохватился Яков. Старуха довольно улыбнулась... Яков вернулся в дом, где я стояла у стены, загораживая ему вход в шкаф. «Ты что, ещё не собралась?» — он был недоволен. — «Я же забыл свой халат». Он шагнул ко мне, пытаясь открыть дверь за моей спиной. «Кто ты?» — спросила я резко и громко. — «Кто ты, скажи?»

Он остановился. «Кто я?!» — он смотрел на меня с великим удивлением. Было слышно, как от дома отъехала машина...

Пауза была долгой, как жизнь в самом начале... «Я не смогу уйти из этой комнаты, пока не пойму это», — внезапно догадался он, и мне стало легче дышать. «Мы уйдём отсюда сейчас же, только скажи: кто ты? Ответь правильно, и мы уйдём». Счёт шел на минуты. Старуха за дверью хорошо это знала. «Я не знаю, кто я», — очень медленно и членораздельно произнес Яков. Я была потрясена его подвигом: сбросил с себя сразу все слои прошлого! Это возможно, только когда на кону жизнь или любовь. Сразу все часы во Вселенной перестали шептать свое тик-так. Время остановилось. Стало тихо и весело. Старуха, тяжело ступая, заструилась по коридору в своё убежище.

А в мире ещё один человек родил сам себя. Правда, пока он об этом не догадался.

Revelation — Апокалипсис; откровение, отражение, открытие, раскрытие (тайны, напр.) разоблачение.

Тасмания, с 25 на 26 апреля 2010 г.

Леди и Океан

Повернула голову. На берегу Океана, в набегающей волне стояла старая женщина — в нелепой нижней рубашке, которая сзади обтягивала её худое жилистое тело, а впереди жалко обвисала, обнажая какую-то предельную растраченность груди и живота. Ритм, с которым волна достигала берега, был неуловим. Казалось, каждая волна приходит сама по себе: одни были короткие, быстрые, другие накачивали с гулом, демонстрируя мощь, энергию и непредсказуемость. Океан жил своей жизнью, не обращая внимания ни на кого, кроме этой старой женщины.

Уже через мгновение я поняла, что она не просто стоит на берегу — она движется в волне, предельно угадывая дыхание Океана. Видно было, что у неё перевязана левая рука... Всё её тело было разбалансировано и давно потеряло устойчивость. Но она на плохо гнущихся ногах опять и опять заходила в Океан навстречу волне. Многие останавливались рядом с ней, было страшно: казалось, что

большая волна сейчас собьёт её с ног... Но она непостижимым образом на мгновение раньше волны меняла позу, чуть отклоняясь назад — постоянно двигалась в каком-то своем ритме. И все время что-то говорила Океану, жестикулируя правой рукой. Её движения, предельно неуверенные и одновременно идеально рассчитанные, напоминали странный, почти ритуальный танец... Заклинала? Просила? Это было непонятно. Иногда казалось, что в следующее мгновение она упадёт: волна приходила, мощная, неожиданная... И старуха сгибалась, хватая Океан руками, но чудом удерживалась на ногах.

Продолжался этот танец минут сорок. Через какое-то время я стала понимать, что была она когда-то великолепной отважной пловчихой, что, едва рождённую, её уже принесли к Океану, что она провела в нём за жизнь времени больше, чем на земле. Что у них свои отношения...

Танец её все продолжался и продолжался. И глаз нельзя было отвести от этой старой леди, возраст которой давно сравнялся с возрастом Океана... Они были одноклассники, соперники и любовники. Такая красота и сила была в их стремлении друг к другу, словно продолжался какой-то давний разговор, конца у которого нет...

И все целующиеся парочки на берегу, голые, загорающие красотки — все были нелепыми и жалкими перед стихией этих двоих. И только младенцы, которых здесь же, на берегу, матери кормили грудью, только эти младенцы были достойны этого священного танца... Младенцы просто ждали своего часа. Если им повезёт, и их возраст когда-нибудь сравняется с возрастом Океана... И дай им Бог такого же танца, такого стремления друг к другу...

Почти через час старая леди выдохлась. На прощанье погрозила Океану пальцем. Я разглядела, как блеснуло на солнце массивное обручальное кольцо... На негнувшихся ногах в своей нелепой женской комбинации побрела она к своим пожиткам. Каждый шаг давался ей с невероятным трудом. Сколько сможет — она будет приходить сюда. И однажды позволит Океану победить.

Сидней. Куджи. 21 апреля 2011 г.

Рисует Гений...

Выехали из Скаменды в Бичено («колдовское место, ведьма»). Камни необыкновенные. Каменное ложе на берегу с водоёмами, какими-то сооружениями, фантастическими животными. Воздух — единственный в мире. Океан играет светом и рябью: рисует гений.

25.04.2010 г.

Сквозь Тасманию

Дорога, дорога сквозь Тасманию.

Проехали место «Песня ветра»... Много сбитых кенгуру на дороге.

Вспомнила, что у деда Джона во время операции нашли много дробы в теле: ел мясо убитых кенгуру.

До встречи в Ботаническом саду!

*Так таинственно, так изменчиво
Льётся жизнь из пределов горних —
И Земля, как простая женщина,
Принимает её покорно.*

Мне довелось прочесть книгу моих друзей «Скажи мне, ветка Палестины...»

Мне радостно, что авторы захотели напомнить нам, что деревья и другие растения, упомянутые в Библии, являются такими же персонажами, как Авраам, Моисей, пророки...

Эдемский сад, созданный Господом на Земле — основное богатство человека. И без понимания этого, без осознания своей связи с каждой травинкой, человек рискует жизнью. За растительной цивилизацией Земли стоит больше, чем мы можем представить нашим обыденным сознанием, с нашей безнравственной привычкой смотреть на окружающий мир с позиции превосходства.

Ещё раз взглянуть в глаза каждому дереву, под которым и рядом с которым происходили основные события человеческой

истории, — это ещё раз понять, как человек ответствен за каждое мгновение жизни, за свою прекрасную Землю и, наконец, за эту страну, в священном удивлении перед которой я сейчас предстою и чувствую себя каким-то библейским священным деревом, которому посчастливилось выжить и оказаться на земле Австралии.

Я плакала в Королевском Ботаническом саду, и эти слёзы были моей благодарностью и молитвой.

Спасибо Искре Рычаговой и Льву Натапову за их прекрасную книгу.

До встречи в Ботаническом саду!

Сидней, май 2010 г.

Я ничего не придумываю

Я ничего не придумываю. Мне достаточно знания, которое приходит, когда идёшь вглубь себя, и именно это соединяет со всеобщим.

Вселенские знания хранятся не где-то, за семью печатями, а в каждом из нас. Мы самый надёжный банк. Увы, слишком надёжный... Мы замуровали в себе эти знания нашей беспощадной, безнравственной привязанностью к миру видимому, каждый день умирая в этом для удивления, радости, озарения, для любви.

На одной из планет в очень далёкой Галактике, во времена неведомые нам, в десять часов вечера было включено оповещение о Чрезвычайной ситуации. К жителям планеты обратился Глава Галактического Собрания, избранный на Служение именно на этой планете.

«Соотечественники! Я обращаюсь к вам из всей полноты любви и покоя, на которые способен в этот ответственный час! Мы все, вся цивилизация, оказались перед необычным, очень трудным выбором. Наша цивилизация изжила сама себя. Она должна погибнуть, чтобы жизнь во Вселенной не была прервана. Срабатывает космический закон, который автоматически защищает жизнь от вируса разрушения.

Друзья! В ближайшие полчаса перед мысленным взором каждого из нас проявится всё безнравственное, проявится каждый наш выбор, где мы сознательно выбирали НЕ ЛЮБИТЬ. Проявится всё, что останавливало нас в развитии. Каждому придется пройти через

Чистилище собственной жизни. И каждый поймет, что приговор Космоса справедлив.

Это не простое испытание. Не все выдержат его достойно, взяв ответственность на себя. Но, не смотря на это, нам милосердно предлагают выбор! Вместо гибели мы можем выбрать возможность перейти на другую планету. Очень далёкую, жизнь на которой только зарождается. И при этом переходе мы должны принять на себя совсем другую форму жизни. Форму, о которой никто из нас не способен помыслить даже в фантастическом сне... Это невероятно трудный выбор. Предвидя, как могут развиваться события, мы готовили это решение. Многие из вас помнят, что полгода назад был проведен планетарный конкурс на лучший детский рисунок «Кем я вижу себя в фантастическом будущем»... На конкурс принимали работы только детей до шести лет.

Вы радовались, удивлялись, восхищались детской фантазии. Но те несколько человек, которым дано хранить высшую мудрость и мощь нашей цивилизации, — они смотрели на эти рисунки с одной целью: они искали рисунок, который оживёт. Станет живым. Именно он и явится прообразом той формы жизни, через которую мы все обретём спасение, если согласимся на такой переход. Шанс на это был ничтожен...

Соотечественники! Из миллиона рисунков победил один. Вы все видели его, и многие недоумевали: почему мы сделали этот выбор?! Но если бы вы ощутили наше волнение, когда мы убедились, что только этот рисунок живой! Его нарисовала маленькая пятилетняя девочка, которой не стало вскоре после конкурса. Мы сами не ожидали такого развития событий. Мы были потрясены: именно она, маленькая, отважная проложила для нас путь: она совершила переход в новую форму жизни... Как она это смогла — мы никогда не узнаем. Но она сейчас там. Одна... И сегодня наша очередь сделать свой выбор. Мне также, как и вам, предстоит принять решение. Я знаю одно: если мы принимаем решение ЖИТЬ, то в нас будет сожжён забвением безнравственный опыт. С этим грузом переход невозможен. С нашим решением для всех Вселенных закончится эпоха ложно понятой свободы воли... В жизни, где кроме Высшего Закона

ничего не существует, мы УМУДРЯЛИСЬ ВЫБИРАТЬ!.. Между чем и чем мы выбирали?!

Я не могу обещать вам ничего определённого. У меня нет опыта, из которого я мог бы исходить. Известно одно: мы станем отдельной, уникальной цивилизацией на планете, которая со временем будет заселена другими формами жизни. Очень отличными от нашей. Мы будем жить рядом, и никто не догадается о наших глубинных знаниях. О нашем прошлом. Мы будем параллельной цивилизацией и сможем заселить целый материк. Через много эпох туда придут другие существа, но мы уже окажемся дома, будем любить ту жизнь и петь о ней в песнях. Решение принять трудно. Переход должен совершиться во сне, сегодня до полуночи. Он возможен, если большинство населения планеты решится на это. В противном случае от нас не останется ничего. У нас есть почти два часа. Я сказал всё. И могу обещать вам только одно: МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ! Какую бы форму жизни мы не приняли — мы будем помнить! Память останется с нами! Спасибо. Спасибо и за ваше решение. Обнимите детей. Учитесь у них. И спокойной вам ночи, дорогие мои! До встречи в новом мире!»

Планета онемела.

Но эти два часа были Великим Временем для всех Вселенных. Всё замерло в гулкой космической тишине... Что они выберут?!

Способны ли они шагнуть из известного, привычного, из самих себя в полную неизвестность, с верой принимая только одно: в этой неизвестности — ЖИЗНЬ!

Что происходило на планете в те два часа, можно только догадываться... Кто выбрал ЖИТЬ, те уснули до полуночи... Таких было большинство.

...Я лежу на скамье под мощным, раскидистым эвкалиптом, который при всей своей грандиозности кажется мне по-детски трогательным. Почему они меня так волнуют, эти удивительные деревья? Ни одно дерево на земле не наполняет меня таким звонким ощущением полноты жизни. Их отрешённость заставляет оглядываться на себя. Их независимая красота чему-то учит... Могучее дыхание Голубых гор, покрытых неоглядностью эвкалиптовых лесов, сродни дыханию

Океана... Дерево, которое приютило меня под своей кроной, особенное. Всеобъемлющее... Снизу я всматриваюсь в раскидистую крону и все её переплетения, пронизанные солнцем, стекаются в причудливую вязь, в письма, никому не ведомые, в благоухающие жизнью знаки, в тайны и откровения...

Вдалеке шумел Океан, солнце готовилось вылить в него неповторимую закатную палитру сегодняшнего вечера... А я смотрела в предзакатное небо сквозь купол эвкалипта и наполнялась пронзительной, звенящей любовью к нему. Я что-то говорила дереву потихоньку, шептала, спрашивала, смеялась вместе с ним... И вдруг... «Тебе я могу рассказать, почему тогда, на далёкой планете, когда мне было пять лет, только мой рисунок оказался живым...»

Вся могучая цивилизация эвкалиптов содрогнулась на мгновение, прислушиваясь, и австралийский материк качнулся из стороны в сторону... Они помнили.

Джон

«Джон, беги! Беги, Джон, беги...» Чей это голос? Почему он так мучает, что ему надо...? «Джо-он, беги...»

Еще недавно Джон бегал быстрее всех своих сверстников... Ему только 12... И он лежит в Хобарте, в больнице, привязанный за руки и за ноги к кровати. Так врачи надеются избежать самого страшного, что бывает при полиомиелите: когда наступит паралич, то руки и ноги не согнутся, если он, конечно, выживет... Месяц, пока паралич не наступил, каждый день меняли Джону растяжки, и ещё три месяца уже в параличе... Эпидемия 1948 года косила всех подряд. Из их палаты каждый день выносили умерших...

«Беги, Джон, беги, кому говорят...» — Джон готов проклясть этот мучающий его голос. «Кто ты?» — неслышным шёпотом пытается крикнуть Джон в ответ. И вдруг почему-то ясно понимает, что это голос его прадеда, каторжанина Чарльза Джона Тейлора, который за кражу медного чайника в Ричмонде в 16 лет был сослан на каторгу в Австралию, а точнее — в Тасманию, где и остался на всю жизнь. Женился, и с этой единственной женщиной родил 25 детей

и умер очень старым, здоровым и счастливым. Джон никогда его не видел...

«Беги, Джон, беги...» Джон напряг тело, хотел рвануться из веревок, но сил не было... «Не могу...». — «Тогда молись», — приказал прадед. Никогда ещё Джон не молился, но каждая его клеточка знала, как это делать. «Молись, кому сказал!..», — свирепо прорычал старый каторжанин. И Джон упал в Бога всем своим существом: он хотел жить! Он просил: «Жить! Обязательно жить! И ходить!» И обещал взамен каждое воскресенье бывать в церкви. Он думал, что так надёжнее, если Богу что-то пообещать...

Прошло много времени. 12-летний Джон поднялся из своего распятия обессиленным, но живым. В крови его кипела жажда жизни, и неукротимый авантюризм жаждал дела.

...Он сидит передо мной в халате, этот старый джентльмен. Ему 74 года. Всю свою жизнь он сцедил по капле в мою тетрадь, но мы оба знаем, что не всю. Таковую жизнь никому нельзя доверить полностью. Но и то, чем он одарил меня, — неисчерпаемое богатство.

Был он в ранней юности служащим банка, потом солдатом на корейской войне, полицейским, таможенником, контрабандистом, поваром, владельцем ресторана, страховал скот и имел за это большие деньги. И всегда жизнь была полна приключений. И всегда и везде был он предприимчивым, дерзким и добрым. Он не спился, проверяя алкоголь на таможене. А за 7 лет, возглавляя полицейский участок, не оштрафовал ни одного человека. В жёсткие драки вмешивался сам. Большой, сильный, по-мужски красивый, он без особого труда навёл порядок и всегда выходил сухим из воды. А ещё он знал, что его главная авантюра где-то впереди.

За эти годы было две встречи. В гостинице, в Аделаиде, в одном номере с ним оказался человек, который поразил Джона ещё большей, чем у него самого, бесшабашной влюбленностью в жизнь и тягой к приключениям. Они просто поговорили, но, расставаясь, обменялись адресами.

И ещё одна встреча была неизбежна. Джон встретил девушку и именно ей захотел задать свой главный вопрос: «Что ты хочешь от меня, дорогая?» — спросил её Джон в первый же вечер. «Сына».

Джон не привык отказывать женщине. Он почему-то вспомнил прадеда, которому одна-единственная женщина родила 25 детей. И деда, у которого их было 12. И решил, что пора начинать и ему. Так появился у Джона сын и семья. Ещё трижды задавал Джон жене этот же вопрос. И её ответ был неизменен: «Сына». Четыре сына, свой ресторан в Хобарте, деньги... Но он-то знал, что жизнь только-только набирала обороты...

Пришло время, когда он почувствовал: опять надо задать жене этот вопрос: «Что ты хочешь от меня, дорогая?» — «Развод. Мне — ресторан и деньги, тебе — сыновей». Джон действительно не привык отказывать женщине и тем более обсуждать с ней ненужные подробности: старшему сыну было 8 лет, младшему — 2 года. Чтобы развестись, по австралийским законам нужно было год не видеться с женой. Он оставил их в Хобарте и уехал в Аделаиду, где работал поваром в ресторане. Через год от всего его состояния осталось у него 4 сына и мелочь в кармане. Было ему 35 лет.

Сыновей надо было поднимать. Используя свой давний опыт работы на таможне, Джон стал отличным контрабандистом. Два года — только риск и дети... Напряжённых два года. Понадобилось время, чтобы жениться по любви: в Тасмании давно была на примете одинокая женщина с двумя детьми. Джон сдал её на руки и своих. И опять рисковал, и ввязывался в новые проекты, и зарабатывал, и разорялся. А жизнь приближала к нему главное приключение...

В нужную минуту достал он из заветного кармана бумажку с номером телефона того давнего знакомца из Аделаиды и позвонил. Прошло уже несколько лет, но Рей Шульц поднял трубку... Встретились, поговорили и решили заняться поисками опалов. На старой машине Джона одолели 1000 километров от Аделаиды до Киногунни. Вышли из машины около паба. В ста ярдах стоял столб, у столба абориген, а на асфальте у его ног сидела аборигенка, его жена. Абориген предлагал её за 2 шиллинга всем проходящим. Но Рей отказался, и они прошли мимо.

Абориген, недовольный тем, что они не хотят его жену, пошёл за ними. Но они купили ему стакан вина, и он успокоился. А потом спросил: «Не собираетесь ли вы идти в ту дыру, где опаловые шахты?»

Очень ломаный его английский они понимали с трудом. «А золото вас не интересует?» Посмотрели друг на друга: «Да». — «Купите мне фляжку вина, и я отвезу вас на место, где полно золота». Утром они выехали. Пил их проводник всю дорогу. Ехали долго. Уже почти пустыня. Джон остановил: «Место опасное...». — «Ещё вперед», — махнул рукой абориген. И через несколько миль: «Стоп!» Открыл дверь, выпал из машины, полежал, а потом встал, прошёл метров 20 и вернулся к ним с зерном золота. Так Джон на всю оставшуюся жизнь стал золотоискателем.

А дальше — роман, достойный пера Джека Лондона. Но у меня другие задачи, поэтому я только перелистаю несколько страниц этой очень обрадовавшей меня жизни.

...Они купили эту землю у правительства, оформили золотоискательский бизнес и дальше три с половиной года тяжелейшего труда: вдвоем, в пустыне. Украли листы железа в железнодорожном департаменте, сварили бак и, благодаря сильному перепаду температуры, имели воду: за ночь накапливалось 20-30 литров воды. Сделали корытце из стали над своей хижинкой — вода была всегда. Со всех окрестностей прилетали птицы пить воду. Много птиц.

Вставали в 6 утра. Час копали. Потом взрывали динамитом. После работы пили, были пьяны, но после обеда отрезвлялись. В 6 вечера опять шурф и взрыв — примерно тонна камней за день. За три недели накопилось 20 тонн. Наняли грузовик, вручную погрузили и повезли на государственный золотопромышленный завод, арендовали оборудование, дробили и промывали — всё сами. Неделя уходила, чтобы переработать 20 тонн и отделить золото. За месяц 20 тонн давали 20 унций золота. 1 унция — чайная ложка золота. В перемычку помещалось 30-40 унций. Слитки сдавали в банк. Имели каждый месяц золота на 2 тысячи долларов. И пили. Дикая жизнь была. С детьми общался раз в месяц.

Через 4 года продали шахту богатому человеку за 20 тысяч долларов. «Жили с удовольствием, легко. Ничего серьёзного на свою душу не брали», — говорит Джон. А потом украли в департаменте шахт книгу, которая стала их библией — «Государственные шахты Южной Австралии», 1908 года издания. По ней находили сведения

о заброшенных шахтах и уже просто восстанавливали эти шахты и продавали их. За 2-3 года продали 5-6 шахт. Но скоро захотелось чего-то нового.

Как-то Рей прочитал в газете, что американцы приехали в Австралию в поисках урана. «Пойдём за ураном», — предложил Рей. «А что это такое?» — «Я не знаю. Пойдём по музеям и узнаем, что это». Пошли в музей с увеличительными лупами и нашли: зелёные скалы! Рей говорит: «Я видел такое за Аделаидой, на холмах».

В департаменте шахт над ними посмеялись: «Ребята, оставьте это большим китам!» Но всё-таки дали им два счетчика Гейгера напрокат. Взяли 2 мотоцикла и поехали к скалам. Там разделились: каждый пошёл в свою долину. И у обоих счётчик зашкаливал. Взяли пробы. Стояла дикая жара. «Что будем делать?» — спросил Рей. «Для начала выпьем вот под этим деревом». — Выпили. Потом поехали в Аделаиду и зарегистрировали место, а пробу отдали на анализ в лабораторию. Через 2 недели их пригласили в муниципалитет: с ними хотели говорить американцы.

Результат их проб почему-то оказался у американцев. И было ясно, что уран есть. На встрече американец сказал: «Мы заинтересованы в этом месте. Хотите продать?» — «Сколько?» Рей всегда доверял торговаться Джону. «Сядьте и напишите, сколько вы хотите, а я напишу, сколько хочу вам уплатить», — американец дал бумагу и ручку нового образца: нажимаешь — и стержень уходит. Джон взял эту ручку и сделал вид, что пишет. Потом они обменялись листочками бумаги. Джон отдал американцу чистый лист, а американец написал: «1 миллион долларов». Когда он все понял — выругался: «Сволочи!». Джон спокойно сказал: «Давайте обсуждать»... И запросил 5 миллионов. Рей был почти в обмороке. Даже он такого не ожидал. Торговались и сошлись на трёх миллионах.

Много других компаний начали регистрировать участки вокруг: вертолеты, машины, люди — уран найден. Как только Джон и Рей получили первый чек от американца на 300 тысяч долларов, они наняли вертолёт и полетели в Хобарт в казино, взяв с собой по 20 тысяч долларов каждый. Поселились они прямо в казино и жили там две недели: кутили и играли. И выиграли ещё 10 тысяч. Это было

дикое время. Джон о многом умолчал, вспоминая эти две недели. Расслаблялись они за все годы, проведённые в пустыне...

А дальше правительство не разрешило продавать участки иностранцам, и всех денег они так и не получили. А через некоторое время свернули дело и разъехались: Рей — в Перт, а Джон — к семье, в Тасманию.

Сбережения Джон вложил в оловянную фабрику и скоро разорился. Были потери и посерьёзнее. «Деньги приносили проблемы», — говорит Джон. Слишком многих людей он содержал: своя семья (6 человек), помогал семье своей жены, своим братьям и сёстрам. И всегда почему-то было мало тем, кто окружал его жену: «Они были как паразиты». Из-за денег они и расстались. «С разбитым сердцем разошелся я с ней. Я её любил, и она была хорошая».

Через несколько лет он женился на женщине с десятилетней дочкой. Перекупил землю у одного старика: точно знал, что там есть золото. И 10 лет, один, в лесу, разрабатывал шахту. В 8 утра приходил, до 12.15 работал, потом ланч. И все 10 лет прилетал большой белый орёл и садился обедать с Джоном. Орёл не пропустил ни одного дня. Они стали большими друзьями.

На столбе на верёвке около шахты был большой плакат с надписью: «Если кого-то найдут повешенным ночью, то он определённо будет висеть здесь утром». 10 лет ему никто не мешал. Правда, когда приёмной дочери исполнилось 17, жена сбежала с другим. А девочку он любит и до сих пор видится с ней. «Яблочко моё», — говорит о ней Джон.

Теперь у него четвёртая жена, Кристина. Моложе его, но часто сердится, что он не озабочен деньгами. Он, действительно, не озабочен. Ему больше нравился сам процесс. Было много возможностей заработать, но деньги не были целью. «Самый большой урок, который я извлек из жизни: большие деньги — большие проблемы. Сейчас я достаточно стар, чтобы волноваться о чём-то. Хорошую жизнь я прожил — никаких сожалений». Но иногда и сейчас он читает книгу о золотоносных шахтах. Дал мне её полистать. А золото тянет просто потому, что у него нюх на золото: «Еду иногда: здесь золото есть, по форме скалы, по растительности, по минералам в земле»... Золото ему показывается, будто бы знает, что он не жадный...

И мы ещё долго говорили о жизни, говорили втроём: у меня был замечательный помощник и переводчик, который чувствовал меня и умел задать мой вопрос именно как мой... Читал мне Джон и свои стихи, и поэму о судьбе, которую назвал «Агония судьбы». «Самая тяжёлая работа на земле — быть судьёй в суде. Я бы не смог». Мне понравились его стихи и афоризмы. Помню один: «Две вещи стоят, как камень: проявленная доброта, когда другой в беде, и стойкость, когда ты сам в беде». А ещё всю жизнь искал Джон лёгкую улицу. И в каком-то городке нашёл и сфотографировался на ней: слишком хотелось ему жизнь прожить легко. И он так и прожил, считает Джон.

О чём жалеет? Будучи полицейским, не арестовал пьяного, а через полчаса тот погиб под машиной. Случалось обманывать. «Но мне можно: я честный». В людях для него важна порядочность и честность.

До 50 лет курил по 60 сигарет в день. Бросил. Ноги болят. «Но жаловаться не на что. Ведь обещал Богу: позволь ходить, а я не пропущу службу. Он-то позволил, а я нарушил свое обещание. Все неприятности отсюда. Что же теперь? Терпи, раз сам такой. И радуйся. Вот и сейчас к службе звонят, — он посмотрел за окно. — А я ведь не пойду»... Помолчали.

До сих пор он ходит в буш, приносит камни, долбит дома и промывает. Золото есть. Но у земли есть владелец. Джон ему о золоте не говорит. Через 2 года у того истечёт срок аренды и Джон оформит землю на себя. «Из всех детей один младший к этому способный. Всё время звонит, денег просит. Вот пусть и займется этим. Тоже золото чувствует. А я давно понял: самый большой бизнес — тележки для младенцев и гробы», — смеется Джон. «Пойдём».

Он ведёт меня во двор, достает из-под брезента два камня, разбивает их ломом в железном баке, промывает песок на лотке, плюёт на мой палец и окунает его в песок. Палец становится золотым, искрится на солнце. Я радуюсь и смеюсь. А Джон дарит мне несколько маленьких камешков с тасманийским золотом. Пора уезжать. Я откровенно плачу. И задаю ему последний, очень важный для меня вопрос. И ответ его показался мне невероятным. «Джон, ты бесконечно мудр, ты многое видел — и что бы ты мне пожелал, Джон?!»

«Возвращайся в Австралию. Ты принадлежишь Австралии. Австралия нуждается в тебе. Будь счастлива! Я знаю, что мы ещё увидимся».

17 июля 2010 г.

Париж

...И я в Париже.

Зачарованное человечество струится сквозь Париж по узким улочкам и площадям, карабкается на Эйфелеву Башню, ползёт на Нотр-Дам по крутым ступенькам...

Уже несколько веков все здесь: многоязыкие миллионы прошли через Париж, оставляя в нем энергию удивления, совокупления, горы золота и испражнений. Почему-то здесь поняла, как бесполезно человеческое дерьмо... Именно в Париже существует музей Клоак...

Стремятся сюда со всех сторон, бегут, идут, смотрят, изучают, вникают.

А Париж призрачен и недостижим. Не зря химеры венчают главные соборы Парижа. Во многом Нотр-Дам создал этот город, его неуловимый дух. В этом величии, в этой эlegantности, в блеске и нищете скрывается совсем не то, что здесь ищут...

Париж — вещий сон человечества о себе самом. Сон есть, он длится, он вечен, а смысла еще никто не разгадал...

Зачем он нужен, Париж? Как они умудрились, эти очарованные собой французы, в одном только этом городе в бронзе, мраморе, позолоте и надписях увековечить почти всех своих соотечественников, которые хотя бы пальцем шевельнули во благо Франции? С каким размахом они оставили в Пантеоне места для грядущих великих французов!? Как у них хватило (или не достало) чувства юмора размножить маленького Наполеона до бесчисленности, намекающей на какую-то безвременную, странную математику: таких чисел не бывает и ими ничего нельзя сосчитать. Кроме изображений Наполеона ...

За всей этой химеричностью не разглядеть правды. Приедь в Париж ещё много раз, приобщись этому ритму, искусству, этим улицам и набережным, выучи язык, умри в Париже или родись здесь — ты

его не узнаешь. Немногие из парижан приобщены к этой тайне. А я соприкоснулась с подлинным Парижем разве что в бессоннице...

Мы бродили по Гранд Опера. Было душно: пахло духами, их густой, устоявшейся веками смесью. «Мочой пахнет», — заметил Яков.

И опять мы струились вместе с человечеством через этот город, и вбирали его дух, и понимала я, что всё это призрачно... Спиральюми закручивалось человечество вокруг великих памятников, которые сегодня с автоматами в руках охраняют солдаты. Человечеству, увы, нельзя доверять... Поэтому оно здесь, как в утробе, в которую стремятся, чтобы забыться.

Чрево Парижа рождает сон обо всех нас...

И уже через день после возвращения — такая тоска о Париже! И я попалась!

16-23 сентября. 2012 г. Париж

Яков и франжипани

1

2 февраля я открыла в ночь окно — напоить комнату перед сном дыханием мороза. Станный аромат почувствовала не сразу. В морозном воздухе пахло цветущими франжипани.

Гости, которые еще не ушли, поражённые незнакомым запахом, гадали, рязили, думали вслух: что за аромат? В чём дело? Все их версии были фантастически скучны, и я слушала их на последнем пределе всей возможной для меня вежливости. Неужели не понятно: просто в морозном воздухе пахло цветущими франжипани.

А ещё проще: спит сейчас Яков, спят его франжипани. Чему удивляться?!..

2

Якова искушали пчёлы. До неузнаваемости. Он очень внимательно за ними наблюдал. Он понял некоторые закономерности в их поведении, и они его не трогали. Они ждали, когда он перестанет понимать, а просто станет пчелой. Но именно об этом Яков и не догадался. И тогда они его искушали до такой неузнаваемости, что даже на всех

фотографиях на документах его лицо изменилось: полностью совпало с внешним видом искусанного пчелами Якова. Такие истории случаются с редкими людьми, чтобы они в другой раз не побоялись стать пчелой, или цветком, или звездой... А Яков человек редкий, хоть и искусанный...

3

Яков включает компьютер. Сейчас он начнёт писать новый рассказ. И действительно: Яков начинает ходить по комнате. У него две очень больших и почти пустых комнаты — специальные, для новых рассказов. И Яков ходит быстро-быстро, долго-долго — пишет рассказ. Это очень трудно. А компьютер злится, но потихоньку, чтобы всё-таки не мешать Якову. У него, бедного, все программы наготове, мышка раскалилась, а Яков все ходит и ходит — рассказ пишет. Может, раза два и подойдёт к компьютеру, обронит в него несколько фраз... Да что толку, компьютер-то знает: ходить Якову и ходить, мерить комнаты, рассказ писать... Ох, и боится компьютер этих рассказов Якова... Вот однажды взял и сломался от злости и от страха. А раскалённую мышку соседний кот уволок котяткам на потеху. А Яков всё ходит — рассказ пишет. У него хорошо получается.

4

У Якова в большом холодильнике живут только солёные огурцы. Придет Яков домой вечером, достанет банку с огурцами и съест один-два огурца. Больше не хочется. Да и не очень-то вкусно. Только один раз, когда Яков решил выпить со мной рюмку коньяка на брудершафт (ровно через 35 тысяч километров), он закусил коньяк большим солёным огурцом. Я долго слушала в трубке аппетитный хруст этого огурца... И Яков сказал, что никогда ещё огурец не был таким вкусным. На другой день в новостях по TV объявили о необычном явлении: над половиной земного шара явственно ощущался, даже зафиксированный приборами ученых, сильный запах солёных огурцов. Сейчас мировой науке есть чем заняться. А Якова я ругаю: плохо питается...

5

Человек слаб, хитёр и невоздержан...

Мне подарили три баночки варенья, разного: клубника, смородина, малина. Очень хотела отказаться — сладкого не ем! Не

отказалась. Придумала: буду есть и перед каждой ложкой говорить: «Ест Яков, с удовольствием».

Недели через две Яков жалуется по телефону: «Что-то у меня стал животик расти. И сладкого не ем, и мучного».

Тогда я стала отправлять ложку в рот и приговаривать: «Ест Яков, с удовольствием и не толстеет».

Так варенье и закончилось. Сама в рот ни капельки не взяла. Надо у Якова спросить: вкусно или нет...

6

Яков просыпается с утра и начинает о других заботиться. Когда его просят — заботится, а уже когда только намекают, то совсем сильно заботится. Всем это нравится. Все вокруг только и стремятся под его заботу попасть. Я и сама это ощутила — понравилось и мне. Но почему-то грустно стало. Ведь о себе-то он забыл совсем. Поиграть в теннис — вот и вся его забота о себе. Решила я о нём позаботиться, как могу: стала про него сказки писать.

Разволновался Яков, занервничал. Не привык он к такой заботе, не знает, как ему быть. И нравятся ему сказки, и непонятно, как жить дальше, что с этим свалившимся на него богатством делать. Спать по ночам перестал. Сказки мои читает и жалуется иногда: свербит у него что-то в спине, под лопатками от моей заботы — не сердце ли болит?.. А я смотрю на него в лупу через эти 35 тысяч километров и вижу: крылышки у него пробиваются, те, прежние, которые он ещё в детстве обломал когда-то. Но теперь они лезут настоящие, зрелые такие крылья-крылищи. А он все ещё не догадывается. А догадается когда — что будет? Нужна ли ему такая забота — не каждому она по плечу. А спросить не решаюсь, посмотрим, когда крылья вырастут.

7

Позвонил мне Яков и говорит: «А я тебе кроссовки купил. «Пуму». Чуть с ума не сошёл, пока выбирал. В магазине 200 тысяч пар кроссовок — и все «Пума». 8 дней ездил, выбирал. Приз дали от магазина за самое долгое в истории выбирание-страдание. В общем, купил, хочу завтра послать». А я ему отвечаю неутешительным голосом: «Смогу я носить эти кроссовки при одном условии: не посылай

их пустыми, заполни их тем, что желанно будет моему голосу, моему взгляду, моему носу, моим губам. А что это — не спрашивай. И сама не знаю». Ну, думаю, не видать мне «Пумы», не решит он эту задачу богатырскую. Я ведь и вправду сама не знаю, что это такое... А уж не решит он эту задачу — и сказка закончится. А из жанра этого выпасть мне никак нельзя. И загрустила я, закручинилась: жалко сказку — на дороге не валяется.

Долго ли, коротко ли — дело сделалось. Пришла посылка. Все 35 тысяч застарелых километров на ней намотаны. Распечатала я её и глазам не верю: в коробке «Пума» — кроссовки обещанные, а в них — слово это я произнесла — голосу моему отрада. Глянула — взгляд обрадовался, вдохнула аромат — нос ликует, губами тронула — как поцеловал кто с нежностью. Всё угадал! Решил задачу богатырскую, сказку не обманул, не прервал.

Ну, Яков, кто тебя только придумал такого! И сейчас я хожу в кроссовках, наполненных лепестками франжипани.

Сейчас там, на другой стороне сказки ночь. Спит Яков. Спят его франжипани. Чему удивляться?

8

С Яковым случилось непоправимое — с Яковым случилась я. Заволновался Яков: раньше он думал, что непоправимое — это его прошлое. С ним, с прошлым, всё понятно, надежно и спокойно. Приносишь ему положенное жертвоприношение и живёшь дальше, до следующей жертвы, которую оно от тебя потребует.

А тут — я... Хорошо бы меня чуть подвинуть с этой непоправимой точки. Да не получается. Ведь я, если случаюсь, то всерьёз. Жалко мне Якова, но ничего сделать не могу — не виновата я. Ну случилась-то, конечно, я, а непоправимость-то Якова. Трудная ситуация. Наблюдаю, как думу думает Яков, понять хочет, что ему делать. Решил билет купить: покорить махом с одной пересадкой все 35 тысяч километров и прилететь ко мне. Есть у него тайная надежда перевести меня из разряда непоправимого в другую категорию, чтобы легче было справляться. Прилетел Яков, не побоялся. Теперь просит меня оставаться трижды непоправимой. А мне и не трудно — раз ему так надо. Я здесь и вообще не при чём.

Яков не подозревал, что близкие не любят, когда ты выпадаешь из их представлений о тебе. Есть у них о тебе представление — и basta! Изволь в него поместиться. Якову они отвели роль дедушки на пенсии, которому явно нечего делать. Да и не делает он ничего полезного: так, в теннис играет. Яков, конечно, долго старался их не огорчать и изо всех сил соответствовать. Но ведь самого себя заживо не похоронишь в их представлениях. Жить ведь хочется по-настоящему. И дел у Якова не на одну жизнь хватит. Своих дел, внутренних, творческих, которые откладывал всю жизнь, потому что работал много, для других старался.

Замыслы рассказов сейчас у него в очередь стоят, а ему говорят: «Какие у тебя дела? Ремонт и то сделать не можешь». Грустно Якову, не понимают его. Сказать по секрету, Яков во всем виноват. Никогда не рассказал он своим замечательным сыновьям о себе по-настоящему: о своих мечтах, о своих замыслах и надеждах. Никогда не объяснил, чего он хочет от жизни и в чём для него счастье.

Люди почему-то так боятся выразить перед другими себя, свои чувства. И Яков такой. А сыновьям этот его внутренний опыт, это его право на счастье необходимы. Пройдёт время, и сами они войдут в прохладные лета и затаят свою внутреннюю жизнь, сами себя настоящих затаят уже от детей своих... И будут смотреть на них дети с высоты уже своих представлений, и грустно им будет, сегодняшним сыновьям Якова.

И не поздно ещё Якову сесть вечером с сыновьями на берегу Океана и сказать: «Послушайте, сыны...». И вся красота и безбрежность его души предстанет в этом его рассказе о себе, и поймут его сыновья, и поблагодарят: он показал им путь... Когда изо дня в день есть что есть — пора накормить и голодного человека внутри себя — душу свою.

Жизнь человека всегда больше хлеба и родового семени. Надо только вовремя сказать об этом вслух, застолбить своё право.

Яков проснулся рано от пения франжипани. Пели они тихо, согласно, каждое слово было понятно. Пели они первый раз в жизни — вернее сказать, слышал их Яков впервые, но почему-то не удивился.

«Яков, — пели франжипани, — пой свою песню, Яков, не бойся ничего... Ты наш, мы давно открыли путь тебе в своё царство. И вот ты с нами, и мы так рады... Ах, Яков, если франжипани запели — нет для тебя невозможного. Давно мы наблюдаем за тобой, давно слушали, как болит и плачет от красоты и безобразия мира твоя звёздная душа. Давно мы определили твою природу. Долго, ох, долго ждали мы последнего знака, твоего призыва, твоего послания.

И мы дождались, Яков. Спасибо, что мы дождались. Когда поцеловал ты цветок франжипани — все франжипани на Земле, весь наш могучий прекрасный род возрадовался единым радованием, единым ликованием. Приняли мы целование твоё. И отныне ты под нашей защитой, отныне все цветы франжипани будут посылать тебе своё благоухание и в снах твоих, и наяву. Отныне наша родовая мудрость будет ронять неслышные плоды в твоё сознание. И будешь ты богатеть мудростью зрелого цветущего человека. И слова твои будут благоухать и светиться лепестками наших цветов.

«Ах, Яков, — пели франжипани. — Единственный мужчина на земле, который поцеловал цветок франжипани». — «Я не сам! — закричал Яков. — Меня попросили». — Яков был честен с франжипани, и ему казалось это важным. Но у франжипани была своя правда. В древнейших преданиях их рода, из уст в уста, записанные в сердцевине стволов, сохранялись знания о том, что могучий и нежный род франжипани должен с честью пронести своё служение на земле. И как награда, как выход к новым высотам и новым знаниям из поколения в поколение роду было обещано невозможное: появится на земле мужчина, который с нежностью и любовью поцелует цветок франжипани. Да, это невозможно вообразить, но это будет. И франжипани верили в эту сказку, и по вере их было им...

«Ах, Яков, — пели франжипани. — Только выдержи, только не погуби нас...».

Короткие разговоры о любви жёлтой бабочки с принцессой Анел в старом королевском саду

Уже пять лет!

Однажды, когда принцессе Анел было *только* пять лет, то есть я хочу сказать — *уже* пять лет, она гуляла в саду со своей знакомой доброй волшебницей.

— Зачем дети приходят на Землю? — спросила Анел.

И мудрокрылая волшебница ответила:

— О Анел, это самая главная и самая простая тайна. Без детей взрослые остановились бы в своем развитии, и жизнь стала бы убогой и скучной. Дети приходят, чтобы научить взрослых. Ведь большинство людей, когда становятся взрослыми, перестают учиться. Да, они ходят в университеты, даже преподают там, они читают книги, но они перестают удивляться жизни, видеть в ней тайну. Они ищут готовые рецепты на все случаи жизни. Они думают, что всё знают, и тогда душа их перестает расти.

А маленький ребёнок всё время стучится в их сердце, требуя от них погружения в подлинную красоту жизни, в её глубину, в её тайну. Вот зачем нужны дети, Анел. Они великие Учителя человечества. И нет Учителей более великих. Я преклоняюсь перед детьми, Анел. И ещё я точно знаю: ребёнок учит оставаться самим собой, учит бесстрашию. Знаешь, на самом деле детство из человека вытесняют страхи. К сожалению, это так.

— Ах, — сказала Анел, — как-то примерно так я и чувствовала, дорогая волшебница. Но скажи, почему стучишь, стучишь иногда в чьё-то сердце, а там будто бы никого нет, все ушли, никто не отзывается?

— Дорогая моя девочка, это и есть самый трудный подвиг каждого ребёнка: стучать, звать, пробуждать. Как бы тебе ни было трудно, всё равно надейся и стучи — это твоя задача. Ведь есть сердца, которые отзываются. Главное, никогда не отчаивайся.

Волшебница поцеловала Анел, достала из кармана цветочные часы: «О, мне пора...» И жёлтой бабочкой покинула королевский сад.

Не плачь, всё получится...

Принцесса Анел росла, радовалась жизни. Она была очень красивой, потому что была очень доброй. Её любили гномы, звери, птицы, цветы... Но вдруг все стали замечать, что Анел грустила. Даже цветы её не радовали.

— Что с тобой, Анел? — прочирикала маленькая птичка. — Не пора ли тебе позвать знакомую волшебницу? —

— Ах, — сказала Анел, — мне так грустно. Где мой волшебный колокольчик?

В это же мгновение в сад влетела большая жёлтая бабочка и превратилась в трепетнокрылую волшебницу.

— Здравствуй, дитя Анел. Почему тебе так грустно?

— Я скажу тебе правду. Я мечтаю о любви, о принце, а он всё не приходит... Почему?

— Принц обязательно придет. На самом деле ты его уже знаешь. Тебе осталось его только узнать

— Как же я его узнаю? Мне хочется, чтобы он был красивый, высокий, умный, сильный... Но вокруг меня нет таких принцев. Кто-то высокий, но некрасивый. Кто-то маленький, но умный... Я совсем запуталась... Как же я его узнаю?... И принцесса Анел заплакала.

— Так я и думала... — ответила волшебница. — Перестань надеяться принца определёнными чертами в своих мечтах. Откройся для любви — только тогда он и появится. Поверь мне, дорогая Анел, если придёт любовь, тебе будет всё равно: высокий ли он, красивый, умный — для тебя он будет прекрасен. Таким прекрасным он и станет, если ты его будешь любить. Знаешь, люди так и живут иногда всю жизнь, проходя мимо своих принцев и принцесс, не слушая голоса души — единственной мудрой советчицы.

Анел было трудно понять, о чём говорит волшебница. Но в её словах была такая убедительная музыка... и Анел опять заплакала.

— Не плачь, девочка. У тебя все получится. Ты его узнаешь... Ты поняла, Анел?

— Я буду очень стараться понять, обещаю тебе...

— Старайся, принцесса, это единственный подвиг в жизни, который имеет смысл, — волшебница поцеловала Анел и вылетела из сада жёлтой бабочкой.

О чём твоя дума?

В королевском саду после знойного дня было тихо и веяло прохладой. Принцесса Анел очень любила эти вечерние часы, когда можно было остаться одной, прислушаться к себе и подумать о чём-то серьёзном. Без этих минут тишины жизнь человека очень трудна, даже если ты принцесса. И в такие минуты особенно хотелось поговорить со знакомой волшебницей.

Анел взяла в руку колокольчик — и в ту же секунду жёлтая бабочка опустилась ей на плечо. Сегодня радужнокрылая волшебница была в новом фиолетовом платье.

— Здравствуй, дитя Анел!

— Ах, ты всегда вовремя появляешься! Ведь сегодня я думаю о таких сложных вещах, которые я не могу понять.

— О чём же твоя дума, девочка?

— Я думаю о Боге. И не только потому, что я читала о нём в книгах и слышала во дворце разговоры ученых людей. Просто что-то внутри меня хочет понять какую-то самую важную вещь... Кажется, взрослые её называют истиной.

— Да, Анел, так ты устроена. Каждый из людей так устроен, что рано или поздно, но эта важная вещь, начинает стучаться в каждое человеческое сердце. И что же тебя смущает?

— Как мне понять, что Бог есть?

— Тебе не надо этого понимать, дружочек мой Анел. Это надо чувствовать. На самом деле, он в тебе, вокруг, в каждом дыхании жизни. А логические доказательства далеко уведут от Бога.

— Что же мне делать?

— Просто люби себя, Анел. Любовь к себе соединяет человека с Богом.. Любить себя — это понимать, как прекрасна жизнь, как твоё тело и твоя душа совершенны. Ведь ты и есть крошечная частица Бога здесь, на Земле. И другой — тоже его частица. Значит, никто из нас не может быть уродливым, злым, больным, потому что

в Боге этого нет. В нём только любовь. Значит, она и в тебе, и во мне, и в каждом...

Знаешь, почему люди Его не находят? Они много говорят о Боге. А Его надо чувствовать в самых обычных вещах: в ветре, в солнце, в листве, в птицах, в себе самой... И подлинная молитва Богу — это благодарность за чудо жизни. Не разговаривай о Боге — разговаривай с Ним. Когда ты смотришь с любовью на цветок, на человека, на птицу — ты видишь Бога. Дай себе труд помнить об этом. Вот и вся истина.

— Как ты просто объясняешь такие сложные вещи, дорогая волшебница.

— Сложных вещей нет. Есть простой или сложный путь в их познании... Волшебница поцеловала Анел, взмахнула трепетными жёлтыми крыльями и поднялась в небо.

«Какая божественная красота!» — сказала ей вслед принцесса.

Змейка и Принц

Анел взяла в руки волшебный колокольчик и в этот раз звонила на удивление долго, прежде чем жёлтая бабочка влетела в сад.

— Ах, дорогая, — что-то ты долго не прилетала.

— Да... Сегодня у меня был трудный день, когда-нибудь я расскажу тебе о нём... О чём хочешь поговорить?

— Знаешь, дорогая волшебница, я начинаю как-то странно смотреть на людей... Я вижу теперь не только внешнее в человеке, но мне кажется, я вижу то, что у него спрятано глубоко внутри, куда, как в сокровищницу нашего королевского дворца, не так-то просто добраться...

— Замечательно! — засмеялась звонкокрылая волшебница, — ты учишься, девочка, учишься, и я этому рада... Расскажи мне о том, кого ты увидела по-настоящему.

— Есть один близкий человек... И он думает, что он просто обыкновенный человек, но я-то вижу, что он принц на самом деле. Только как будто заколдованный. И мне так грустно, что он сам этого не понимает.

— Знаю, о ком ты говоришь, милая Анел. Ты не сможешь ему помочь — каждый сам должен увидеть свою настоящую природу.

Ты помнишь, какая странная история произошла с ним недавно? Как к нему приползала змейка?

— Конечно, помню, — сказала Анел. — Она обвилась вокруг его руки, вокруг ноги... Все только удивлялись этому, а он очень боялся и отбрасывал её. Я бы тоже так поступила, ведь змея — это страшно...

— Да, — сказала волшебница, — но хочу тебе сказать, что на всё можно посмотреть и по-другому. Ведь это была не змея, а заколдованная принцесса. Она ждала, что он не испугается, а погладит её и поговорит с ней. И тогда бы чары рассыпались, и произошло много удивительных и счастливых событий... Увы! Он испугался... Он не готов пока.

Анел захотелось заплакать...

— Ну-ну, дорогая девочка. Слезами тут не поможешь... Разглядела же ты в жёлтой бабочке меня. Ведь для кого-то я просто бабочка. И ему никогда не узнать во мне волшебницу, а значит, не воспользоваться моей волшебной силой... — она поцеловала Анел и, взмахнув жёлтыми крыльями, упорхнула из сада.

Заветная буква

Девочке Любочке

В королевском саду стоял невообразимый переполох. Звери, птицы, цветы, гномы — все старались перекричать друг друга. Наконец самый старый гном Иррежд не выдержал:

— Всё! Перестаём шуметь и будем говорить по очереди. Обычно всё знает маленькая птичка — с неё и начнем. Что тебе удалось узнать у принцессы Анел?

И маленькая птичка возбуждённо зачирикала:

— Ах, друзья мои, это такая тайна, такая тайна... Все эти годы её скрывали от Анел и от всех нас, её друзей. Оказывается, в имени Анел не хватает ещё одной буквы. И пока не появится человек, который знает эту букву, Анел не сможет быть счастливой...» И маленькая птичка задохнулась от собственных чувств... и не умерла.

— Что? Буква? — закричал Иррежд. — Ну-ка, кто знает алфавит?

И все гномы, и звери, и даже цветы наперебой стали выкрикивать разные буквы: «Б!.. О!.. Н!.. А!..» Буквы стали носиться в воздухе дружной стаей. Все страстно хотели помочь принцессе.

— В чём дело?! — закричал старый гном Иррежд. — Уже все буквы произнесены, но ничего не происходит. Ты что-то напутала, маленькая птичка?

— Я никогда ничего не путаю. Просто этот человек, кроме буквы, должен сказать Анел ещё какие-то слова. Но я их не знаю...

— Пора вызывать знакомую волшебницу, — строго произнёс Иррежд. И в ту же минуту в сад влетела большая жёлтая бабочка...

— Зря вы так расшумелись, друзья мои. Это не ваша забота — помочь Анел!.. Уже едет по дороге принц на белом коне... Он и сумеет сделать Анел счастливой. А наше дело — ждать да молиться...

Тут все замолчали, потому что Анел вышла в сад, а к воротам сада подъехал незнакомый принц. Он был очень просто одет, и шляпа на нём была далеко не новая: даже в тулье шляпы успела свить гнездо маленькая птичка... Но глаза у принца были очень весёлые и дерзкие...

Он подошел к Анел и сказал: «Здравствуй, принцесса Анеле. Наконец-то я нашёл тебя...» Все гномы, звери, птицы и цветы упали в короткий обморок: никто ещё не называл их Анел — **Анеле...** Вот она, та недостающая буква — **Е!**..

Дерзкокрылая Волшебница тихонько засмеялась: уж она-то всё знала заранее... Но не хватает ещё каких-то слов, которые должен сказать принц... «Здравствуй, принцесса Анеле, наконец-то я нашёл тебя, — повторил принц и добавил тихонько — Как ты прекрасна...».

Душа Анеле встрепенулась и стала расти, расширяться, становиться необъятной, как это небо, земля, как ветер... И чем свободнее парила душа, тем прекраснее становилась Анеле, и счастье излучали ее глаза, и счастьем был выткан каждый её жест...

«Ах, только любовь так преобразует человека и возвращает его самому себе...», — со слезами на глазах сказала волшебница и, чуть замешкавшись, жёлтой бабочкой покинула королевский сад.

Страх Любви

Было раннее утро, когда в окно принцессы Анеле кто-то постучал. Анеле открыла глаза, полежала, прислушиваясь, и, когда стук повторился, встала и подошла к окну. За окном просыпался чудесный королевский сад, весь в утренней росе, как будто усыпанный жемчугом.

Но кто же стучал? Анеле обвела огромное окно взглядом и увидела в углу жёлтую бабочку. Она быстро распахнула окно, но немного испугалась: никогда ещё волшебница не прилетала без зова Анеле. Бабочка влетела в окно:

— Дорогая Анеле, впервые мне потребовалась твоя помощь... Я думала, что мудра, что всё могу сделать ... Но оказалось, что это не так..., — и она замолчала...

Они стояли у открытого в сад окна, а в саду пробуждалась утренняя жизнь: шмели, букашки, бабочки, стрекозы, цветы, ветер — ах, как это было красиво!..

Анеле с замиранием сердца ждала, что же расскажет ей волшебница. И та, печально вздохнув, продолжила: « Я расскажу тебе правду о себе... В моей жизни была только одна мечта, одно устремление: я мечтала о любви. Ничего другого никто и не ищет в жизни. Даже когда добивается поста премьер-министра или становится банкиром, или музыкантом, или бродягой... Человек может скрывать от себя свою мечту, но обманывать себя всю жизнь он не сможет...» — и затаённокрылая Волшебница замолчала...

« Анеле, я знала, что любовь — это отсутствие страха. Я избавилась от всех своих страхов. Поверь, это было непросто. Это был тяжёлый труд... И вдруг поняла, что самый главный страх никуда не делся... И это был страх... любви. Тебе, может быть, непонятно, о чём я говорю. Мы все так хотим любви — и мы все так её боимся. Лишь очень немногие отваживаются любить...

Я прилетела проститься с тобой на всякий случай. Если я смогу победить свой страх — ты меня больше не увидишь... Ты молодец, девочка! Именно этому — отваге любить я и учусь у тебя. И сейчас мне очень нужна твоя поддержка! Пожелай мне удачи... И будь

счастлива!» Волшебница поцеловала ошеломленную Анеле и жёлтой бабочкой вылетела из окна.

Принцесса долго следила за её полётом. Ей хотелось заплакать, но потом она почему-то передумала, оделась и пошла в сад, думая о чудесной жёлтой бабочке и желая ей отваги в сердце...

Получилось!

Однажды Анеле и принц гуляли в саду. Анеле сказала: «Как я соскучилась без своей доброй волшебницы!... Скоро год, как она не прилетает...».

А в это время в углу сада около пруда собрались все гномы, звери, птицы и даже цветы бежали туда по всем дорожкам. «В чём дело, друзья? — спросила Анеле. — Что вы здесь делаете?» Старый гном Иррежд воскликнул: «Ах, принцесса! Мы никогда не видели такого красивого танца двух бабочек! Только взгляните, как они прекрасны!...» Анеле и принц подошли поближе. В лучах солнца танцевали две чудесные бабочки: жёлтая и фиолетовая! Это нельзя рассказать, это можно только увидеть или, в крайнем случае, нарисовать...

Анеле замерла. И вдруг узнала в жёлтой бабочке свою любимую добрую волшебницу!.. Никто другой даже не догадался, что это она. Вздволнованная Анеле взяла за руку принца и, не отрываясь, следила за танцем бабочек. Она вдруг все поняла: отважнокрылая Волшебница сумела! Она отважилась! У неё получилось! Она полюбила! И счастье захлестнуло чуткое сердце Анеле.

Ах, как она была рада! И всё-таки было немного грустно. Ведь тогда, в их утреннем разговоре у окна, волшебница сказала, что если у неё достанет отваги любить — она навсегда останется только жёлтой бабочкой и уже никогда и никто не увидит её в человеческом облике... Анеле благодарно заплакала. Только принц почувствовал всю глубину её переживания. А остальные не понимали: как можно плакать при виде такой красоты. Бабочки ещё раз соединились в чудесном танце, и Анеле послала воздушный поцелуй своей верной помощнице и наставнице.

Сад как будто бы опустел, когда жёлтая и фиолетовая бабочки поднялись ввысь и растаяли в поднебесье.

И Анеле вспомнила: когда-то давно, когда ей было пять лет, распихнутокрылая Волшебница сказала: «Придёт время, и тебе самой придётся стать Жёлтой Бабочкой...»

...Кажется, это время пришло...

Гатчина, 17-23 сентября, 2006 г.

Бабочки

Начало этой истории спрятано в памяти радужнокрылой бабочки, приснившейся однажды никому не известному художнику. А по соседству с ним жила женщина, которая умела привороживать в чужих снах ослепительные мелочи как бы настоящей жизни: скрип старых дубовых дверей, запах пыльных штор в счастливом доме, носовые платки, солёные от слез, шум моря, осколки разбитой китайской чашки, следы босых ног на песке и тысячи других драгоценностей, которые эта дама перетаскала из сна художника к себе домой...

В ту ночь её обворожила радужнокрылая бабочка, промелькнувшая во сне счастливо улыбающегося художника. И наутро ей удалось вышить содержание этого сна серебряными струями дождя на золотой подушечке, которую случилось подарить одному маленькому мальчику...

Каждые 98 дней на вышитой картине начинал идти длинноструйный дождь. И мама этого мальчика собирала звонкие струи в хрустальный стаканчик и поила малыша чудной влагой... Когда мальчику исполнилось три года, он выпил из хрустального стаканчика уже не дождевые струи, а семь с половиной нот. Эта половинка после семи нот была музыкой, никогда не звучавшей на Земле. А семь нот оказались просто ступеньками гармонии.

Мальчик рос и звучал, и мир вокруг становился чистым, радостно омытым музыкой, как дождем. Несколько лет назад он отзвучал здесь, на Земле. А я пришла в гости к его дочери, в его дом.

Дом дышал памятью и музыкой. Стены были задрапированы тяжёлыми шёлковыми портъерами, а за ними чудилась тайна. Что там? — я так и не решилась спросить.

Мы говорили. Близился вечер. Сначала почти неуловимо, а потом всё нарастая, стало проявляться присутствие чьей-то иной Жизни: трепетание тончайших крыл сначала еле слышно, а потом всё отчетливее, как аккорд за аккордом, стало нарастать вокруг: Жизнь билась, рвалась наружу, исходила страстью, звучала, присутствовала... Будто кто-то могучий, лёгкий, счастливый возвращал себя Богу в молитве... На последней ноте исчезли стены комнаты, рухнули все преграды и тысячи живых бабочек затрепетали вокруг в священном танце любви под аккомпанемент серебряннострунного дождя и слёз моей радости...

Жизнь являлась сном? Или сон жизнью? У каждого своя память...

* * *

*В том месте, где земля избыток сил
Вливала в сон полдневный зверобоя,
Где лёгкий ветер травы колосил,
Кружилась бабочка. Нас было двое.
Из самой глубины просила я доверия.
И на плечо мне села.
И тёмный, звёздный шорох бытия
Пронзил моё доверчивое тело...
Но в этот раз живой осталась я...*

* * *

Когда-нибудь до встречи в Салвингтоне...

СОДЕРЖАНИЕ

«Я знала это за истину» Предисловие Елены Черноземовой.....	4
О творчестве Ларисы Патраковой. Эссе Евгения Морошкина	7
Часть 1. Вино из полыни.....	9
Часть 2. Старухи.....	89
Часть 3. Бродячие псы осознанности	121
Часть 4. «Где рыцари в мантиях белых сверкали...» (Даниил и Алиса)	135
Часть 5. Не бойся ничего (Булгаков).....	159
Часть 6. Смеется вечность (стихи).....	169
Часть 7. Давно это было	221
Часть 8. Яков и франжипани.....	243

Лариса Патракова

Немного больно. Ощущенье счастья...

**В этом издании использованы рисунки
"Выбор" Ларисы Смагаринской,
фотографии из семейного альбома,
и авторская зарисовка.
Рисунок обложки Ольги Зверевой**

Подписано в печать 15.10.2012. Бумага офсетная.

Формат 70×100/16.,)

Гарнитура AcademyC. Печ. л. 15

Тираж 150 экз. Заказ №